

ISSN 1999-625X

№ 2(97)

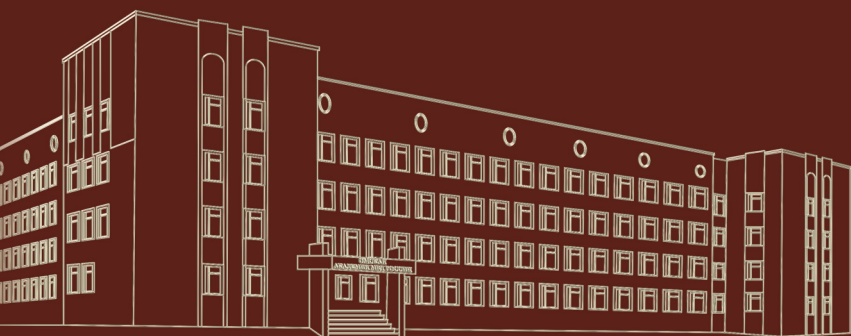
ИЮНЬ
2025

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК ОМСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

В НОМЕРЕ:

- Научная школа как средство развития юридической науки
- «Пенитенциарный арест» осужденного
- Должностные преступления работников хозяйственных обществ
- Феноменологическая редукция идеи служения Отечеству

Журналу 30 лет

Научно-практический журнал

**Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 31**

№ 2(97) апрель – июнь 2025 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим
научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 31**

No. 2(97) april – june 2025

Has been published quarterly since June 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences, philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук (Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
В. В. Николюк, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
О. В. Арефьева — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. Н. Гордеев, доктор юридических наук, доцент
(Ташкент, Республика Узбекистан)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

- А. М. Джоробекова**, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
М. С. Десятов, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, доцент (Белгород, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
К. Ляковская, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. И. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент
(Севастополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Д. В. Попов, доктор философских наук, доцент (Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Л. А. Пупышева, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турышев, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
А. А. Хамдамов, доктор юридических наук, профессор
(Ташкент, Республика Узбекистан)
В. В. Хиллута, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)
Ф. Р. Шарифзода, доктор юридических наук, доцент
(Душанбе, Республика Таджикистан)

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Д. С. Рудьман*

Редактирование *О. В. Арефьева*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Компьютерная правка и верстка *П. В. Ярославцева*

Перевод *Ю. И. Алфёрова*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 30.06.2025. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 13,5. Заказ № 176.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2025

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Political Science
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Science (in Law), Professor
(St. Petersburg, Russia)
V. V. Nikolyuk, Doctor of Science (in Law), Professor (Moscow,
Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
O. V. Arefeva — *assistant editor* (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Science (in Law), Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Science (in Law), Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
S. N. Gordeev, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Tashkent, the Republic of Uzbekistan)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Science (in Law), Associate-Profes-
sor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Science (in Philosophy) , Professor
(Moscow, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

- Desyatov M. S.**, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)
O. A. Diser, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Belgorod, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk,
Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Doctor of Science (in Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
N. I. Martishina, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, Candidate of Science (in Law), Associate-
Professor (Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, Candidate of Science (in Law), Associate-Pro-
fessor (Sevastopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Science (in Law), Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
D. V. Popov, Doctor of Science (in Philosophy), Associate-Profes-
sor (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Moscow, Russia)
L. A. Pupyshcheva, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Science (in Law), Associate-Profes-
sor — *editor-in-chief* (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, Candidate of Science (in Law), Associate-Profes-
sor — *deputy chief editor* (Omsk, Russia)
A. A. Khamdamov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Tashkent, the Republic of Uzbekistan)
V. V. Khilyuta, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Tomsk, Russia)
F. R. Sharifzoda, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Dushanbe, the Republic of Tajikistan)

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*

Editing *O. V. Arefeva*

Proofreading *L. I. Zamullo*

Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*

Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Price not fixed.

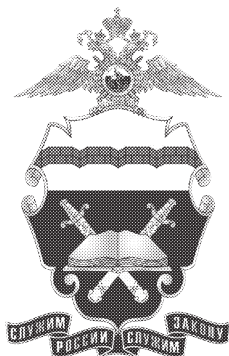
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 30.06.2025. Circulation 100 items. Published sheets 12,0. Printed sheets 13,5. Order No. 176.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2025

№ 2(97) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

2025

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

Буряков С. К. С юбилеем!

От редакции

113 Buriakov S. K. Happy Jubilee!

114 From the Editor

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Становление и развитие юридической науки в Омской академии МВД России

Бабуринов В. В., Нечепуренко А. А. Научная школа как средство развития юридической науки (на примере научной школы «Уголовно-правовые и криминологические меры воздействия на преступность»)

Бекетов О. И., Куянова А. В. Омская научная школа административного права и журнал «Научный вестник Омской академии МВД России»: тридцать лет взаимодействия

Грязнова Т. Е., Бучакова М. А. Фундаментальная юридическая наука в ведомственном образовательном учреждении: становление и развитие научно-образовательной школы «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции»

Дежнев А. С. Становление и развитие Омской научной школы «Обеспечение интересов личности и государства в досудебном уголовном производстве»

Луговик В. Ф., Гусев В. А. Омская научная школа оперативно-розыскной деятельности: развитие, достижения, перспективы

Соколов А. Б. Генезис криминалистической науки в Омской академии МВД России

LEGAL SCIENCES

Establishment and Development of Legal Science at the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

116 Baburin V. V., Nechepurenko A. A. Scientific School as a means of Development of Legal Science (on the Example of Scientific School „Criminal Law and Criminological Impact Measures on Crime“)

124 Beketov O. I., Kuianova A. V. Omsk Scientific School of Administrative Law and the Journal „Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs“: Thirty Years of Interaction

132 Griaznova T. E., Buchakova M. A. Fundamental Legal Science in a Departmental Educational Institution: Establishment and Development of the Scientific and Educational School „Theoretical and Historical Problems of Russian Jurisprudence“

139 Dezhnev A. S. Establishment and Development of the Omsk Scientific School „Ensuring the Interests of an Individual and the State in Pre-Trial Criminal Proceedings“

147 Lugovik V. F., Gusev V. A. Omsk Scientific School of Operational Crime Detection: Development, Achievements, Prospects

154 Sokolov A. B. The Genesis of Science of Criminalistics at the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

Противодействие правонарушающему поведению

Бавсун М. В. Выдворение, депортация и режим высылки как иные меры уголовно-правового характера

Борков В. Н., Булатов Б. Б., Павлов А. В. Новеллы в законодательстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого)

Николюк В. В. «Пенитенциарный арест» осужденного: квазимера пресечения или самостоятельная мера обеспечения исполнения приговора

Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовно-правовая оценка непредвиденных обстоятельств

Шин А. К. Стадия возбуждения уголовного дела: поиск баланса между процессуальной формой и доказательственной ценностью объяснений

Counteracting Delinquent Behaviour

159 Bavsun M. V. Expulsion, Deportation and Exile Regime as other Measures of Criminal Law Character

165 Borkov V. N., Bulatov B. B., Pavlov A. V. Novelties in the Legislation on Choosing a Preventive Measure in the form of Custodial Placement of a Suspect (Accused)

171 Nikoliuk V. V. „Penitentiary Arrest“ of a Convicted Person: a Quasi-Prevention Measure or an Independent Measure to Enforce a Sentence

179 Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Criminal Law Assessment of Unforeseen Circumstances

190 Shin A. K. The Stage of Initiation of Criminal Proceedings: Searching for Balance between Procedural Form and Evidentiary Value of Explanations

Право и государство

Абызов Р. М., Абызов К. Р. Информационно-технологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел

Болдырев В. А. Должностные преступления работников хозяйственных обществ: перспектива конституционного нормоконтроля

Леднев А. А. Экспериментальные правовые нормы как инструмент адаптации и модернизации законодательства

Law and State

195 Abyzov R. M., Abyzov K. R. Information and Technological Support for the Activities of Law Enforcement Bodies

200 Boldyrev V. A. White-Collar Crimes of Employees of Business Companies: Perspective of Constitutional Norm Control

205 Lednev A. A. Experimental Legal Norms as a Tool for Adaptation and Modernization of Legislation

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философский инструментарий

Плотников В. В., Тумин А. Ю. Феноменологическая редукция идеи служения Отечеству в философии Хайдеггера

Синченко Г. Ч. Конфигурации единого и многого в современном этическом и философско-правовом дискурсе. Часть II. Философия права

Информация для авторов

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Philosophical Toolkit

210 Plotnikov V. V., Tumin A. Yu. Phenomenological Reduction of the Idea of Serving the Fatherland in Heidegger's Philosophy

215 Sinchenko G. Ch. Configurations of the One and the Many in Contemporary Ethical and Philosophical-Legal Discourse. Part II. Philosophy of Law

222 Information for Authors

С юбилеем!

Дорогие друзья, коллеги, выпускники!

Для Омской академии МВД России 2025 год стал поистине знаменательным. Мы отмечаем сразу два важных юбилея: 105-летие со дня основания академии и 30-летие нашего флагманского издания — журнала «Научный вестник Омской академии МВД России». Эти даты символизируют не только богатую историю, но и непрерывное движение вперед, подтверждая статус академии как ведущего центра ведомственного образования и науки.

Академия по праву гордится своими выпускниками — настоящими профессионалами, которые составляют золотой фонд правоохранительной системы России. Среди них — руководители высшего звена, выдающиеся ученые, спортсмены, все те, кто с честью несет звание выпускника Омской академии МВД. Для каждого из них alma mater стала тем самым «местом силы», где закладывались основы профессионального мастерства, формировались характер и мировоззрение. Как писал А. С. Пушкин о Царскосельском лицее: «Отечество нам Царское Село!», так и для наших выпускников академия навсегда остается родным домом, куда хочется возвращаться снова и снова.

Особую гордость вызывает 30-летний юбилей Научного вестника. Созданный в сложные 90-е годы, в период становления новой России, журнал не только сохранил свои позиции, но и значительно укрепил авторитет в научном сообществе. Сегодня это площадка для обсуждения самых актуальных вопросов права и правоохранительной деятельности, где находят отражение передовые научные идеи и практические наработки.

За эти годы журнал стал настоящей летописью юридической науки. Его страницы хранят анализ важнейших правовых реформ, начиная с принятия Конституции РФ 1993 года и заканчивая современными изменениями в законодательстве. Приятно отметить, что география авторов постоянно расширяется, а качество публикуемых материалов неизменно растет.

Редакционная политика издания всегда отличалась смелостью в выборе тем и глубиной их освещения. Именно поэтому Научный вестник пользуется заслуженным уважением не только в ведомственной среде, но и среди широкого круга юристов, ученых, практиков.

Юбилейный номер — это возможность оглянуться назад и оценить пройденный путь. Мы видим, как развивался журнал, как рос его научный уровень, как менялся дизайн и содержание. Но неизменным оставалось главное — стремление быть полезным читателю, оперативно реагировать на вызовы времени, сохраняя при этом высокие стандарты качества.

В этом номере мы по традиции представляем лучшие статьи наших авторов, среди которых как признанные ученые, так и молодые исследователи. Особое внимание уделено материалам, посвященным актуальным проблемам правоприменительной практики и новым вызовам в сфере правоохранительной деятельности.

Завершая это обращение, хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто на протяжении трех десятилетий участвовал в создании журнала: авторам, рецензентам, членам редакционной коллегии, техническим специалистам. Отдельные слова признательности — нашим читателям, чей интерес и поддержка вдохновляют нас на новые свершения.

Пусть Научный вестник и впредь остается востребованной площадкой для научной дискуссии, сохраняя лучшие традиции и открывая новые горизонты! Желаю всем нам не останавливаться на достигнутом, смело идти вперед и покорять новые профессиональные вершины!

*Начальник Омской академии МВД России
кандидат политических наук
генерал-майор полиции
Сергей Константинович Буряков*

От редакции

В июне текущего года научно-практическому журналу «Научный вестник Омской академии МВД России» исполняется тридцать лет. По меркам возрастной периодизации издание по праву можно считать зрелым. В нем публикуются работы известных ученых и начинающих исследователей, география которых простирается от Калининграда до Владивостока. Юбилейный номер не стал исключением и представляет актуальные материалы, подготовленные по юридическим и философским наукам.

2025 год — важная веха не только для журнала. В этот год вся страна вспоминает героические подвиги нашего народа, восемьдесят лет назад поставившего победную точку в Великой Отечественной войне, а Омская академия — один из старейших вузов в системе МВД России — отмечает 105-ю годовщину со дня образования. Журнал продолжает оставаться площадкой для научных коммуникаций и дискуссий, что, безусловно, способствует развитию юридической науки как на территории Омской области, так и далеко за ее пределами.

Немалую роль в этом играет наш издатель — Омская академия МВД России, которую, как и другие научно-образовательные центры, особенно центры с большой историей, можно характеризовать под разными углами зрения. Мы же как научное издание решили на этот раз представить ее в качестве научного сообщества, а в нем сосредоточить внимание на таком явлении, как научная школа — совокупность смежных поколений исследователей, отличающихся передаваемым по наследству комплексом рефлексов мыслительной деятельности. Под крылом академии в разное время возникли и продолжают жить в родных стенах научные школы «Административно-правовое регулирование надзорной деятельности органов внутренних дел (полиции)»; «Обеспечение интересов личности и государства в досудебном уголовном производстве»; «Проблемы правового регулирования, организации и тактики оперативно-розыскной деятельности»; «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции»; «Уголовно-правовые и криминологические меры воздействия на преступность». При подготовке юбилейного номера редакция журнала обратилась к их руководителям с просьбой подготовить материалы о становлении и развитии юридической науки в Омской академии МВД России, которые вошли в отдельную рубрику с одноименным названием.

Особенно ценно то, что журналу удалось собрать коллекцию работ выпускников академии раз-

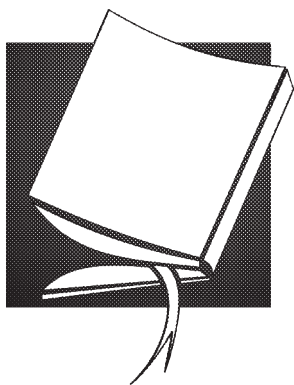
ных лет (начиная с 1975 года и заканчивая 2004 годом), достигших больших научных высот: Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Василия Васильевича Бабурина, Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Максима Викторовича Бавсуна, Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Олега Ивановича Бекетова, доктора юридических наук, доцента Владимира Анатольевича Болдырева, доктора юридических наук, профессора Виктора Николаевича Боркова, Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Бориса Борисовича Булатова, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, доктора юридических наук, доцента Татьяны Евгеньевны Грязновой, Заслуженного сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Владимира Александровича Гусева, Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Виктора Федоровича Луговика, Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Алексея Алексеевича Нечепуренко, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Вячеслава Владимировича Николука, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, доктора философских наук, профессора Георгия Чонгаровича Синченко.

Не остались в стороне и предложили свое видение интересных научных проблем наши постоянные авторы: Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Равиль Михайлович Абызов, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Михаил Матвеевич Бабаев, доктор юридических наук, профессор Марина Александровна Бучакова, доктор юридических наук, профессор Александр Сергеевич Дежнев, доктор юридических наук, профессор Юрий Евгеньевич Пудовочкин, за что им отдельное спасибо.

Многое уже сделано за прошедшие три десятка лет, много еще предстоит сделать. Но одно не вызывает сомнений: издание на сегодняшний день пользуется широкой известностью как среди авторов, так и среди читателей. Об этом свидетельствует количество поступающих в редакцию журнала публикационных заявок, растущие наукометрические показатели. Безусловно, в этом заслуга всех, кто тем или иным образом причастен к рождению

журнала, его развитию, наполнению пространства качественными и актуальными материалами, это заслуга каждого, кто вложил частицу себя в распространение научных знаний, нашедших отражение на страницах издания — наших авторов и ре-

цензентов, членов редакционного совета и редакционной коллегии, читателей. Редакция журнала выражает всем вам глубокую признательность и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество!

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

в Омской академии МВД России

ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF LEGAL SCIENCE AT THE OMSK
ACADEMY OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

УДК 340:343

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-116-123

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Научная школа как средство развития юридической науки (на примере научной школы «Уголовно-правовые и криминологические меры воздействия на преступность»)

Василий Васильевич Бабурин

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений¹, ✉ vvbaburin@mail.ru

Алексей Алексеевич Нечепуренко

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений¹, ✉ nechepurenko_oma@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

На примере анализа зарождения и развития существующей в Омской академии МВД России научной школы «Уголовно-правовые и криминологические меры воздействия на преступность» показана роль научных школ в развитии юридической науки. В статье дается обзор состояния юридических исследований в научных и образовательных организациях системы МВД России и делается акцент на таких параметрах характеристики данной научной школы, как ее руководители, зарождение идеи ее создания, фундаментальные исследования ее представителей, основные достижения на разных этапах развития. Особое внимание уделяется преемственности научных исследований от момента основания школы до настоящего времени, в связи с чем выделяются четыре поколения ученых, чьи научные идеи реализовались и продолжают развиваться под воздействием коллектива школы.

Ключевые слова: юридическая наука, научная школа, меры воздействия на преступность,
образовательные организации МВД России, эффективность деятельности

Для цитирования: Бабурин В. В., Нечепуренко А. А. Научная школа как средство развития юридической науки (на примере научной школы «Уголовно-правовые и криминологические меры воздействия на преступность») // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 116–123.

Scientific School as a means of Development of Legal Science (on the Example of Scientific School „Criminal Law and Criminological Impact Measures on Crime“)

Vasilii V. Baburin

Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor,
Professor at the chair of Criminology and Prevention of Crime¹, ✉ vvbaburin@mail.ru

Aleksei A. Nechepurenko

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor,
Professor at the chair of Criminology and Prevention of Crime¹, ✉ nechepurenko_oma@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

On the example of the analysis of the origin and development of the scientific school „Criminal Law and Criminological Impact Measures on Crime“ existing in the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, the role of scientific schools in the development of legal science is shown.

The article gives an overview of the state of legal research in scientific and educational organizations of the system of the Russian Ministry of Internal Affairs and focuses on such parameters of the characteristics of this scientific school as its leaders, the origin of the idea of its creation, the fundamental research of its representatives, the main achievements at different stages of development. Particular attention is paid to the continuity of scientific research from the time of the school foundation up to the present, in this connection four generations of scholars are distinguished, whose scientific ideas have been implemented and continue to develop under the influence of the school staff.

Keywords: legal science, scientific school, impact measures on crime, educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs, performance efficiency

Citation: Baburin V. V., Nechepurenko A. A. Scientific School as a means of Development of Legal Science (on the Example of Scientific School „Criminal Law and Criminological Impact Measures on Crime“). *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 116–123 (In Russ.).

Развитие юридической науки как сложного механизма производства нового знания безусловно зависит от множества факторов, среди которых не последнюю роль играет деятельность научных школ. Так, М. А. Кожевина, определяя факторы, воздействующие на генезис и становление всей российской юридической науки, наряду с социально-экономическими и политическими факторами выделяет также законотворчество, юридическое образование, функционирование юридического профессионального сообщества, организационно-правовые основы научной деятельности, развитие сети научной периодики и базы книгопечатания, научную этику и общественный контроль за научной деятельностью [1, с. 27]. Как видно, научные школы в этом перечне занимают срединное место, фактически выступая связующим звеном между законодательством, юридическим образованием и организационными основами научной деятельности.

Следует отметить, что образование научных школ стало хорошей российской традицией, которая глубоко выражает особенности культурно-исторического развития России [2, с. 13]. На многих исторических этапах развития Российского государства задачи развития юридической науки требовали объединения усилий ученых, которые реализовывались посредством создания коллективов исследователей. Со временем во всех сферах и направлениях юридической науки была наработана такая практика организации и деятельности научных школ, которая сохраняется в своей основе и по сегодняшний день.

Современное значение научных школ достаточно велико в связи с тем, что они продолжают представлять собой организацию тесного, постоянного общения коллектива ученых, в процессе которого происходит обмен идеями, обсуждение полученных научных результатов и перспектив дальнейшего развития выбранных научных направлений [3, с. 76].

Присутствие в научных коллективах разновозрастных ученых обуславливает эффективную модель научного обучения и образования, позволяющих естественным образом транслировать от старшего поколения к молодому не только исследовательский стиль мышления, определенный подход к решению юридических проблем, но и культурные, нравственные ценности, имеющие большое значение для становления ученого — патриота своей страны. Сформировавшейся научной школе свойственно научное самоопределение, самоидентификация коллектива, выявление и укрепление своей роли в науке каждого его члена, проектирование им своей исследовательской деятельности как части деятельности научной школы. Для развития различных сфер юридической науки важное значение имеют такие свойства научной школы, как инициативность, самостоятельность, наличие внутреннего импульса развития, целеустремленность, стойкость убеждений, неудовлетворенность достигнутыми результатами.

Такие возможности научных школ не могли быть не замечены во время становления и развития научной деятельности в органах внутренних дел Российского государства, поскольку противостояние современной преступности, осуществление эффективной профилактической работы немыслимо без активной научной поддержки, без внедрения передовых научных разработок, полученных научно-исследовательскими и образовательными организациями МВД России [2, с. 9]. На всем протяжении развития юридической науки научные школы всегда выступали источником интеллектуализации правоохранительной деятельности, необходимой средой формирования кадрового потенциала науки и нового поколения сотрудников полиции на основе передового опыта и результатов научных достижений [2, с. 9].

Научный потенциал МВД России напрямую зависит от качества подготовки научных кадров в образовательных и научных организациях системы

МВД России и работы диссертационных советов [4, с. 48]. В 2023 г. количество диссертационных советов в образовательных и научных организациях системы МВД России увеличилось до 30 (в 2022 г. — 25), из них: 22 — по юридическим наукам; 3 — по техническим наукам; 1 — по педагогическим, психологическим наукам; 2 — по педагогическим наукам; 1 — по психологическим наукам; 1 — по экономическим наукам. Из числа диссертационных советов: 20 открытых, 7 специальных, 2 объединенных, 1 объединенный-специальный.

Всего в 2023 г. на базе научных и образовательных организаций системы МВД России защищено 148 диссертаций, из них на соискание ученой степени доктора наук — 8, на соискание ученой степени кандидата наук — 140. По сравнению с 2022 г. произошло снижение количества защищенных диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук на 7,5% (в 2022 г. состоялась защита 160 диссертаций, из них на соискание ученой степени доктора и кандидата наук — 14 и 146 соответственно).

В настоящее время сотрудники и работники научных и образовательных организаций МВД России объединены в 85 научных школ. Наибольшее количество их сосредоточено в университетах и академиях МВД России, например, только в Санкт-Петербургском университете МВД России функционируют 10 научных школ [2, с. 265]. В Омской академии МВД России — 5 школ, среди них «Административно-правовое регулирование надзорной деятельности органов внутренних дел (полиции)», «Обеспечение интересов личности и государства в досудебном уголовном производстве», «Проблемы правового регулирования, организация и тактики оперативно-розыскной деятельности», «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции», «Уголовно-правовые и криминологические меры воздействия на преступность», каждая из которых разрабатывает самостоятельные направления научной деятельности, имеющие значение для совершенствования деятельности МВД России.

Обратимся к характеристике уголовно-правовой и криминологической научной школы нашего образовательного учреждения. Прежде всего уделим несколько слов ее руководителям. Основателем и лидером научной школы с 1975 г. являлся Альберт Иванович Марцев, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Под его научным руководством подготовлено 28 кандидатов юридических наук и научным консультированием — 6 докторов наук.

С июня 2013 г. по октябрь 2017 г. лидером школы, являлся Векленко Василий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист

Российской Федерации. Под его научным руководством подготовлено 23 кандидата юридических наук, а научным консультированием — 3 доктора юридических наук.

С октября 2017 г. по август 2020 г. научную школу возглавлял Максим Викторович Бавсун, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации. Под его научным руководством и консультированием подготовлено 14 кандидатов юридических наук, 1 — доктор юридических наук.

С августа 2020 г. по март 2024 г. научную школу возглавлял Алексей Алексеевич Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор. Под его научным руководством подготовлено 8 кандидатов юридических наук.

С марта 2024 г. по настоящее время научную школу возглавляет Василий Васильевич Бабурин, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Под его научным руководством подготовлено 14 кандидатов юридических наук.

Особое значение имеет этап становления нашей научной школы (1968-1974 гг.), поэтому охарактеризуем его более подробно. В целом создание и становление научной школы «Уголовно-правовые и криминологические меры воздействия на преступность» Омской академии МВД России определяется двумя основными факторами, действовавшими в СССР в 1960–1970-х гг. С одной стороны, это *активное развитие высшего милицейского образования* и связанное с этим формирование новых милицейских вузов, с соответствующими профильными кафедрами, с другой стороны, *развитие в нашей стране уголовного права и криминологии* как самостоятельных наук и юридических дисциплин. С определенными значительными достижениями в этих двух направлениях связаны основные этапы развития данной научной школы.

Для подготовки милицейских кадров с высшим образованием глубокое и прочное знание уголовного права и криминологии имело большое значение, поскольку способствовало формированию милиционера как полноценного юриста, помогало умелому осуществлению сотрудниками органов внутренних дел возложенных на них функциональных обязанностей, строгому соблюдению законности, основополагающих прав и свобод человека и гражданина, правильной квалификации общественно опасных деяний, принятию самостоятельных решений по сложным юридическим вопросам. Поэтому сразу после образования в Омске в 1965 г. Омской высшей школы милиции МВД СССР в структуре данной школы наряду с другими кафедрами была создана кафедра уголовного права и процесса, которую возглавил В. Т. Томин [5, с. 147].

В связи с необходимостью последовательного формирования специализаций в юридической науке в 1968 г. эта кафедра разделилась на кафедру уголовного процесса и кафедру уголовного права, которую возглавил А. И. Марцев [6, с. 113]. В последующем в 1974 г. была создана кафедра криминологии, которую возглавил Б. Ф. Водолазский [6, с. 98].

Фактически это были основные объективно-структурные вехи становления научных коллективов, входящих в настоящее время в научную школу «Уголовно-правовые и криминологические меры воздействия на преступность», поскольку ученые в образовательной организации, занимающиеся одновременно и педагогической, и научной деятельностью, распределяются по профильным кафедрам.

Кроме активного развития науки уголовного права, 60-е — начало 70-х гг. XX века ознаменовались возрождением отечественной криминологии, которое было обусловлено взрывным ростом преступности, в частности, несовершеннолетних, что потребовало научного ответа на этот вызов. Криминологические исследования стали активно проводиться и в образовательных, научных учреждениях системы Министерства внутренних дел СССР. Курс криминологии последовательно внедрялся в учебных заведениях органов внутренних дел, что было вызвано необходимостью подготовки квалифицированных специалистов, способных противостоять новым формам и видам преступности. С образованием в 1965 г. Омской высшей школы милиции МООП РСФСР впервые в число преподаваемых дисциплин вошла криминология, реализация которой была поручена кафедре уголовного права и процесса.

Омская высшая школа милиции не осталась в стороне и от развития криминологической науки. В стенах молодого вуза была собрана плеяда молодых педагогов и ученых с опытом практической работы и желанием заниматься наукой, в том числе криминологией. В рамках научной школы «Уголовно-правовые и криминологические меры воздействия на преступность» стало активно формироваться ее второе направление — криминологическое. Так, в 1973 г. А. И. Марцевым подготовлены и изданы учебные пособия «Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений» [7], и «Криминологическая характеристика личности вора» (совместно с Ю. В. Бышевским) [8]. В 1975 г. А. И. Марцев защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по совместным проблемам уголовного права и криминологии на тему «Теоретические вопросы общего и специального предупреждения преступлений» [9]. 17 апреля 1978 г. в Томском государственном университете им. В. В. Куйбышева Ю. В. Бышевский защитил кандидатскую диссертацию

«Личность вора-рецидивиста, особенности назначения и исполнения наказания в виде лишения свободы».

Одним из значимых достижений криминологической науки того периода стало создание системы профилактики правонарушений. В 1969–1974 гг. был принят ряд нормативных актов по основам организации и тактики предотвращения преступлений органами милиции, что в итоге привело к созданию в марте 1974 г. в аппаратах уголовного розыска профилактической службы правонарушений, на которую были возложены задачи по изучению причин, порождающих правонарушения, условий, способствующих их совершению, разработке мер по обеспечению профилактического воздействия на лиц, склонных к правонарушениям, устранению условий и причин, способствующих совершению преступлений, и др.

В связи с тем что профилактическая служба создавалась на базе подразделений уголовного розыска, потребовались новые подходы при подготовке кадров для органов внутренних дел, а ОВШМ МВД СССР как кузница кадров для аппаратов уголовного розыска, уже имеющая огромный опыт в подготовке сотрудников для оперативных подразделений, а также большой научный и педагогический потенциал, включилась в эту работу.

В целом развитие научной школы с 1975 г. по настоящее время привело к тому, что сложилось четыре поколения представителей Омской уголовно-правовой и криминологической научной школы на базе нашего образовательного учреждения.

Первое поколение (1975–1985 гг.): доктор юридических наук А. И. Марцев, доктор юридических наук Е. И. Каиржанов, кандидат юридических наук А. С. Кузьмина, доктор юридических наук П. Н. Панченко, кандидат юридических наук А. М. Царегородцев, доктор юридических наук Р. А. Сабитов, доктор юридических наук М. П. Клейменов, кандидат юридических наук Ю. В. Бышевский, кандидат юридических наук А. Н. Симиненко, доктор юридических наук А. Н. Харитонов, доктор юридических наук А. А. Конев, кандидат юридических наук Н. Г. Радунцева, кандидат юридических наук Г. А. Радов, кандидат юридических наук В. Н. Поправко и др. Данные ученые стояли у истоков создания школы, поиска концептуальных идей, которые предстояло разрабатывать им и их ученикам. Именно в этот период под влиянием научных изысканий А. И. Марцева было решено в качестве основного направления уголовно-правовых и криминологических научных исследований развивать изучение проблем эффективности общего и специального предупреждения преступлений как целей уголовной ответственности.

Второе поколение (1986–2000 гг.) — это ученики профессора А. И. Марцева и его соратников: кандидат юридических наук А. В. Иващенко, доктор юридических наук С. В. Максимов, доктор юридических наук С. Я. Лебедев, доктор юридических наук В. Н. Зырянов, доктор юридических наук В. В. Векленко, кандидат юридических наук Н. В. Баландюк, доктор юридических наук Н. А. Никонов, доктор юридических наук В. В. Бабуurin, доктор юридических наук А. А. Нечепуренко, кандидат юридических наук В. И. Морозов, кандидат юридических наук А. А. Купленский, кандидат юридических наук В. Д. Леготкин, доктор юридических наук С. В. Векленко, кандидат юридических наук В. В. Белецкий, доктор юридических наук А. В. Шнитенков, кандидат юридических наук С. Л. Панов, кандидат юридических наук П. Н. Путилов, кандидат юридических наук Ю. А. Мерзлов, кандидат юридических наук О. А. Михаль, кандидат юридических наук С. А. Тимко, кандидат юридических наук С. М. Мальков и др. Эти ученые развивали и развивают отдельные направления учения об уголовной ответственности и предупреждении преступлений на прикладном и фундаментальном уровнях.

Третье поколение (2001–2015 гг.) — ученики А. И. Марцева, его соратников, стоявших у основания школы, и их учеников: кандидат юридических наук И. Г. Рагозина, доктор юридических наук М. В. Бавсун, доктор юридических наук В. Н. Боровков, кандидат юридических наук К. Д. Николаев, кандидат юридических наук А. А. Урусов, кандидат юридических наук Ю. А. Власов, кандидат юридических наук П. Л. Сурихин, кандидат юридических наук Н. В. Вишнякова, доктор юридических наук И. В. Попов, кандидат юридических наук Н. А. Черемнова, кандидат юридических наук О. А. Бойко, кандидат юридических наук А. А. Турышев, кандидат юридических наук А. И. Савельев, кандидат юридических наук Е. И. Чекмезова, кандидат юридических наук И. А. Кузнецова, кандидат юридических наук А. В. Жайворонок, кандидат юридических наук А. В. Ревягин, кандидат юридических наук К. Н. Карпов, кандидат юридических наук А. К. Теохаров и др. Представители данного поколения научной школы не только продолжили заниматься отдельными проблемами уголовной ответственности и уголовно-правового воздействия в целом, но и реализовали свой научный потенциал в развитии новых направлений фундаментальных исследований в области уголовно-правовой охраны интересов государственной службы и природной среды.

Четвертое поколение (2016 г. — настоящее время) — ученики учеников А. И. Марцева: кандидат юридических наук С. А. Комарикова, кандидат юридических наук Н. А. Тюфяков, кандидат юри-

дических наук А. Е. Куковякин, кандидат юридических наук Б. Э. Ганмягмар, кандидат юридических наук Г. Н. Миронова, кандидат юридических наук М. В. Лупырь, кандидат юридических наук Д. А. Мурин, кандидат юридических наук Д. Г. Кишеньков, кандидат юридических наук С. И. Кельм, кандидат юридических наук Д. А. Огорелков, кандидат юридических наук О. А. Дизер, кандидат юридических наук С. Е. Суверов, кандидат юридических наук Е. С. Квасников и др. Они продолжают развивать научные идеи своих учителей в рамках основных концептуальных направлений научной школы. Среди ученых этого поколения следует выделить двух представителей Монголии, обучавшихся в очной адъюнктуре Омской академии МВД России: кандидат юридических наук Батболд Галбадрах и кандидат юридических наук Амарсанаа Вандам-Иш. По заданию и под научным редактированием своих руководителей этими учеными был осуществлен первый в России перевод на русский язык Уголовного кодекса Монголии, который издан на базе академии в 2020 г.

Характеризуя научные исследования ученых данной школы, необходимо отметить наличие преимущественности концептуальных научных теоретических и методологических подходов в научных исследованиях, которая выражается в сформированности основного направления научных исследований и методичном использовании научных достижений, полученных предыдущими поколениями научной школы.

В рамках преимущественности сложившихся научных подходов ведущими учеными научной школы в течение многих лет разрабатываются авторские направления фундаментальных исследований. Укажем основные из них.

А. И. Марцевым разработаны теоретические основы таких краеугольных категорий уголовного права, как «преступление», «наказание» и «уголовная ответственность». Фундаментальную разработку получили вопросы общего и специального предупреждения преступлений, содержания и соотношения категорий «общественная опасность» и «общественная вредность». Предложен подход к категоризации преступлений, учитывающий ценность объектов уголовно-правовой охраны [10; 11; 12; 13; 14; 15].

М. П. Клейменовым проанализирована специфическая юридическая и статистическая природа нераскрытой преступности, установлены ее параметры и механизм детерминации. Осуществлены криминологические исследования экономической и организованной преступности. В рамках участия в подготовке проекта действующего Уголовного кодекса Российской Федерации сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и проектов нормативных правовых актов, а также

предложений в федеральные целевые комплексные программы. Разработаны фундаментальные теории уголовно-правового и криминологического прогнозирования и этнокриминологии [16; 17].

В. В. Векленко сформулированы предложения по совершенствованию института соучастия в преступлении. Разработаны концепция уголовно-правовой охраны имущественных интересов, концептуальные основы уголовно-правового противодействия отдельным видам хищения чужого имущества; обосновано разрешение наиболее сложных и спорных вопросов квалификации преступлений против собственности: разграничение отдельных форм и видов хищений; их отличие от смежных составов преступлений; толкование отягчающих обстоятельств и т. д. [18; 19].

С. В. Векленко разработана авторская концепция виновного вменения в уголовном праве, представляющая собой преодоление отрыва различных существовавших ранее теорий вины от правоприменительной практики с сохранением всего положительного и не утратившего своей актуальности теоретического материала, с добавлением к нему достижений других отраслей знаний. Содержанием данной концепции выступают формулировка понятия, определение сущности, содержания и форм вины в уголовном праве, предложения по совершенствованию законодательной регламентации виновной ответственности [20; 21].

В. В. Бабуриным сформулировано понятие и раскрыты характерные признаки системы уголовного права как уголовно-правового явления, раскрыто содержание и структурные элементы этой системы. Предпринята попытка обоснования концепции подотраслей уголовного права. Разработана частная научная концепция уголовно-правового риска как основания дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Представлен новый подход к правовой оценке правомерности обоснованного риска с учетом квалификации рискованной деятельности лиц, допускающих рискованные действия. Сформулированы теоретические положения по определению признаков правомерного и неправомерного действия в рамках административного, уголовно-правового и уголовно-процессуального задержания преступника. Разработаны предложения, направленные на повышение эффективности уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности [22; 23; 24].

А. А. Нечепуренко разработана авторская концепция понимания уголовной ответственности и форм ее реализации, на основе которой сформулированы предложения по совершенствованию Общей части уголовного законодательства, рассмотрены социально-исторические предпосылки возникновения

и развития идеи условности наказания, специфики внедрения данной идеи в уголовное законодательство России, обоснована концепция уголовного испытания как самостоятельного правового явления и определено его место в системе уголовно-правового принуждения [25; 26].

М. В. Бавсуном разработаны базовые начала уголовно-правового воздействия, включающие уголовно-правовую идеологию, цели, задачи, принципы и средства его реализации. Сформулировано принципиально новое представление о содержании уголовно-правового воздействия за счет расширения его функционального назначения и использования государством не только для подавления преступности, но и в качестве одного из средств формирования общественного сознания в направлении неприятия и недопустимости общественно опасного поведения субъектами складывающихся правоотношений. Обоснован новый подход к таким базовым категориям, как принципы уголовного права. В частности, уголовно-правовая доктрина была дополнена теоретическим обоснованием идеи целесообразности и ее роли в механизме уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступление [27; 28; 29].

И. В. Поповым разработана концепция уголовно-правового воздействия на охрану окружающей природной среды; сформулировано понятие «преступление против природной среды», являющееся основой для включения в главу 26 УК РФ уголовно-правовых норм, защищающих природу и ее отдельные компоненты; предложена концепция построения данной главы, обеспечивающая максимально эффективное применение уголовно-правовых норм, запрещающих посягательства на среду обитания человека и других живых существ; выявлены причины редкого применения норм, предусматривающих ответственность за преступления против природной среды; сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм и практики их применения [30; 31].

В. Н. Борковым разработана концепция уголовно-правовой охраны осуществления государственных функций от преступлений должностных лиц, предложены новые уголовно-правовые меры противодействия коррупционным отношениям, сформулированы теоретические основания квалификации злоупотребления должностными полномочиями, их превышения, халатности, взяточничества и других преступлений, принципы, правила и четкие алгоритмы их разграничения и критерии отграничения от иных правонарушений. Разработана концепция объекта и субъекта должностных преступлений, показана общественная опасность провокации преступления, проанализировано состояние уголовно-

правовой охраны общественных отношений, развивающихся в сфере правосудия, решены сложные вопросы квалификации преступлений, совершаемых судьями, следователями и лицами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Предложена непротиворечивая теория квалификации злоупотребления должностными полномочиями, превышения должностных полномочий и взяточничества [32; 33].

Характеризуя общие научные достижения всего коллектива научной школы А. И. Марцева, следует отметить прежде всего проводимые данным научным коллективом крупные научные исследования, среди которых комплексное криминологическое исследование по совершенствованию мер борьбы с преступностью в Куйбышевском районе г. Омска (1971 г.), комплексное изучение состояния преступности и организация профилактической работы в Советском районе г. Омска (1981–1982 гг.) [34, с. 37]. По заданию Верховного Совета РСФСР коллективом авторов Омской высшей школы милиции МВД РСФСР в составе А. И. Марцева, А. М. Царегородцева, М. П. Клейменова, А. В. Иващенко в 1991 г. был подготовлен авторский проект Уголовного кодекса РСФСР [35].

На рубеже XX–XXI вв. группой ученых под руководством А. В. Иващенко проводились грантовые криминологические исследования по проблемам обеспечения личной безопасности и охраны жилищ граждан России от краж, а также противодействия коррупции и формирования антикоррупционной устойчивости госслужащих, осуществлялась разработка теоретических вопросов насильственной и не раскрытой преступности [36; 37; 38].

Большое значение имела подготовка научным коллективом учебников по Общей (первое издание — 1998 г.) и Особенной (первое издание — 2001 г.) частям российского уголовного права. На сегодняшний день эти учебники претерпели 12 переизданий

в центральных юридических издательствах. Продолжает переиздаваться и известный авторский учебник М. П. Клейменова «Криминология» (первое издание — 2008 г.). За последние 10 лет учеными школы было издано 26 монографий, 492 статьи в изданиях, входящих в утвержденный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России Перечень рецензируемых научных изданий.

В настоящее время индекс цитирования научных публикаций 31 представителя исследователей школы в научных изданиях (индекс Хирша) составляет от 2 у начинающих ученых до максимального 27 у ведущих.

Количество защищенных в рамках научной школы диссертаций как непосредственно членами научной школы, так и под их научным руководством (научным консультированием) составляет: 160 кандидатских диссертаций и 11 докторских. Только за последние 10 лет защищено 32 диссертации.

Отметим также высокую эффективность внедрения результатов научных исследований школы в оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел, образовательную, научную деятельность и воспитательный процесс. Только за пять последних лет — 58 актов внедрения.

Кроме того, организовано и проведено в рамках научного направления 27 научно-представительских мероприятий международного и всероссийского уровней.

Итак, к настоящему времени научная школа «Уголовно-правовые и криминологические меры воздействия на преступность» своими научными достижениями доказала, что является признанным в научном сообществе сложившимся коллективом исследователей и ей принадлежит особая роль не только в реализации основных научных направлений в Омской академии МВД России, но и в развитии юридической науки в системе МВД России и в Российской Федерации в целом.

Список источников

1. Кожевина М. А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв. : монография. Омск, 2013.
2. Ситковский А. Л. Научные школы системы МВД России : монография. М., 2022.
3. Акишина Е. О., Мартишина Н. И. Научная школа: сущность, статус, возможности регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 3(74).
4. Устремленные в будущее: система подготовки кадров МВД России / коллектив авторов под руководством В. Л. Кубышко. М., 2018.
5. Николаев П. Ф. Омская высшая школа милиции МВД СССР (1920–1970) / под ред. комиссара милиции 3 ранга И. Р. Алексеева. Омск, 1969.
6. Омская академия МВД России. 90 лет / авторы-составители: С. М. Андреев, И. А. Андреева, М. А. Кожевина. Омск, 2010.
7. Марцев А. И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений : учеб. пособие. Омск, 1973.

8. Бышевский Ю. В. Криминологическая характеристика личности вора: учебное пособие. Омск, 1973.
9. Марцев А. И. Теоретические вопросы общего и специального предупреждения преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1975.
10. Марцев А. И. Специальное предупреждение преступлений. Омск, 1977.
11. Марцев А. И. Преступление: сущность и содержание. Омск, 1986.
12. Марцев А. И., Максимов С. В. Общее предупреждение преступлений и его эффективность : монография. Томск, 1989.
13. Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права : монография. Красноярск, 1990.
14. Марцев А. И., Максимов С. В., Морозов В. И., Нечепуренко А. А. Общее предупреждение преступлений: проблемы и перспективы : монография / под ред. А. И. Марцева. Омск, 1993.
15. Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении : монография. Омск, 2000.
16. Клейменов М. П. Уголовно-правовое прогнозирование : монография. Томск, 1991.
17. Клейменов М. П. Введение в этнокриминологию : монография. Омск, 2004.
18. Векленко В. В. Квалификация хищений : монография. Омск, 2001.
19. Векленко В. В., Николаев К. Д. Отягчающие обстоятельства хищений : монография. Омск, 2009.
20. Векленко С. В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве : монография. Омск, 2002.
21. Векленко С. В. Диалектика и вопросы вины в уголовном праве : монография. Омск, 2003.
22. Бабурин В. В. Концепция риска в уголовном праве : монография. Омск, 2008.
23. Бабурин В. В. Система современного уголовного права : монография. Омск, 2015.
24. Бабурин В. В., Мурин Д. А. Прикосновенность к преступлениям против собственности : монография. Омск, 2024.
25. Нечепуренко А. А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации: опыт комплексного исследования : монография. Омск, 2008.
26. Нечепуренко А. А. Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования : монография. Омск, 2014.
27. Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве : монография. Омск, 2004.
28. Бавсун М. В. Методологические основы уголовно-правового воздействия : монография. М., 2012.
29. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : монография. Омск, 2014.
30. Попов И. В. Преступления против природной среды: проблемы теории и практики : монография. М., 2012.
31. Попов И. В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения норм главы 26 УК РФ : монография. М., 2015.
32. Борков В. Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами : монография. М., 2016.
33. Борков В. Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности: монография. Омск, 2022.
34. Клейменов М. П., Кожевников В. В., Кузнецов А. А. Омская высшая школа милиции и развитие юридической науки : монография. Омск, 1995.
35. Совершенствование и эффективность применения республиканского законодательства в борьбе с преступностью : сб. науч. тр. Ч. 2: Уголовный кодекс РСФСР (проект). Омск, 1991.
36. Иващенко А. В., Марцев А. И. Методология правового исследования насилия // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием : межвузовский сборник научных трудов. Омск, 1996.
37. Иващенко А. В., Алексеева Е. А. Личностные особенности квартирных воров // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2(49).
38. Иващенко А. В., Ревягин А. В. Нераскрытая насильственная преступность : монография. М., 2013.

УДК 342

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-124-131

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Омская научная школа административного права и журнал «Научный вестник Омской академии МВД России»: тридцать лет взаимодействия

Олег Иванович Бекетов

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел¹,
✉ ol_beketov@mail.ru

Арина Викторовна Куянова

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России¹,
✉ a_kuyanov@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Статья посвящена исследованию взаимодействия Омской научной школы административного права с журналом «Научный вестник Омской академии МВД России», анализу вклада ученых-административистов и, в определенной степени, конституционалистов в развитие правовой науки и практики. За три десятилетия журнал стал важной платформой для обсуждения множества ключевых вопросов административного и конституционного права, а публикации его авторов не только отражали изменения в правовой системе России, но и предлагали решение актуальных проблем, многие из которых сохраняют свою значимость и сегодня.

Цель данной статьи заключается в осмыслении роли журнала в формировании научной школы, а также в оценке влияния публикаций ее представителей на развитие российской административно-правовой и конституционно-правовой доктрины и соответствующих отраслей законодательства.

Ключевые слова: Научный вестник, Омская научная школа, административное право, взаимодействие, административно-правовая доктрина

Для цитирования: Бекетов О. И., Куянова А. В. Омская научная школа административного права и журнал «Научный вестник Омской академии МВД России»: тридцать лет взаимодействия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 124–131

Omsk Scientific School of Administrative Law and the Journal „Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs“: Thirty Years of Interaction

Oleg I. Beketov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Administrative Law
and Administrative Activity of Law Enforcement Bodies¹, ✉ ol_beketov@mail.ru

Arina V. Kuianova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Administrative Law and Administrative Activity
of Law Enforcement Bodies¹, ✉ a_kuyanov@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article is devoted to the study of interaction between the Omsk scientific school of administrative law and the journal „Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs“, analysis of the contribution of administrative law scholars and, to a certain extent, constitutionalists in the development of legal science and practice. Over three decades, the journal has become an important platform for discussion of many key issues of administrative and constitutional law, and the publications of its authors not only reflected changes in the legal system of Russia, but also offered solutions to relevant problems, many of which remain important today.

The purpose of this article is to understand the role of the journal in the formation of the scientific school, as well as to assess the impact of publications of its representatives on the development of Russian administrative law and constitutional law doctrines and relevant branches of legislation.

Keywords: Scientific Bulletin, Omsk scientific school, administrative law, interaction, administrative law doctrine

Citation: Beketov O. I., Kuianova A. V. Omsk Scientific School of Administrative Law and the Journal „Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs“. Thirty Years of Interaction. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 124–131 (In Russ.).

Начало взаимодействия: формирование научной школы административного права

С первых номеров журнала «Научный вестник Омской высшей школы милиции МВД России» (далее — Научный вестник) на его страницах активно публиковались представители формирующейся омской научной школы административного права. Материалы журнала всегда отражали наиболее актуальные проблемы науки и практики.

С самого начала в состав редакционной коллегии журнала входил преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел кандидат юридических наук Владимир Владимирович Головкин. В первом номере за 1995 год он опубликовал статью «Новое в законодательстве о Государственной границе Российской Федерации (административно-правовой аспект)», в которой проанализировал значительные изменения в отечественном административном законодательстве, вызванные принятием Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации». Автор выделил ключевые аспекты административно-правового регулирования, связанные с обеспечением безопасности государства, и предложил меры по совершенствованию соответствующих механизмов.

В Научном вестнике № 1(9) за 1999 год в рубрике «Актуальные проблемы правоприменения» была опубликована статья В. В. Головкина «Государственная инспекция безопасности дорожного движения: проблемы и перспективы», в которой он глубоко проанализировал вопросы совершенствования нормативной базы деятельности Госавтоинспекции и предложил конструктивные рекомендации, направленные на улучшение взаимодействия участников дорожного движения и повышение уровня безопасности на дорогах.

Следует отметить, что В. В. Головкин в своих аналитических статьях неоднократно обращался к различным аспектам организации и деятельности Госавтоинспекции (Научный вестник № 1(21) за 2005 г.), вопросам административно-юрисдикционной деятельности (Научный вестник № 1(23) 2006 г., № 1(25) 2007 г., № 1(28) 2008 г., № 1(44) 2012 г., № 2(53) 2014 г., № 2(69) 2018 г.), не обходя стороной проблемы становления и развития административного судопроизводства в России (Научный вестник № 2(26) 2007 г.).

Адъюнкт Дмитрий Анатольевич Газизов в Научном вестнике № 1(9) за 1999 г. в статье «Милиция в системе субъектов предупреждения и пресечения правонарушений в сфере оборота наркотических

средств» пришел к выводу, что разнообразие функций и направлений работы по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере наркотиков требует участия практически всех служб и подразделений милиции. Например, подразделения по борьбе с незаконным оборотом наркотиков анализируют оперативную обстановку и разрабатывают мероприятия по пресечению незаконной деятельности, выявлению виновных и контролю за легальным оборотом наркотических средств. Участковые инспекторы милиции устанавливают лиц, допускающих немедицинское потребление наркотиков, оформляют материалы об административных правонарушениях и направляют их на медицинское освидетельствование, а также разрабатывают и реализуют мероприятия по общей и индивидуальной профилактике распространения наркотиков. Они также обследуют территории в целях обнаружения незаконных посевов и дикорастущих наркотикосодержащих растений, организуют уничтожение таких растений. Практически все службы и подразделения милиции участвуют в специализированных профилактических операциях, таких как «Мак» и «Допинг». Обширная деятельность милиции в этой области основывается на сложившихся административно-правовых институтах, таких как административное задержание, административная ответственность, а также наблюдение за процессом социальной реабилитации лиц, осужденных за преступления, связанные с наркотиками.

Д. А. Газизов в дальнейшем постоянно обращался к проблеме борьбы с незаконным оборотом наркотиков. В Научном вестнике № 1(56) за 2015 г. он совместно с Л. В. Кузнецовой опубликовал статью «Система и классификация административных правонарушений в сфере оборота наркотических средств», в которой авторами предложена новаторская классификация административных правонарушений в сфере оборота наркотических средств, состоящая из трех обширных групп, на основании которой ими сделан обоснованный вывод о необходимости пересмотра и унификации соответствующих административно-деликтных правовых норм.

В Научном вестнике № 2(10) за 1999 г. адъюнкт Екатерина Юрьевна Корчагина представила обзор выступлений участников международной научно-практической конференции «Ювенольная юстиция и профилактика правонарушений», которая проходила с 26 по 28 ноября 1999 г. в Санкт-Петербурге. В форуме приняли участие научные и практические работники не только из России, но и из США, Вели-

кобритании, Франции, Германии, Швеции и Дании. Конференция была посвящена актуальным проблемам, связанным с ростом криминальной активности несовершеннолетних, недостаточной эффективностью работы государственных органов и общественных формирований. Участников конференции заинтересовало предложение о создании ювенальных судов, которое было всесторонне обосновано заместителем начальника Омского юридического института МВД России по научной работе доктором юридических наук, профессором Вячеславом Владимировичем Николюком в его докладе «Необходим эксперимент по созданию в России судов для несовершеннолетних». По мнению докладчика, одним из вариантов организации ювенальной юстиции в России могло бы стать создание специализированных федеральных судов для несовершеннолетних с комплексной юрисдикцией. Проблема, поднятая В. В. Николюком двадцать пять лет назад, остается актуальной и в настоящее время.

Выступающие акцентировали внимание на недостатках в законодательстве, касающемся профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В частности, обсуждались вопросы явно недостаточной регламентации работы отдельных служб и подразделений органов внутренних дел, предусмотренной Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Кроме того, необходимо было согласовать положения данного закона с обновленной редакцией Закона РФ «О милиции».

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России Екатерина Юрьевна Чумарова (в девичестве — Корчагина), расширяя тематику своих исследований, продолжила сотрудничество с журналом. В Научном вестнике № 1(88) 2023 г. она опубликовала статью, привлекающую внимание ученых, под названием «Применение понятия «повторность привлечения к административной ответственности» в сфере оборота оружия».

Адъюнкт Ирина Геннадьевна Солодка (в настоящее время Ирина Геннадьевна Бавсун — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Университета правосудия им. В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент) в Научном вестнике № 1(11) 2000 г. опубликовала статью, посвященную теме своего диссертационного исследования «Некоторые проблемы соотношения федерального и регионального законодательства в деятельности административных комиссий» [1]. В ней автор обратила внимание на многочисленные коллизии между федеральным и региональным за-

конодательством, особенно в сфере административной ответственности, которые препятствуют формированию единого правового пространства в стране. Для обеспечения единообразного применения закона И. Г. Солодка предложила на федеральном уровне определить перечень органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела о нарушениях регионального законодательства, а также установить порядок производства по таким делам. По мнению автора, за субъектами Российской Федерации следует оставить лишь право создания определенных юрисдикционных органов. Таким образом, можно обеспечить единство всех процессуальных норм законодательства об административных правонарушениях на территории всей Российской Федерации и гарантировать ведущую роль государства как защитника прав и свобод человека и гражданина.

В своих последующих исследованиях Ирина Геннадьевна продолжает изучать актуальные проблемы структуры правового регулирования деятельности административных комиссий, апробируя свои выводы и предложения, в том числе на Сорокинских чтениях, состоявшихся 21 марта 2025 г. в Санкт-Петербурге.

Адъюнкт Сергей Омаринович Екимов в журнале опубликовал научную статью, посвященную теме его диссертационного исследования «Деятельность подразделений милиции специального назначения по борьбе с незаконными вооруженными формированиями» [2]. Эта тема является оригинальной для публично-правовых наук, и С. О. Екимов успешно справился с ее исследованием. В своей статье автор проанализировал особенности статуса подразделений милиции специального назначения, таких как ОМОН и СОБР. На примере их работы по борьбе с незаконными вооруженными формированиями на Северном Кавказе он подробно рассмотрел существующие проблемы и высказал рекомендации, направленные на уточнение функций этих подразделений. В частности, он предложил создание группировок, способных автономно решать задачи по ликвидации незаконных вооруженных формирований, а также использование невоенных методов, таких как взаимодействие с местным населением и завоевание его доверия.

Адъюнкт Оксана Алексеевна Иванова в статье «Водитель должен нести ответственность за состояние своего здоровья» (Научный вестник № 2(16) 2002 г.) попыталась привлечь внимание исследователей и практиков к проблеме здоровья водителей. Она предложила внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях норму, предусматривающую ответственность за управление транспортным средством под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию

и внимание, а также в болезненном или утомленном состоянии, что создает угрозу безопасности дорожного движения. Эта инициатива подчеркивает актуальность и своевременность обращения к психофизиологическим аспектам состояния водителей при управлении транспортными средствами.

Многолетние исследования в области психофармакологии, физиологии труда и психологии подтверждают, что лекарственные препараты, влияющие на центральную нервную систему (например, седативные, анальгетики или антигистаминные средства), могут значительно снижать когнитивные и моторные функции, включая скорость реакции, концентрацию внимания и координацию движений. Болезненные состояния, вызванные хроническими или острыми заболеваниями, могут ухудшать восприятие окружающей среды и замедлять процесс принятия решений, что особенно опасно в условиях интенсивного дорожного движения. Утомление, вызванное длительным управлением транспортным средством или недостатком сна, часто приводит к накоплению усталости, что увеличивает вероятность ошибок и снижает способность адекватно реагировать на нестандартные ситуации.

Эти состояния, создавая угрозу безопасности дорожного движения, в некоторых случаях могут требовать административно-правового вмешательства, что и обосновывает предложения О. А. Ивановой о расширении сферы административной ответственности. Реализация авторских новелл могла бы стать эффективным инструментом для профилактики дорожно-транспортных происшествий, снижения аварийности, связанной с человеческим фактором, и повышения общего уровня безопасности на дорогах [3].

Статья Олега Александровича Дизера «О взаимодействии кафедр административного права и административной деятельности органов внутренних дел и тактико-специальной подготовки в процессе преподавания первоначальной подготовки» (Научный вестник № 1(17) 2003 г.) представляет собой ценный методический ресурс, направленный на улучшение образовательного процесса в системе ведомственного обучения. Автор акцентировал внимание на важности координации между профильными кафедрами и предложил конкретные подходы к интеграции учебных материалов, что может способствовать формированию у курсантов целостного представления о правовых и тактико-специальных аспектах их будущей профессиональной деятельности. Выводы, изложенные в статье, были востребованы при разработке рабочих программ и способствовали повышению эффективности методического обеспечения преподавания, а также совершенствованию практической деятельности образовательных учреждений,

ориентированных на подготовку кадров для правоохранительных органов.

О. А. Дизер также проявил себя как исследователь административно-правовых аспектов регулирования оборота эротической продукции в условиях бурно развивающегося «бизнеса на пороках» и формирующихся рыночных отношений. В Научном вестнике № 2(20) 2004 г. была опубликована его статья на тему «Административно-правовое регулирование оборота продукции эротического характера в Российской Федерации», в которой автор поднял вопрос о необходимости более полного и цивилизованного регулирования общественных отношений, связанных с оборотом этих специфических изделий. Его подход основывался на детальном анализе начальных этапов отечественного законодательства, правоприменительной практики и зарубежного опыта, что позволило ему выдвинуть обоснованные предложения по совершенствованию административно-правового регулирования данной сферы. О. А. Дизер подчеркнул важность защиты нравственных устоев российского общества от агрессивного поведения участников соответствующего рынка, акцентировав внимание на необходимости формирования четких правовых механизмов, направленных на предупреждение незаконного оборота данной продукции. Исследователь также отметил необходимость разработки специализированных федеральных и региональных нормативных правовых актов, регламентирующих распространение и контроль за оборотом такой продукции, а также важность установления эффективных мер административно-правового воздействия на правонарушителей, прежде всего в целях защиты несовершеннолетних от преждевременного знакомства с соответствующими материалами.

Важным моментом в развитии научной школы административного права является публикация отзыва на диссертацию Вадима Борисовича Гайдова «Служба в органах внутренних дел как разновидность федеральной государственной службы», подготовленного официальным оппонентом — заместителем Губернатора Омской области, доктором юридических наук, профессором А. И. Казанником [4]. В отзыве, помимо положительных оценок, содержатся и значимые замечания, что, безусловно, оказало положительное влияние не только на будущие исследования Вадима Борисовича, но и на повышение качества научной работы сотрудников кафедры.

С диссертационным исследованием также связана статья Анны Валерьевны Кальницкой (в настоящее время — старший преподаватель кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук Анна Валерьевна Ляшук) под названием «Становление и развитие понятия

таможенного дела в российском законодательстве: историография вопроса» (Научный вестник № 2(26) 2007 г.) [5].

Ольга Геннадьевна Горскина (в настоящее время Министр образования Омской области, кандидат юридических наук О. Г. Степанова), раскрывая тему своей кандидатской диссертации, опубликовала статью «Отграничение мелкого хулиганства от смежных административных правонарушений по объективной стороне» (Научный вестник № 3(42) 2011 г.) [6]. В этой статье она последовательно обосновала критерии разграничения таких составов административных правонарушений, как мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), появление в общественном месте в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность (ст. 20.21 КоАП РФ), а также нарушение тишины и покоя граждан в ночное время (законы субъектов Российской Федерации об административной ответственности). Она предложила авторскую редакцию отдельных норм российского законодательства об административной ответственности.

Кандидат юридических наук, доцент Олег Юрьевич Филиппов неизменно посвящает свои научные исследования вопросам, связанным с применением полицейской силы. Его статьи «Административно-правовые аспекты задержания граждан в условиях реформирования полицейского законодательства: проблемы и перспективы» (в соавторстве с И. В. Слышаловым, Научный вестник № 1(48) 2013 г.) и «Отдельные аспекты применения полицией огнестрельного оружия в отношении незаконно находящихся в воздушном пространстве беспилотных летательных аппаратов» (в соавторстве с В. А. Гусевым и Д. В. Пивоваровым, Научный вестник № 4(83) 2021 г.), обладают несомненной научной ценностью и высоким прикладным значением.

Кандидат юридических наук, доцент Вадим Игоревич Сургутсков активно взаимодействует с журналом, публикуя на его страницах научные статьи как теоретического, так и прикладного характера в рамках своего докторского диссертационного исследования. К числу теоретических работ можно отнести исследование «Административный процесс: основные подходы к пониманию и место в современной системе административного права России» (Научный вестник № 3(70) 2018 г.). В числе утилитарных работ выделяется значительная исследовательская работа Вадима Игоревича, выполненная в соавторстве с Ольгой Сергеевной Гоман, «Роль полиции в осуществлении контроля за оборотом гражданского оружия в современных условиях» (Научный вестник № 4(87) 2022 г.). В этой статье авторы приходят к выводу, что широкий диапазон полномочий МВД России в сфере оборота оружия позволяет считать его,

наряду с Росгвардией, полноценным субъектом контроля, а также предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений в данной области. Однако отсутствие должного правового регулирования вопросов взаимодействия и корреспондирующих полномочий полиции и территориальных подразделений Росгвардии в области контроля за оборотом оружия затрудняет координацию их работы и снижает эффективность выполнения поставленных перед ними задач. Авторы также выявили значительные правовые пробелы в перечне нормативно закрепленных полномочий полиции по контролю за оборотом гражданского оружия.

Конституционно-правовое направление в исследованиях научной школы

В первом номере журнала за 1995 г. Юрий Васильевич Герасименко, впоследствии ставший видным представителем омской научной школы, рассмотрел вопросы компетенции Законодательного Собрания Омской области в сфере регулирования отдельных аспектов деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих на территории Омской области. Его работа стала одним из первых исследований, посвященных проблемам регионального правотворчества в условиях становления федеративной системы России.

В следующем издании журнала (Научный вестник № 2 1995 г.) Ю. В. Герасименко опубликовал статью «Конституционно-правовые аспекты федеративных отношений в России», основанную на результатах его исследования норм недавно принятой Конституции России 1993 года. В этой статье он высказал свое мнение по поводу проблем практической реализации федеративных отношений, касающихся равноправия субъектов Российской Федерации, механизма разрешения возможных конфликтов между центральной властью и отдельными субъектами Федерации, а также правотворчества, осуществляемого в субъектах Российской Федерации. Рассмотренные конституционно-правовые проблемы остаются актуальными и сегодня, что свидетельствует о научной прозорливости автора.

Научный вестник № 1(9) 1999 г. оказался богатым на публикации представителей крепнущей научной школы. В связи с проведением в Российской Федерации Года прав человека кафедра конституционного и международного права организовала и 25 июня 1998 г. провела межкафедральный научный семинар «Критерии оценки национального законодательства о правах и свободах», посвященный пятидесятилетию принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека и пятилетию Конституции Российской Федерации. По итогам работы семинара были подго-

товлены тезисы выступлений участников, которые были опубликованы. Среди них выделяются работы А. Е. Юрицина «Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. как международный стандарт прав человека», Ю. В. Герасименко и В. В. Радула «Конституция Российской Федерации о правах и свободах человека и гражданина», М. А. Бучаковой «К вопросу о гражданстве Российской Федерации», А. В. Жилиева «Проблемы реализации конституционного права граждан на информацию», а также Ю. В. Герасименко «О некоторых подходах к решению проблемы беженцев в Российской Федерации».

Далее Юрий Васильевич, развивая проблематику своего докторского диссертационного исследования [7], посвятил научные изыскания вопросам обеспечения прав женщин и детей в рамках Содружества Независимых Государств (Научный вестник № 1(11) 2000 г.), иммиграции на территорию Российской Федерации (Научный вестник № 1(13) 2001 г.), противодействия незаконной миграции лиц, не являющихся гражданами России: федеральный и региональный аспекты (Научный вестник № 2(14) 2001 г.), обеспечения порядка пребывания беженцев на территории Российской Федерации (Научный вестник № 2(16) 2002 г.), а также организации специальных учреждений для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению или депортации за пределы России (в соавторстве с Ю. Н. Рыжаковой, Научный вестник № 3(42) 2011 г.).

Артур Валерьевич Жилиев в этом же номере журнала исследовал статус иностранных (международных) наблюдателей в контексте нового (2002 г.) Закона об основных гарантиях избирательных прав граждан. Он пришел к выводу, что данный закон определенным образом ограничил возможности международных наблюдателей по сравнению с предыдущим регулированием, введя дополнительные требования к аккредитации, сроку пребывания и объему полномочий. Это отражало характерную для того времени тенденцию ужесточения контроля над международным наблюдением на выборах в России.

Статья Андрея Евгеньевича Юрицина «Понятие административно-правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации» (Научный вестник № 2(16) 2002 г.), подготовленная по теме его диссертационного исследования, внесла значительный вклад в развитие теоретико-правового осмысления правового положения этих категорий лиц [8]. Проведенный автором анализ позволил глубже понять специфику их административно-правового статуса, выявить правовые пробелы и предложить пути совершенствования законодательства в данной сфере. В дальнейшем автор не раз обращался к ис-

следованию различных аспектов административно-правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации, публикуя свои работы в Научном вестнике (например, № 2(18) 2003 г., № 2(24) 2006 г., № 2(20) 2024 г.).

Среди публикаций выделяются основательные, критичные и принципиальные, патриотически ориентированные научные статьи Марины Александровны Бучаковой. Так, статья Марины Александровны «Принципы гражданства Российской Федерации» (Научный вестник № 1(19) 2004 г.) представляет собой важное научное исследование, направленное на осмысление и систематизацию фундаментальных правовых начал, определяющих институт гражданства в России. Автор справедливо указывает на отсутствие единого подхода к классификации принципов гражданства в современной юридической литературе, что актуализирует необходимость дальнейших теоретико-правовых изысканий в данной области. Предложенные в статье выводы и концептуальные положения могут служить основой для совершенствования правового регулирования института гражданства, а также для разработки научно обоснованных рекомендаций, способствующих унификации и гармонизации законодательства в этой сфере.

В статье М. А. Бучаковой «Координация в управлении: теоретические подходы», опубликованной в Научном вестнике № 2(33) 2009 г., осуществлен глубокий научный анализ в контексте ее докторского диссертационного исследования. Основной фокус работы направлен на системное исследование соотношения категорий «управление» и «координация», а также на концептуализацию координационных механизмов в системе государственного управления. Автор детально рассматривает ключевые положения теории координации и управления, опираясь на труды ведущих отечественных и зарубежных ученых, в том числе в области государственного управления и административного права.

В статье «Координация охраны окружающей среды в законодательных актах субъектов Российской Федерации» (Научный вестник № 1(40) 2011 г.) М. А. Бучакова, развивая проблематику своего докторского диссертационного исследования, провела сравнительно-правовой анализ координационных механизмов в области охраны окружающей среды, устанавливаемых в конституциях (уставах) и законах субъектов Российской Федерации [9]. В ходе исследования были выявлены непоследовательность и противоречивость законодателя в установлении приоритетов при проведении государственной экологической политики, а также неопределенность объема полномочий, реализуемых государственными и муниципальными структурами, и их функций. Эти факторы негативно сказываются на координации

онных механизмах, расшатывая их, а необходимость нового структурирования приводит к снижению эффективности в природоохранной сфере субъектов Федерации. На этой основе исследователь сформулировала выводы и предложения, направленные на совершенствование правового регулирования рассматриваемых общественных отношений с учетом региональной специфики.

Далее М. А. Бучакова на страницах журнала продолжает публиковать свои статьи, посвященные совершенствованию экологического контроля (надзора) (например, Научный вестник № 2(53) 2014 г.).

Поддержка журналом научных изысканий курсантов и слушателей в области административного права

Особого внимания заслуживает раздел журнала «Научная работа слушателей», который стал площадкой для представления исследований самых молодых ученых. В частности, во втором номере журнала за 1995 г. слушатель Омского юридического института МВД России А. Луговская (ныне начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции Арина Викторовна Куянова) емко и содержательно представила обзор выступлений участников Всероссийского студенческого форума по вопросам правовой реформы, проведенного в Москве в ноябре 1995 г. Этот форум стал значимым событием и проводился во исполнение Указа Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 6 июля 1995 г. о разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации. В работе форума приняли участие слушатели Омского юридического института МВД России, позднее вошедшие в ядро Омской научной школы административистов А. Луговская и О. Дизер. На форуме было отмечено, что первоочередная задача как парламента, так и всей государственной власти — создание надежной правовой базы для демократических и экономических преобразований, а также проведение судебной реформы. Участники форума подчеркивали необходимость как можно быстрее принять федеральный конституционный закон о судебной системе Российской Федерации и обновить на основе новых конституционных положений уголовное, уголовно-процессуальное, пенитенциарное, административное, гражданское и гражданское процессуальное законодательство. Рассматривался также вопрос о развитии многоуровневой системы образования.

В Научном вестнике № 1(5) 1997 г. в этом же разделе среди научных работ слушателей, выдвинутых на внешний конкурс, выделена конкурсная работа слушателя 3 курса О. А. Дизера «Полиция нравов:

история, современность, перспективы развития» (научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент О. И. Бекетов). Стоит отметить, что научные труды слушателей содержали существенные предложения по совершенствованию законодательства.

Развитие научных идей на межкафедральных научно-теоретических семинарах и в ходе организованных редакцией бесед с видными представителями административно-правовой науки страны

Журнал всемерно способствовал развитию научной, в том числе и административно-правовой мысли путем систематической организации межкафедральных обсуждений научных проблем. Глубиной и остротой обсуждаемых вопросов отличался межкафедральный научно-теоретический семинар «Уголовное и административное законодательство: вопросы соотношения и взаимовлияния», проведенный в Омской академии МВД России 16 ноября 2004 г. На обсуждение были вынесены проблемы соотношения объектов уголовно-правовой и административно-правовой охраны, разграничения уголовной и административной ответственности, а также эволюции законодательства об административной ответственности. Дискуссия, в которой участвовали как опытные, так и молодые преподаватели обеих кафедр, безусловно, способствовала ускорению научного роста всех ее участников.

В рубрике журнала «Наука за чашкой кофе» систематически публиковались дискуссии с гостями академии — видными представителями отечественной научной школы административного права, такими как доктор юридических наук, профессор П. И. Кононов (Научный вестник № 1(23) 2006 г.) и доктор юридических наук, профессор Ю. Н. Стариков (Научный вестник № 1(25) 2007 г.). Эти дискуссии способствовали обмену мнениями и углублению научных исследований в области административного права.

Практическая значимость исследований

В 1996 г. в Научном вестнике № 1(3) адъюнкт Александр Владимирович Никифоров опубликовал инициативный авторский проект Дисциплинарного Устава органов внутренних дел, состоящий из десяти глав и трех приложений, который разместился на шестнадцати страницах журнала. Этот проект стал одним из результатов его диссертационного исследования по административному праву. Документ был подготовлен с учетом опыта правового регулирования вопросов дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел, Вооруженных Силах Российской Федерации, военизированных горноспасательных учреждениях, а также в прокуратуре и судебной системе СССР.

Опубликованный проект воплотил в себе следующие концептуальные идеи: были даны определения ключевых понятий — дисциплинарной ответственности и дисциплинарного проступка; дисциплинарные проступки получили научную классификацию по единому критерию — объекту посягательства; представлен перечень грубых дисциплинарных проступков как оснований для увольнения из органов внутренних дел и др. Был предложен также примерный перечень документов и материалов, необходимых для оформления дисциплинарного дела. По своей концепции и содержанию этот проект был достоин стать фундаментом для дальнейшей работы по совершенствованию правовой основы дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел.

Многие молодые представители омской научной школы также публиковали свои авторские законопроекты и отдельные предложения на страницах журнала, в частности, Д. А. Газизов, О. А. Иванова, О. Г. Горскина. Эти публикации способствовали раз-

витию научной мысли и практического применения административного права в России.

Тридцатилетнее взаимодействие омской научной школы административного права с журналом «Научный вестник Омской академии МВД России» свидетельствует о значительном вкладе как ученых-административистов, так и журнала в развитие правовой науки и практики. Публикации в журнале не только отражают актуальные проблемы своего времени, но и предлагают решения, многие из которых сохраняют свою актуальность и сегодня. Это говорит о высоком качестве исследований и их практической значимости. С другой стороны, вклад журнала в развитие научного потенциала вузовских ученых также весьма высок, предоставляя платформу для публикации, он послужил важной площадкой для обсуждения и продвижения инновационных идей в области административного права, что способствовало совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, профессиональному росту ученых и обмену идеями.

Список источников

1. Бавсун И. Г. Производство по делам о правонарушениях в административных комиссиях : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.
2. Екимов С. О. Правовые и организационные основы деятельности подразделений милиции специального назначения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004.
3. Иванова О. А. Административная ответственность участников дорожного движения за правонарушения, совершенные в состоянии опьянения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004.
4. Гайдов В. Б. Служба в органах внутренних дел как разновидность федеральной государственной службы : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.
5. Сургутскова А. В. Административно-правовое принуждение, применяемое при нарушении таможенных правил : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.
6. Горскина О. Г. Административная ответственность за мелкое хулиганство : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011.
7. Герасименко Ю. В. Конституционно-правовой статус лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
8. Юрицин А. Е. Административно-правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
9. Бучакова М. А. Координация в системе государственного и муниципального управления охраной окружающей среды Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

УДК 340.12

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-132-138

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Фундаментальная юридическая наука в ведомственном образовательном учреждении: становление и развитие научно-образовательной школы «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции»

Татьяна Евгеньевна Грязнова

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства¹, ✉ gte3812@yandex.ru

Марина Александровна Бучакова

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры конституционного и международного права¹, ✉ mb290163@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Формирование научно-образовательной школы «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции» связано с трансформацией Омской высшей школы милиции в Омский юридический институт и образованием кафедры теории и истории права и государства. Консолидация фундаментальных юридических дисциплин в рамках одного подразделения обусловила направленность не только педагогических, но и научных интересов сотрудников. Историческими вехами в развитии научно-образовательной школы стали открытие адъюнктуры по научной специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве и диссертационного совета по научной специальности 5.1.1 — Теоретико-исторические правовые науки. Важная роль в трансляции результатов проводимых коллективом научно-образовательной школы исследований, принадлежит научно-практическому журналу «Научный вестник Омской академии МВД России», празднующему в этом году 30-летний юбилей. Сегодня сфера научных интересов коллектива школы связана с изучением российской политико-правовой мысли XIX — начала XX вв., истории и методологии отечественной юридической науки, теоретико-правовых основ правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: научно-образовательная школа, теоретико-правовые науки, историко-правовые науки, фундаментальное юридическое знание, научно-практический журнал

Для цитирования: Грязнова Т. Е., Бучакова М. А. Фундаментальная юридическая наука в ведомственном образовательном учреждении: становление и развитие научно-образовательной школы «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 132–138.

Fundamental Legal Science in a Departmental Educational Institution: Establishment and Development of the Scientific and Educational School „Theoretical and Historical Problems of Russian Jurisprudence“

Tatiana E. Griaznova

Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Law and State Theory and History¹, ✉ gte3812@yandex.ru

Marina A. Buchakova

Doctor of Science (in Law), Professor, chief of the chair of Constitutional and International Law¹, ✉ mb290163@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The formation of the scientific and educational school „Theoretical and historical problems of Russian jurisprudence“ is connected with the transformation of Omsk Higher Militia School into Omsk Law Institute and the formation of the chair of Law and State Theory and History. Consolidation of fundamental legal disciplines within one unit determined the focus of not only pedagogical, but also of scientific interests of the staff. The historical milestones in the development of the scientific and educational school were the opening of the post-graduate courses on the scientific specialty 12.00.01 — Law and State Theory and History; History of the Doctrines of Law and State and the dissertation council on the scientific specialty 5.1.1 — Theoretical and Historical Legal Sciences. An important role in broadcasting the results of research conducted by the team of the scientific and educational school

belongs to the scientific and practical journal „Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs“, celebrating its 30th anniversary this year. Today the sphere of scientific interests of the school staff is connected with the study of Russian political and legal thought of the 19th — early 20th centuries, history and methodology of domestic legal science, theoretical and legal foundations of law enforcement activity of law enforcement agencies.

Keywords: scientific and educational school, theoretical and legal sciences, historical and legal sciences, fundamental legal knowledge, scientific and practical journal

Citation: Griaznova T. E., Buchakova M. A. Fundamental Legal Science in a Departmental Educational Institution: Establishment and Development of the Scientific and Educational School „Theoretical and Historical Problems of Russian Jurisprudence“. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 132–138. (In Russ.).

Омская академия МВД России, будучи старейшим образовательным учреждением Министерства внутренних дел Российской Федерации, за свою 105-летнюю историю сформировала немало славных традиций, важнейшей из которых является внимательное и бережное отношение к научно-педагогическим кадрам. Исходя из ключевого целеполагания — не только подготовка высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел, но и формирование всесторонне и гармонично развитых личностей, способных самоотверженно служить государству в различных сферах правоохранительной, правоприменительной и правотворческой деятельности — академия предоставляет широкие возможности для развития педагогического и научного потенциала своих сотрудников.

Исторически так сложилось, что приоритетный профиль образовательной деятельности Омской академии МВД России связан с подготовкой оперативных сотрудников для подразделений уголовного розыска. Однако безусловным достоинством нашего образовательного учреждения является обучение курсантов и слушателей исходя из оптимального баланса практикоориентированного компетентностного подхода и фундаментального юридического знания.

Понимание огромного методологического, мировоззренческого и воспитательного потенциала теоретико-правовых и историко-правовых наук в процессе формирования правового мышления будущего юриста и ценностных основ его правосознания обусловило стабильность преподавания в академии таких фундаментальных научных дисциплин, как теория государства и права, история государства и права России, история государства и права зарубежных стран, история политических и правовых учений, что особенно показательно на фоне сохраняющейся до недавнего времени устойчивой традиции их нивелирования и даже забвения, свойственной не только ведомственным образовательным учреждениям, но и многим классическим университетам.

Этот факт имел определяющее значение в становлении и развитии педагогов и ученых научно-образовательной школы «Теоретико-исторические

проблемы российской юриспруденции». В отличие от многих коллег, нам не пришлось тратить годы жизни на бесплодную борьбу с политически ангажированными функционерами от образования, мы имели возможность спокойно и целенаправленно развиваться в сфере избранных научных интересов и транслировать свои знания молодому поколению.

Серьезная мотивация к высококачественной не только педагогической, но и научно-исследовательской деятельности была во многом обусловлена изменением статуса нашего образовательного учреждения, отражающего возрастающую потребность правоохранительных органов в специалистах высшей квалификации. Трансформация Омской высшей школы милиции в Омский юридический институт (июль 1995 г.) имела следствием консолидацию блока фундаментальных юридических дисциплин в рамках образованной (вследствие реорганизации кафедры государственно-правовых дисциплин) в декабре 1996 г. кафедры теории и истории права и государства.

Именно в этот период складывается коллектив молодых педагогов единомышленников, пока еще кандидатов наук, разрабатывающих авторские подходы к преподаванию таких фундаментальных дисциплин, как «Теория государства и права» (В. В. Кожевников, Ю. В. Анохин) и «История политических и правовых учений» (Т. Е. Грязнова). Чуть позднее к ним присоединился А. В. Червяковский, успешно защитивший в 2002 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Активно внедряя в образовательный процесс последние научные достижения, имеющие место в вышеназванных областях знаний, руководствуясь проблемным подходом к выстраиванию занятий, преломляя во многом абстрактную теоретическую проблематику к опыту практической деятельности в правоохранительных органах (В. В. Кожевников, Ю. В. Анохин), они заложили основу научно-образовательной школы «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции».

Транслируя научные знания за рамками учебной аудитории, проводя индивидуальную консультационную работу с одаренными курсантами и слушателями, педагоги целенаправленно мотиви-

ровали их к научно-исследовательской деятельности, реализуемой, в том числе, посредством участия в созданном при кафедре научном кружке (1997 г.), рассматриваемом в качестве резерва формирования нового поколения преподавателей. Неформальное межличностное общение, устойчивая интеллектуальная связь между педагогами и обучающимися, лежащая в основе формирования аналитических способностей, критического мышления, исследовательской культуры и методологических принципов стремящейся в науку молодежи уже почти три десятилетия обеспечивает на кафедре теории и истории права и государства преемственность преподавания и научного поиска.

Серьезное усиление научного потенциала кафедры было связано с приходом кандидатов наук И. А. Андреевой и Е. С. Зайцевой (2002 г.), доктора юридических наук М. А. Кожевиной (2005 г.) вследствие изъятия из учебных планов ряда общественных дисциплин и упразднения кафедры отечественной истории и культурологии, где прежде служили вышеназванные педагоги. В результате на качественно новый уровень было поднято преподавание таких юридических дисциплин, как «История государства и права России» (М. А. Кожевина), «История органов внутренних дел» (И. А. Андреева), «Теория государства и права» (Е. С. Зайцева), что во многом предопределило сферу научных интересов вышеназванных членов коллектива.

Исключительно важной вехой развития научно-образовательной школы стало открытие в Омской академии МВД России в 2007 г. адъюнктуры по научной специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (согласно номенклатуре научных специальностей, утвержденной приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118, это научная специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки).

Возможность самостоятельно осуществлять подготовку научно-педагогических кадров по профильным научным дисциплинам кафедры открывала новые перспективы для педагогов и для одаренных курсантов, стимулируя их интеллектуальную деятельность, задавая направления научного поиска, определяя круг подлежащих решению задач и, в конечном итоге, гарантированно обеспечивая постоянный приток молодых исследователей, а также преемственность как педагогической, так и научной деятельности.

Важное значение для формирования научно-образовательной школы, трансляции и апробации научных знаний имеет активное участие профессорско-преподавательского состава кафедры в международных и всероссийских научно-представитель-

ских мероприятиях, а также проведение на базе академии традиционной (с 2005 г.) международной научно-практической конференции «Право и политика: история и современность». Высокий уровень организации конференции, искренняя заинтересованность не только коллектива кафедры, но и большинства ученых академии, понимающих значение фундаментальных юридических наук для результативности отраслевых и прикладных исследований, позволили сделать омскую академическую площадку по-настоящему привлекательной как для научного сообщества, так и для представителей правоприменительной практики.

Выступления ведущих ученых России, признанных специалистов в избранных областях исследований (М. В. Баранова (Нижегород), А. И. Овчинников (Ростов-на-Дону), С. Б. Поляков (Пермь), Н. А. Колоколов, А. И. Клименко, Г. М. Лановая, А. Г. Репьев (Москва), М. Л. Давыдова (Волгоград), С. Ю. Суменков (Пенза), О. А. Кожевников, С. Э. Либанова (Екатеринбург) и др.), по актуальным проблемам юридической науки и практики, а также порождаемые этими выступлениями научные дискуссии позволяют генерировать новые идеи, корректировать ракурс научного поиска, демонстрировать сильные и слабые стороны ведущихся научных разработок, коррелировать направленность и взаимодействие общетеоретических и прикладных исследований, соотносить результативность индивидуальных изысканий с достижениями коллег и развивать межличностное взаимодействие. Молодые ученые дополнительно получают возможность приобретения навыков публичного выступления, апробации результатов своей работы и получения устойчивой обратной связи в интересующей области знаний.

Полагаем, что во многом благодаря этому научно-представительскому мероприятию стало возможным разнонаправленное научное взаимодействие профессорско-преподавательского состава кафедры с докторами юридических наук М. С. Десятовым, М. А. Бучаковой, В. Н. Борковым и В. В. Бабуриным, существенно усилившими научно-образовательную школу «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции».

Трансляция генерируемых научным сообществом идей и знаний, их доступность широкому кругу заинтересованных лиц могут быть осуществимы лишь посредством знакового эквивалента устной коммуникации. Ведущая роль здесь принадлежит рецензируемым научным изданиям, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней докторов и кандидатов наук. Не случайно одним из статусных показателей состоятельности профессуры является

ее участие в редакционных советах и коллегиях журналов, обозначенных в Перечне ВАК при Минобрнауки России.

Из многочисленных периодических изданий, в редакционных советах и коллегиях которых активно сотрудничают члены научно-образовательной школы «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции» (Т. Е. Грязнова, М. А. Кожевина, М. А. Бучакова, М. С. Десятов), скажем только об одном — научно-практическом журнале «Научный вестник Омской академии МВД России»: по его страницам можно наглядно проследить как процесс формирования и роста коллектива исследователей, так и сферу научных интересов входящих в него ученых.

Будучи на год старше кафедры теории и истории права и государства (первый номер журнала вышел в свет в июне 1995 г.), «Научный вестник Омской академии МВД России» празднует в этом году свой тридцатилетний юбилей, свидетельствуя о неуклонном развитии научного потенциала нашего образовательного учреждения.

Редакционная политика журнала на протяжении последних четырнадцати лет, определяемая начальником редакционно-издательского отдела доктором юридических наук, профессором А. А. Нечепуренко и главным редактором (с 2005 г. по 2020 г.) доктором философских наук, профессором Г. Ч. Синченко, ориентированная на отбор оригинальных рукописей, отражающих актуальные научные проблемы и предлагающих эффективные пути их решения в сфере как фундаментального, так и отраслевого юридического знания, обусловила востребованность «Научного вестника...» не только целевой аудиторией полицейских образовательных учреждений и представителей правоприменительной практики, но и вневедомственным научным сообществом. Не случайно на страницах журнала мы находим не только анонсы и обзоры проводимых на базе Омской академии научно-представительских мероприятий, но и полнотекстовые выступления принимающих в них участие ученых.

Что касается коллектива научно-образовательной школы «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции», то результаты его научных изысканий регулярно размещаются в периодическом издании, причем, высокая публикационная активность авторов в преддверии защит (Т. Е. Грязнова, И. А. Андреева, Е. С. Зайцева) не снижается после получения ими искомого статуса. С 2007 г. регулярно в названном журнале мы встречаем работы М. А. Кожевиной, активно занимающейся изучением ключевых проблем истории и методологии юридической науки, а также молодого поколения исследователей — Г. Е. Москаленко, А. А. Никитчик и др.

В целом членами научной школы и под их научным руководством подготовлены и успешно защищены следующие диссертационные исследования.

На соискание ученой степени доктора юридических наук:

1. Кожевников В. В. «Правовая активность участников правоприменительной деятельности органов внутренних дел: вопросы теории» (Академия управления МВД России, 2004). Научное руководство диссертантом В. В. Поповой (2015 г.).

2. Кожевина М. А. «Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918–1991 гг.)» (Московский университет МВД России, 2005). Научное руководство диссертациями Т. М. Ашеновой (2015 г.), А. О. Цветкова (2016 г.), А. П. Смирнова (2016 г.), В. О. Волк-Леоновича (2022 г.).

3. Анохин Ю. В. «Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности: на материалах Российской Федерации (Саратовский юридический институт МВД России, 2007).

4. Грязнова Т. Е. «Идея демократии в российской либеральной правовой мысли второй половины XIX — первой половины XX вв.» (Нижегородская академия МВД России, 2011). Научное руководство диссертантами: Г. Е. Москаленко (2020 г.), А. А. Никитчик (2024 г.).

5. Бучакова М. А. «Координация в системе государственного и муниципального управления охраной окружающей среды Российской Федерации» (Институт государство и права РАН, 2011).

6. Андреева И. А. «Полицейская система Франции: генезис, формирование, развитие (вторая половина XVII — начало XXI вв.)» (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2015).

7. Борков В. Н. «Преступления против осуществления государственных функций, совершаемых должностными лицами» (Омская академия МВД России, 2015).

8. Десятов М. С. «Правоприменение в оперативно-розыскной деятельности» (Омская академия МВД России, 2021).

9. Зайцева Е. С. «Пределы правового регулирования» (Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025).

На соискание ученой степени кандидата юридических наук:

1. Червяковский А. В. «Информационная функция права и деятельность органов внутренних дел по ее реализации» (Московская академия МВД России, 2002).

2. Москаленко Г. Е. «Идея солидарности в российской либеральной правовой мысли второй половины XIX — начала XX вв.» (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2020).

3. Никитчик А. А. «Принципы права в либеральной политико-правовой мысли Российской империи второй половины XIX — начала XX вв.» (Омская академия МВД России, 2024).

К сожалению, многие из вышеназванных ученых (В. В. Кожевников, Ю. В. Анохин, И. А. Андреева, Е. С. Зайцева) в разные годы и по разным причинам покинули Омскую академию МВД России, продолжая, однако, активно заниматься научной деятельностью за рамками нашего образовательного учреждения. Это не препятствует разным формам интеллектуального взаимодействия, проявляющегося, в частности, посредством работы в диссертационных советах. В период с 2006 по 2014 гг. в состав диссертационного совета, созданного на базе Омского государственного университета, входила М. А. Кожевина; с 2015 по 2020 гг. уже в объединенном диссертационном совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 999.008.03, созданном на базе Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Алтайского государственного университета, Омской академии МВД России работали Т. Е. Грязнова, М. А. Кожевина и М. А. Бучакова.

В настоящее время М.А. Кожевина (заместитель председателя) и Т. Е. Грязнова входят в состав диссертационного совета 24.2.351.02 (научная специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки), функционирующего на базе Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; Т. Е. Грязнова, М. А. Бучакова состоят в диссертационном совете 03.2.010.03 (научная специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки), осуществляющем деятельность на базе Омской академии МВД России; М. А. Кожевина является членом диссертационного совета 03.2.008.03 (научная специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки), созданного на базе Санкт-Петербургского университета МВД России.

Важнейшим событием в истории научно-образовательной школы «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции» и истории нашего образовательного учреждения является создание в октябре 2023 г. на базе Омской академии МВД России совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 03.2.010.02 по научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

В состав совета вошли как представители научно-образовательной школы — доктор юридических наук, доцент М. С. Десятов (председатель совета), доктор юридических наук, доцент Т. Е. Грязнова (заместитель председателя совета); кандидат

юридических наук Г. Е. Москаленко (ученый секретарь совета); доктор юридических наук, профессор М. А. Кожевина; доктор юридических наук, профессор В. Н. Борков; доктор юридических наук, профессор М. А. Бучакова, а также и ведущие российские ученые в области фундаментального юридического знания — доктор юридических наук, профессор М. В. Баранова (профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского), доктор юридических наук, профессор А. И. Овчинников (заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета), доктор юридических наук, доцент А. Г. Репьев (заведующий кафедрой теории права, гражданского права и гражданского процесса Российского университета транспорта), доктор юридических наук, профессор С. Ю. Суменков (заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета), доктор юридических наук, доцент С. Б. Поляков (профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»).

Знаковой следует назвать и состоявшуюся в октябре 2024 г. первую в этом совете защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук А. А. Никитчик, подготовленную под руководством Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, Заслуженного деятеля науки Омской области, доктора юридических наук, доцента, начальника кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России Т. Е. Грязновой. Блестяще справившись с решением избранной научной задачи и представлением результатов исследования в процессе публичной защиты, она заложила стандарт качества, соответствовать которому будет не просто последующим соискателям.

Научно-педагогическая деятельность ее руководителя Т. Е. Грязновой в Омском юридическом институте МВД России началась в сентябре 1995 г. Получив классическое образование и закончив аспирантуру в Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского, она успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по научной специальности 07.00.09. — историография, источниковедение и методы исторического исследования. Избранный в университетские годы научный профиль оказался как нельзя более кстати при освоении дисциплины «История политических и правовых учений», во многом предопределив будущую сферу научных интересов, связанных с осмыслением интеллектуаль-

ного наследия отечественных либеральных юристов второй половины XIX — начала XX вв.

Успешно пройдя путь от преподавателя до начальника кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, Т. Е. Грязнова возглавила научно-образовательную школу «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции». Экстерном получив высшее юридическое образование, с 2005 г. осуществляя руководство кафедрой, без отрыва от службы подготовив и успешно защитив диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук, на протяжении двух десятилетий она проводит взвешенную кадровую политику, направленную на формирование коллектива единомышленников, творчески подходящих к образовательному процессу и целенаправленно занимающихся научной деятельностью.

Весомый вклад в развитие научно-образовательной школы «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции» на протяжении многих лет вносит профессор кафедры теории и истории права и государства Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Омской области, доктор юридических наук, профессор М. А. Кожевина. Активно работая с адъюнктами, аспирантами и соискателями, начиная с 2007 г., входя в состав (с 2006 по 2021 гг.) функционировавших на базе Омской академии диссертационных советов по научной специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, подготовив не одно поколение юристов (как ученых, так и практиков), она увлеченно занимается научной и педагогической деятельностью, транслирует фундаментальное юридическое знание на всех уровнях профессионального взаимодействия.

Сегодня сфера научных интересов коллектива научно-образовательной школы «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции» связана с изучением политико-правовой мысли России XIX — первой половины XX вв. (Т. Е. Грязнова [1; 2; 3; 4], Г. Е. Москаленко [5; 6], А. А. Никитчик [7; 8], адъюнкт В. С. Севостьянов), истории и методологии отечественной юридической науки (М. А. Кожевина [9; 10; 11], адъюнкт В. Д. Огорелкова), истории российского конституционализма (М. А. Бучакова [12; 13], проблем имплементации фундаментальных принципов права в правоохранительной практике (В. Н. Борков [14; 15]), с разработкой теоретико-правовых основ правоприменительной деятельности правоохранительных органов (М. С. Десятов [16; 17]).

Осознание на государственном уровне исключительного значения исторических, теоретико-правовых и историко-правовых наук, формирование государственной политики, направленной на подготовку не просто высококвалифицированных специалистов в тех или иных областях знаний, а всесторонне развитых личностей, обладающих широким кругозором, развитой исторической памятью, высоким уровнем правосознания и правовой культуры, разбирающихся в различных типах государства и понимания права (сегодня отсутствие монизма в области трактовки сущности права и государства — объективная реальность), способных самостоятельно оценивать разнонаправленные (в том числе и по идеологическому воздействию) научные парадигмы, существенно повышает значение научно-образовательной школы «Теоретико-исторические проблемы российской юриспруденции» и открывает перед ней новые перспективы.

Список источников

1. Грязнова Т. Е. Идея политической демократии в контексте теории прогресса: либеральная мысль России второй половины XIX — начала XX века : монография. Омск, 2008.
2. Грязнова Т. Е. Идея демократии в российской либеральной правовой мысли второй половины XIX — первой половины XX вв. : монография. Омск, 2010.
3. Грязнова Т. Е. Право как ценность: взгляд российских юристов рубежа XIX–XX веков // История государства и права. 2024. № 1.
4. Грязнова Т. Е. Состояние и стратегические задачи отечественной юридической науки: взгляд российских правоведов рубежа XIX–XX вв. // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2(66).
5. Москаленко Г. Е. Развитие доктрины солидаризма во французской политико-правовой мысли XIX — начала XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95).
6. Москаленко Г. Е. Идея солидарности как основа учения М. М. Ковалевского о правовом государстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 4(53).
7. Никитчик А. А. Принципы права в российской либеральной доктрине конца XIX — начала XX века: позитивистский подход // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 4.
8. Никитчик А. А. Принципы права как фактор развития системы права в трудах российских юристов конца XIX — начала XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92).

9. Кожевина М. А., Ящук Т. Ф. Эволюция науки истории права и государства в России (XVIII–XX вв.) : монография. М., 2023.
10. Кожевина М. А. Размышления о предметной определенности научных специальностей и формировании новых юридических наук // Российский юридический журнал. 2021. № 5.
11. Кожевина М. А. Реализация статьи 67.1 Конституции Российской Федерации в контексте научного историко-правового опыта // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 3.
12. Бучакова М. А., Грязнова Т. Е. Соотношение государственного и международного права: историко-правовой и конституционно-правовой аспекты // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 2(93).
13. Бучакова М. А. Идея народного суверенитета и обеспечение прав и свобод в отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX — начала XX века // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 1.
14. Борков В. Н. Общественно опасное состояние лица как юридический факт и основание ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88).
15. Борков В. Н., Москаленко Г. Е. Реализация принципа баланса интересов в правоохранительной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4(57).
16. Десятов М. С. Правоприменение в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории : монография. М., 2022.
17. Десятов М. С. Тектонические сдвиги в представлениях о сущности правоприменения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88).

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-139-146

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Становление и развитие Омской научной школы «Обеспечение интересов личности и государства в досудебном уголовном производстве»

Александр Сергеевич Дежнев

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса¹,

✉ omsk-das@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Статья освещает зарождение, развитие и современное состояние созданной в Омской академии МВД России научной школы «Обеспечение интересов личности и государства в досудебном уголовном производстве». Представлены основатели школы, учтен вклад каждого из них в формирование научных взглядов последователей. Приведена тематика трудов представителей научной школы. Отражены основные достижения в рамках проведенных диссертационных исследований. Дана оценка работе по подготовке научно-педагогических кадров. Показано взаимодействие представителей научной школы различных вузов России.

Ключевые слова: научная школа, уголовный процесс, диссертационное исследование, обеспечение интересов личности, досудебное уголовное производство

Для цитирования: Дежнев А. С. Становление и развитие Омской научной школы «Обеспечение интересов личности и государства в досудебном уголовном производстве» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 139–146.

Establishment and Development of the Omsk Scientific School „Ensuring the Interests of an Individual and the State in Pre-Trial Criminal Proceedings“

Aleksandr S. Dezhnev

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹,

✉ omsk-das@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article highlights the origin, development and current state of the scientific school „Ensuring the interests of an individual and the state in pre-trial criminal proceedings“ established at the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. The founders of the school are presented, the contribution of each of them to the formation of scientific views of the followers is taken into consideration. The themes of the works of the representatives of the scientific school are given. The main achievements within the dissertation researches are reflected. The author makes an estimate of work on the training of scientific and pedagogical staff. The interaction of representatives of the scientific school of different universities of Russia is shown.

Keywords: scientific school, Criminal Procedure, dissertation research, ensuring the interests of an individual, pre-trial criminal proceedings

Citation: Dezhnev A. S. Establishment and Development of the Omsk Scientific School „Ensuring the Interests of an Individual and the State in Pre-Trial Criminal Proceedings“. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 139–146 (In Russ.).

Становление Омской научной школы «Обеспечение интересов личности и государства в досудебном уголовном производстве» тесно связано с историей Омской академии МВД России* и кафедры уголовного процесса данной образовательной организации. В 1965 г. была создана не только Омская высшая школа милиции МВД СССР (далее — ОВШМ), но и кафедра уголовного права и процесса. Первым на-

чальником кафедры стал Валентин Тимофеевич Томин, который впоследствии работал заместителем начальника ОВШМ по учебной и научной работе. После службы на сибирской земле с 1974 по 1995 гг. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор В. Т. Томин руководил кафедрой уголовного процесса Нижегородской академии МВД России. Данное обстоятельство

* С 1965 по 1995 гг. — Омская высшая школа МВД СССР, с 1995 по 2000 гг. — Омский юридический институт МВД России, с 2000 г. по настоящее время — Омская академия МВД России.

привело к формированию исторических связей между Омской и Нижегородской научными школами. На счету В. Т. Томина более трехсот работ. В сферу его научных интересов входили проблемы участия населения в расследовании преступлений, принципы уголовного процесса, повышение эффективности уголовного судопроизводства и др. В рамках докторской диссертации, защищенной в 1983 г., им были сформулированы концептуальные теоретические основы взаимодействия органов предварительного расследования с населением в борьбе с преступностью. Он был научным консультантом по 10 докторским диссертациям, осуществлял научное руководство более чем по 30 кандидатским исследованиям. На протяжении всей своей жизни он поддерживал связь с представителями Омской научной школы, способствуя ее развитию.

Говоря о возникновении научной школы, важно отметить вклад Заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Александра Александровича Чувилева, возглавлявшего в советский период кафедру уголовного процесса Московской высшей школы милиции МВД СССР. Именно под его научным руководством было сформировано поколение ученых, составивших ядро Омской школы и воспитавших других ее последователей. Под непосредственным руководством профессора А. А. Чувилева подготовили и защитили диссертации В. А. Азаров, Б. Б. Булатов, В. В. Кальницкий. На кафедре А. А. Чувилева прошли подготовку А. М. Баранов, А. С. Бахта, В. В. Николук.

Со второй половины семидесятых годов кафедра стала пополняться в основном за счет выпускников ОВШМ, что имело большое значение для преемственности реализуемых в ходе исследований научных подходов и формирования у омских ученых общности взглядов. Первыми преподавателями из числа выпускников стали Борис Борисович Булатов, Владимир Васильевич Кальницкий и Вячеслав Владимирович Николук.

В 1991 г. В. В. Николук после защиты докторской диссертации [1] был назначен заместителем начальника ОВШМ по научной работе. Он предпринял активные меры, направленные на развитие научной деятельности в ОВШМ. Были образованы советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук (в том числе — по специальности 12.00.09 — Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность).

С 1997 г. стали активно проявляться результаты предшествующей организационной и научной деятельности. Состоялись первые защиты подготовленных диссертаций, поэтому 1997 г. можно считать годом основания Омской научной школы. Этот этап

связан с работой Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. В. Николюка. За двадцать лет службы в Омской академии МВД России он внес значительный вклад в развитие научной школы. Были определены базовые теоретические подходы, касающиеся обеспечения интересов личности и государства в досудебном уголовном производстве. Наиболее весомый вклад им внесен в исследование вопросов уголовно-процессуального принуждения, производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних, совершенствования правового положения отдельных участников уголовного процесса, исполнения приговора и др. Всего В. В. Николюком подготовлено более 250 научных работ. Его фундаментальные труды определили вектор развития научной школы. Работая в составе Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, он принимал активное участие в подготовке проектов постановлений Пленума Верховного Суда РФ. В настоящее время В. В. Николук является членом диссертационного совета по специальности 5.1.4 — Уголовно-правовые науки, созданного на базе Омской академии МВД России, что оказывает благоприятное влияние на формирование научного мировоззрения представителей научной школы. Он внес большой вклад в подготовку кадров высшей квалификации, выступил научным консультантом по докторским диссертациям Б. Б. Булатова [2], Ю. В. Деришева [3], А. С. Бахты [4], Л. А. Пупышевой [5]. Под его научным руководством подготовили и защитили кандидатские диссертации О. Х. Галимов [6], Ю. В. Деришев [7], С. А. Косова [8] и другие ученые. Вклад В. В. Николюка в развитие научного потенциала вуза позволяет говорить о нем как об одном из основателей Омской научной школы, в рамках которой продолжают разрабатываться поставленные им проблемы обеспечения интересов личности и государства в досудебном уголовном производстве.

В 2004 г. после защиты докторской диссертации начальником Омской академии МВД России был назначен Борис Борисович Булатов. С этого времени он возглавляет коллектив ученых, осуществляющий деятельность по направлению научной школы. Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Б. Б. Булатов способствовал развитию новых направлений исследований сформировавшейся научной школы. Им разработаны теоретические основы разрешения наиболее чувствительных для российского права проблем государственного принуждения в уголовном судопроизводстве [2]. Он автор более 150 научных работ. Благодаря усилиям Б. Б. Булатова на протяжении более чем двадцати лет поддерживается развитие Омской научной школы. Под его руководством ученые Сибири

успешно защищают кандидатские и докторские диссертации. Он выступил научным консультантом по докторским диссертациям А. С. Дежнева и К. В. Муравьева, в которых нашли отражение многие теоретические подходы учителя. Ряд обозначенных проблем послужил основой для кандидатских диссертаций Д. А. Воронова [9], О. В. Баландюк [10], Д. С. Мерлакова [11], А. П. Лыги [12]. Его взгляды на решение наиболее острых проблем применения мер процессуального принуждения позволяют обеспечить необходимое обоснование предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Благодаря усилиям Б. Б. Булатова, под его председательством на базе Омской академии МВД России были созданы и долгое время работали диссертационные советы по специальности 12.00.09 — Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность, а затем с 2012 по 2022 г. — 12.00.09 — Уголовный процесс. В настоящее время он возглавляет работу диссертационного совета по научной специальности 5.1.4 — Уголовно-правовые науки. Его талант ученого и руководителя позволил сформировать благоприятные условия для развития научной школы и реализации исследований в диссертационном совете. Она стала пополняться новыми учеными, получили признание современные направления исследований. Многие выпускники, закончившие адъюнктуру Омской академии МВД России, состоялись как ученые под влиянием подходов, заложенных основателями научной школы. В связи с ее комплектованием представителями Сибири и Дальнего востока возникают предпосылки для расширения ее границ.

Ярким представителем Омской научной школы выступает Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Владимир Александрович Азаров, являющийся автором более 150 научных работ. Он возглавлял кафедру уголовного процесса академии с 1989 г. по 1992 г. Его можно назвать одним из родоначальников научной школы. Работая с 1982 по 2001 гг. в Омской академии МВД России, В. А. Азаров активно занимался научной деятельностью. В 1985 г. он защитил кандидатскую, а в 1996 г. — докторскую диссертацию. В рамках докторского исследования он разработал теоретические основы охраны имущественных интересов личности в уголовном процессе, которые, несомненно, обогатили теорию уголовного судопроизводства [13]. Основой его концепции выступила теоретическая модель механизма уголовно-процессуальной охраны имущественных интересов личности. В. А. Азаров достиг значимых результатов в исследовании вопросов применения мер процессуального принуждения, особенностей

уголовно-процессуального доказывания, судебного контроля за производством следственных действий и других направлений. Ряд проблем получили развитие в трудах его учеников. Под научным руководством В. А. Азарова подготовили и защитили кандидатские диссертации С. В. Супрун [14], А. В. Писарев [15], А. Н. Артамонов [16], И. А. Чердынцева [17], Е. Е. Коробкова (Антонова) [18] и другие ученые. Активная научная работа В. А. Азарова не остается незамеченной. Его регулярно приглашают в качестве официального оппонента по защите диссертаций в различных вузах страны. В настоящее время он работает заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, где также трудятся его ученики М. Х. Абдрахманов [19], В. А. Константинова [20], Д. М. Нурбаев [21], Н. И. Ревенко [22], И. Ю. Таричко [23]. Всего под руководством В. А. Азарова защитили кандидатские диссертации более двух десятков учеников. Благодаря его вкладу в подготовку научных кадров обоих вузов осуществляется активное взаимодействие представителей академии и Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского по профилю научной школы, что, несомненно, обогащает ее научный потенциал.

Традиции, заложенные основателями научной школы, продолжены последующим поколением исследователей. Накопленные в предшествующие годы опыт и знания позволили сосредоточиться представителям научной школы на фундаментальных проблемах уголовного судопроизводства.

Одним из ведущих представителей омской научной школы выступает Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Юрий Владимирович Деришев. Закончив в 1976 г. с отличием ОВШМ, он долгое время проходил службу в следственном аппарате органов внутренних дел Омской области: от следователя до начальника отдела следственного управления УВД Омской области. Имея богатый практический опыт работы, в декабре 1993 г. он перешел на преподавательскую работу в Омскую академию МВД России.

Направление научных исследований Ю. В. Деришева сосредоточено на вопросах оптимизации отечественного уголовного досудебного производства, с которой была связана его многолетняя работа в практических органах внутренних дел. Проведенная Ю. В. Деришевым разработка указанной проблемы [7] получила развитие в его фундаментальном труде «Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения» [3]. В его арсенале более 180 научных и учебно-методических работ. Ведется активная работа по подготовке научно-педагогических кадров.

По профилю научной школы его ученики последовательно разрабатывают основанные Ю. В. Деришевым научные направления [24; 25; 26; 27]. При этом он не теряет связь с практикой. Ю. В. Деришев с 2002 г. по 2006 г. входил в состав Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации в качестве представителя общественности, является членом научно-консультативного совета при прокуратуре Омской области, а также осуществляет взаимодействие с правоохранительными органами в рамках других направлений общественной работы. В настоящее время Ю. В. Деришев работает в ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет», при этом активно участвует в разработке тематики Омской научной школы. Он также является членом диссертационного совета, созданного на базе Омской академии МВД России.

Важную роль в формировании актуальных направлений исследований в рамках научной школы сыграл Павел Григорьевич Марфицин. Работая на кафедре уголовного процесса с 1993 по 2005 гг., в рамках докторского исследования он разработал теоретические основы формирования и реализации усмотрения следователя. Это позволило решить комплекс вопросов, связанных с обеспечением законности досудебного производства, его эффективностью, обеспечением прав и законных интересов участников уголовного процесса [28]. Показательно, что в качестве научного консультанта по его исследованию выступил В. Т. Тomin, стоявший у истоков формирования омской научной школы. Сформированные П. Г. Марфициным подходы нашли отражение и получили развитие в кандидатских диссертациях Н. М. Николаевой [29], К. В. Муравьева [30], Ю. Е. Кайгародовой [31] и других ученых. С 2005 г. П. Г. Марфицин осуществлял научную и преподавательскую деятельность на кафедре уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского». Работая в данном учебном заведении, он не прекращал взаимодействия с представителями Омской школы. Его ученики последовательно разрабатывали вопросы, связанные с обеспечением интересов личности и государства в досудебном уголовном производстве [32; 33; 34]. Данное обстоятельство символизирует развитие географических связей Омской научной школы.

Большой вклад в развитие научной школы внес Заслуженный юрист РФ, кандидат юридических наук, профессор Владимир Васильевич Кальницкий, который возглавлял кафедру уголовного процесса Омской академии МВД России с 1992 г. по 2014 г. Его отличает безусловная преемственность научных и методологических подходов сформировавшейся научной

школы. В. В. Кальницкому удалось создать коллектив единомышленников, оказавший большое влияние на формирование научных взглядов кафедры. Под его руководством защищены диссертации, посвященные актуальным проблемам уголовного процесса. Среди них вопросы, касающиеся восстановления утраченных уголовных дел [35], обеспечения участников уголовного судопроизводства квалифицированной юридической помощью при производстве следственных действий [36], ведомственного процессуального контроля за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел [37], процессуального положения лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность [38], а также производства по сложносоставному уголовному делу [39].

Недостатки законодательного регулирования при окончании досудебного этапа производства по уголовным делам способствовали исследованию обстоятельств, исключающих уголовное преследование [40], а также доступа участников уголовного процесса к материалам досудебного производства [41]. В сфере доказательственного права под руководством В. В. Кальницкого были разработаны подходы к получению и закреплению показаний [42], собиранию и исследованию доказательств мировым судьей [43], эволюции, регламентации и соотношения видов доказательств [44]. В области применения мер процессуального принуждения заслуживает внимания подготовленная под руководством В. В. Кальницкого диссертация А. В. Павлова, посвященная задержанию обвиняемого, находящегося в розыске [45]. Сам он является автором более 200 научных работ.

Практически все ученики В. В. Кальницкого долгое время работали на кафедре уголовного процесса академии, где ежедневно вырабатывались научные взгляды ученых, формируя индивидуальный научный стиль представителей школы.

Заметный вклад в развитие омской научной школы внес Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Александр Михайлович Баранов. Выпускник Карагандинской высшей школы МВД СССР, поработав следователем, начал заниматься научной работой. После окончания адъюнктуры и защиты кандидатской диссертации в 1992 г. [46] связал свою судьбу с Омской академией МВД России, где прошел путь от преподавателя до начальника кафедры криминалистики. Его научные интересы охватывают широкий спектр проблем в области теории и практики уголовного процесса. В 2006 г. он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук [47]. В рамках развития научной школы он разработал подход, определяющий законность как политико-правовой режим. Помимо вопросов законности в сферу его на-

учных интересов входят досудебное производство по уголовным делам, вопросы осуществления предварительного расследования, обеспечения прав и свобод личности. Им опубликовано более 150 научных трудов. Научные взгляды А. М. Баранова отличаются неординарностью, использованием смелых решений в разработке проблем уголовного судопроизводства. Многие из них нашли отражение в исследованиях его учеников [48; 49; 50].

Развитие научной школы предполагает рождение новых ученых, отличающихся не только критическим мышлением, но и современными взглядами на проблемы уголовного судопроизводства. К их числу можно отнести доктора юридических наук, доцента Кирилла Владимировича Муравьева. Защитив кандидатскую диссертацию под руководством П. Г. Марфицина [51], он активно включался в разработку широкого спектра проблем уголовного судопроизводства. Ряд вопросов имеют межотраслевой характер. В результате в 2017 г. им была подготовлена докторская диссертация [52], по которой научным консультантом выступил Б. Б. Булатов. К. В. Муравьевым разработана научная концепция, позволившая сформировать оптимальную модель применения норм УК РФ в ходе осуществления уголовного судопроизводства. В сферу его научных интересов также входит широкий круг вопросов, касающихся применения мер процессуального принуждения, порядка возбуждения уголовного дела, вопросов законности производства по уголовным делам. Он является автором более 150 научных работ. Теоретические взгляды К. В. Муравьева находят воплощение в диссертациях его учеников [53; 54; 55]. В настоящее время он возглавляет научно-исследовательский центр Академии управления МВД России. К. В. Муравьев на регулярной основе взаимодействует с Омской школой, в рамках научных форумов, в качестве официального оппонента по защите диссертаций и других видов деятельности, формируя устойчивые межвузовские связи.

Продолжателем научных идей школы выступает доктор юридических наук, профессор Александр Сергеевич Дежнев. Проработав шесть лет

в практических органах внутренних дел, имея опыт следственной работы, он начал свою научную деятельность в Омской академии МВД России в 1998 г. Защитив кандидатскую диссертацию под руководством В. В. Кальницкого [56], А. С. Дежнев продолжил работу над актуальными проблемами уголовного судопроизводства, лежащими на стыке разных отраслей права. В 2013 г. он защитил докторскую диссертацию [57], научным консультантом по которой выступил Б. Б. Булатов. Ему удалось сформировать научный подход, в рамках которого интересы семьи и несовершеннолетних определяются в качестве единого объекта уголовно-процессуальной охраны, что послужило теоретической основой оптимизации отдельных институтов и норм уголовно-процессуального права. В дальнейшем он направил свои усилия на разработку вопросов совершенствования законодательного регулирования мер процессуального принуждения, производства по делам с участием несовершеннолетних и других аспектов правоприменения. Он является автором более 100 научных работ. Отдельные проблемы нашли отражение в исследованиях его учеников [58; 59; 60]. В настоящее время А. С. Дежнев является профессором кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Таким образом, благодаря многолетней работе ряда представителей Омской академии МВД России была сформирована и эффективно действует в настоящее время научная школа «Обеспечение интересов личности и государства в досудебном уголовном производстве». Ее представителей объединяют общие методологические подходы в исследованиях, направленных на разработку теоретических и прикладных проблем совершенствования досудебного производства по уголовным делам. Научная школа продолжает свое развитие. Активно функционирует не только адъюнктура Омской академии МВД России, но и докторантура. Большой научный потенциал школы, богатый опыт исследовательской работы позволяют с оптимизмом смотреть на будущее научной школы образовательной организации, отражающей ее базовый источник развития.

Список источников

1. *Николюк В. В.* Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1990.
2. *Булатов Б. Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
3. *Деришев Ю. В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005.
4. *Бахта А. С.* Механизм уголовно-процессуального регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

5. Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022.
6. Галимов О. Х. Проблемы правового регулирования уголовного судопроизводства с участием малолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1997.
7. Деряшев Ю. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998.
8. Косова С. А. Прекращение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.
9. Воронов Д. А. Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2008.
10. Баландюк О. В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2015.
11. Мерлаков Д. С. Уголовно-процессуальная компетенция субъектов, ведущих досудебное производство : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2023.
12. Лыга А. П. Меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2023.
13. Азаров В. А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 1995.
14. Супрун С. В. Возмещение материального ущерба, причиненного гражданам при раскрытии и расследовании преступлений: уголовно-процессуальный и оперативно-розыскной аспекты : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2001.
15. Писарев А. В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2002.
16. Артамонов А. Н. Обжалование действий и решений органов расследования в досудебных стадиях российского уголовного процесса : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2003.
17. Чердынцева И. А. Назначение современного российского уголовного процесса как элемент его типологической характеристики : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2008.
18. Антонова Е. Е. Функциональная характеристика досудебного производства в российском уголовном процессе : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2006.
19. Абдрахманов М. Х. Охрана имущества и деловой репутации юридических лиц в уголовном процессе России : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Томск, 2008.
20. Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Томск, 2012.
21. Нурбаев Д. М. Внутреннее убеждение при оценке в уголовном процессе преюдициального значения решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве (по материалам проверки и уголовным делам о преступлениях в сфере экономики) : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Томск, 2014.
22. Ревенко Н. И. Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2006.
23. Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в российском уголовном процессе : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2004.
24. Оболкина А. Л. Модели предварительного (досудебного) производства по уголовным делам: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
25. Забуга Е. Е. Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014.
26. Андриенко Ю. А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022.
27. Морозова О. С. Оптимизация состава и процессуального положения участников уголовного досудебного производства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2024.
28. Марфицин П. Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект) : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2003.
29. Николаева Н. М. Письменность предварительного расследования : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2002.

30. *Муравьев К. В.* Возбуждение уголовного дела в отношении лица : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2005.
31. *Кайгородова Ю. Е.* Уведомление в российском уголовном процессе : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2005.
32. *Иванов А. А.* Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.
33. *Коваленко Л. В.* Воспитательно-профилактическая деятельность следователя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
34. *Сычев А. А.* Дифференциация уголовно-процессуальной формы производства по делам несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009.
35. *Ефремова Н. П.* Восстановление утраченных уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.
36. *Ларин Е. Г.* Обеспечение участников уголовного судопроизводства квалифицированной юридической помощью : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2008.
37. *Табаков С. А.* Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2009.
38. *Булатов Б. Б.* Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2011.
39. *Бондаренко А. А.* Производство по сложносоставному уголовному делу : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2022.
40. *Сафронов Д. М.* Обстоятельства, исключающие уголовное преследование : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2003.
41. *Седельников П. В.* Доступ участников уголовного процесса к материалам досудебного производства : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2006.
42. *Пилушин И. П.* Получение и закрепление показаний в уголовном процессе : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2006.
43. *Дзюбенко А. А.* Собираение и исследование доказательств мировым судьей по уголовным делам : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2008.
44. *Козловский П. В.* Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2013.
45. *Павлов А. В.* Задержание обвиняемого, находящегося в розыске : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2009.
46. *Баранов А. М.* Процессуальные ошибки на этапе окончания предварительного следствия и способы их исправления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.
47. *Баранов А. М.* Законность в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2006.
48. *Смирнова И. С.* Досудебное производство по сложному уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.
49. *Наумов К. А.* Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021.
50. *Ткачева Е. С.* Порядок ограничения конституционных прав личности в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2024.
51. *Муравьев К. В.* Возбуждение уголовного дела в отношении лица : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
52. *Муравьев К. В.* Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017.
53. *Абрамова Л. Л.* Фактические основания для начала предварительного расследования: эволюция нормативного регулирования, теория и практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022.
54. *Олейник В. В.* Участие потерпевшего в уголовном преследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020.
55. *Замуруева Е. Ю.* Общие условия применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
56. *Дежнев А. С.* Отношения родства, супружества и свойства в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.

57. *Дежнев А. С.* Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013.
58. *Гапонова В. Н.* Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016.
59. *Патрушева А. А.* Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020.
60. *Гараева Т. Б.* Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021.

УДК 343.102

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-147-153

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Омская научная школа оперативно-розыскной деятельности: развитие, достижения, перспективы

Виктор Федорович Луговик

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел ¹, ✉ vlug@yandex.ru

Владимир Александрович Гусев

Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор, заместитель начальника (по научной работе) ¹, ✉ GusevVA@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье представлен ретроспективный анализ истории омской научной школы оперативно-розыскной деятельности, которая непосредственно связана с созданием Омской высшей школы милиции МВД СССР в целом и кафедры специальных дисциплин — в частности. Определены основные этапы развития данной научной школы, ее достижения и результаты, имеющие значение для теории и практики оперативно-розыскной деятельности. Особое внимание уделено персоналиям прародителей, основателей и последователей научной школы, имена и работы которых непосредственным образом связаны с возникновением оперативно-розыскной научной мысли и ее эволюцией. Обозначены потенциал и перспективы научных исследований проблем выявления и раскрытия преступлений с использованием оперативно-розыскных сил, средств и методов.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, научно-исследовательская деятельность, теория, практика, диссертация, Оперативно-розыскной кодекс

Для цитирования: Луговик В. Ф., Гусев В. А. Омская научная школа оперативно-розыскной деятельности: развитие, достижения, перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 147–153.

Omsk Scientific School of Operational Crime Detection: Development, Achievements, Prospects

Viktor F. Lugovik

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor,
Professor at the chair of Operational Crime Detection in Law Enforcement Bodies ¹, ✉ vlug@yandex.ru

Vladimir A. Gusev

Honoured Worker of the Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law),
Professor, Deputy-Chief (in Research Work) ¹, ✉ gusevva@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article comprises a retrospective analysis of the history of the Omsk scientific school of operational crime detection, which is directly related to the creation of the Omsk Higher School of Militia of the USSR Ministry of Internal Affairs in general, and the chair of Special Disciplines — in particular. The authors define the main stages of the development of this scientific school, its achievements and results, which are important for the theory and practice of operational crime detection. Special attention is paid to the personalities of the forebears, founders and followers of the scientific school, whose names and works are immediately connected with the emergence of operational crime detection scientific thought and its evolution. The potential and prospects of scientific research into the problems of detection and solution of crimes using operational crime detection forces, means and methods are outlined.

Keywords: operational crime detection, science and research work, theory, practice, dissertation, Operational criminal code

Citation: Lugovik V. F., Gusev V. A. Omsk Scientific School of Operational Crime Detection: Development, Achievements, Prospects. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 147–153 (In Russ.).

Возникновение омской научной школы оперативно-розыскной деятельности неразрывно связано с созданием в 1965 г. Омской высшей школы милиции (далее — ОВШМ) Министерства охраны

общественного порядка (далее — МООП) СССР. Это вполне объяснимо и не требует дополнительной аргументации, так как именно в ОВШМ уже через два месяца после образования учебного заведения

была создана кафедра специальных дисциплин, на которой, помимо оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), преподавались специальная техника и административная деятельность. Анализ архивных документов показывает, что уже изначально учебный процесс не мыслился без научно-исследовательской работы. На первом заседании ученого совета, состоявшемся 28 октября 1965 г., было определено, что научная деятельность преподавателей и курсантов является приоритетной. В Положении об ОВШМ МООП РСФСР закреплялась норма о подготовке к изданию научных трудов школы милиции, а 26 ноября 1965 г. был утвержден первый план научно-исследовательской работы. С каждым годом научно-исследовательская деятельность в ОВШМ приобретала большую значимость, а ее результаты рассматривались как обязательное условие повышения квалификации преподавателей.

1 ноября 1967 г. решением Совета ОВШМ была утверждена комплексная тема научного исследования «Организация труда в органах милиции» и в этом же году в рамках данной темы была проведена конференция с участием практических работников. По результатам конференции был выпущен научный сборник «Предотвращение и раскрытие преступлений», в котором опубликовали статьи И. А. Веселов, И. М. Голубятник, П. Л. Климович, Д. Д. Максаров, А. И. Марцев, А. К. Семенов, С. Я. Шерман [1, с. 3].

После принятия в 1969 г. решения о специализации ОВШМ по подготовке сотрудников уголовного розыска было окончательно определено и генеральное направление научных исследований: оперативно-розыскная деятельность уголовного розыска. Это способствовало комплексному подходу к исследованию оперативно-розыскной деятельности, так как к ее изучению были привлечены преподаватели всех кафедр. Уже в 1969 г. сотрудниками ОВШМ было опубликовано около 100 научных работ, прежде всего по проблематике, связанной с совершенствованием деятельности уголовного розыска по предупреждению и раскрытию преступлений. Учитывая закрытый характер научных исследований проблем оперативно-розыскной деятельности, их результаты в то время публиковались только в секретных сборниках научных трудов.

Отличительной особенностью омской научной школы ОРД была и остается ориентация на научное обеспечение решения приоритетных практических задач и учебного процесса. Слушатели ОВШМ начиная с 3 курса активно включались в научно-практическую работу, которая позволяла им синтезировать теоретические знания и прикладные навыки ОРД. Такое участие не только расширяло кругозор обучающихся, но и воспитывало у них стремление к поиску новых средств и методов предупреждения

и раскрытия преступлений, демонстрировало социальную обусловленность негласных способов противодействия преступности. Одновременно курсантам и слушателям прививалась потребность в научно-исследовательской работе, стремление к использованию научных результатов в оперативно-служебной деятельности.

Традиционными стали «майские» итоговые научно-практические конференции курсантов и слушателей, которые проводятся и до настоящего времени. С конца 1960-х гг. стал действовать научный кружок кафедры. При этом ставка делалась на широкое вовлечение обучающихся в научно-исследовательскую работу и привитие им навыков научного мышления. На каждый год определялись основные темы научных исследований курсантов и слушателей, готовились научные доклады и сообщения, которые затем обсуждались на заседаниях научного кружка.

Освещая процесс формирования омской научной школы оперативно-розыскной деятельности, мы умышленно акцентируем внимание на научно-исследовательской работе обучающихся. Дело в том, что актив научного кружка кафедры ОРД рассматривался как резерв формирования профессорско-преподавательского состава кафедры. Такой подход себя оправдал, и уже в 70-80-е гг. кафедра стала пополняться выпускниками ОВШМ, проработавшими в подразделениях уголовного розыска пять и более лет. Это обеспечило преемственность не только в преподавании, но и в научных исследованиях. Традиция сохранена и в настоящее время: более 90% преподавателей кафедры ОРД являются выпускниками данного учебного заведения [2].

В 70-е гг. существенный вклад в становление омской научной школы оперативно-розыскной деятельности внесли такие преподаватели, как Ю. И. Веселов, И. М. Голубятник, Д. Д. Максаров и др. Ими разрабатывались сложные и скрытые проблемы ОРД. Омские ученые одними из первых в стране стали исследовать вопросы борьбы с организованной преступностью, наличие которой замалчивалось официальными органами власти. У истоков таких исследований стоял Ю. А. Вакутин. Им изучались обычаи и традиции криминальной среды, особенности «воровского движения», криминальная мимикрия и др. [3; 4; 5]. По его совету в 1981 г. один из первых адъюнктов ОВШМ А. Е. Четин в рамках кандидатской диссертации, которую впоследствии успешно защитил, приступил к исследованию проблем организации и тактики раскрытия организованных групповых преступлений аппаратами уголовного розыска.

Омская научная школа развивалась не изолированно, а в тесном взаимодействии с научными

и образовательными организациями МВД СССР. Наиболее плодотворное взаимодействие было с ВНИИ МВД СССР, профильными кафедрами Академии МВД СССР и Московской высшей школы милиции МВД СССР. Именно в эти и последующие годы руководство ОВШМ направляет кандидатов на учебу в адъюнктуре этих заведений. Ученые Академии МВД СССР, Московской высшей школы милиции МВД СССР и ВНИИ МВД СССР, являвшиеся основоположниками оперативно-розыскной науки (Б. Е. Богданов, В. Г. Гребельский, А. Г. Лекарь, В. А. Лукашов, В. Г. Самойлов, а также следующее за ними поколение — Ю. С. Блинов, В. Г. Бобров, В. М. Аتماжитов), оказали значительное позитивное влияние на развитие омской научной школы. Они были научными руководителями первых омских адъюнктов, привившими им стремление к поиску новых знаний, а также гордость за принадлежность к научно-исследовательскому сообществу. Можно сказать, что это были сторонники классической школы оперативно-розыскной деятельности, идеи которой получили дальнейшее развитие в трудах омских ученых.

Нельзя не отметить влияния на формирование взглядов омской научной школы представителей кафедры ОРД Киевской высшей школы МВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского, и прежде всего А. Ф. Возного. Он неоднократно приезжал в Омск, выступал с научными сообщениями на кафедре ОРД ОВД, излагал суждения по решению оперативно-розыскных проблем. Ему были присущи революционные идеи и взгляды на развитие оперативно-розыскной науки. По сути, он первым в стране приступил к исследованию правовых, организационных и тактических проблем проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих права граждан на неприкосновенность жилища (оперативный осмотр). Обучавшиеся в адъюнктуре этого учебного заведения и успешно защитившие кандидатские диссертации преподаватели ОВШМ Н. Л. Макаров и Н. В. Филимонов предложили новые подходы к исследованию проблем ОРД и внесли заметный вклад в развитие омской научной школы оперативно-розыскной деятельности. В частности, Н. В. Филимонов впервые в стране в рамках диссертационного исследования изучил проблемы совершенствования профессионального мастерства сотрудников уголовного розыска и предложил авторский вариант их решения. В свою очередь Н. Л. Макаров разработал оперативно-розыскную методику использования конфиденциальной помощи граждан при раскрытии преступлений, причем впервые в оперативно-розыскной науке был исследован психологический аспект проблемы.

На фоне современных тенденций размывания предмета и задач ОРД приоритеты омской научной школы по-прежнему лежат в русле научного обеспечения деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по борьбе с преступностью в целом и уголовного розыска — в частности. Оперативно-розыскная деятельность вместе с уголовным процессом обеспечивают «жизнь» уголовного закона. Не случайно ОРД насыщена процедурными нормами, а иногда даже именуется оперативно-розыскным процессом. Именно в таком контексте Ю. И. Веселов в 1973 г. защищает кандидатскую диссертацию «Применение положений науки уголовного процесса в оперативно-розыскной деятельности милиции».

Кафедра последовательно повышала научный потенциал, поднимала уровень и качество исследований. В 1981 г. в ОВШМ открывается адъюнктура. Первыми адъюнктами по кафедре ОРД были А. Е. Чечетин, В. Ф. Луговик и А. В. Семенов, успешно защитившие кандидатские диссертации, а А. Е. Чечетин и В. Ф. Луговик в дальнейшем — докторские¹. Открытие адъюнктуры потребовало повысить уровень научных исследований. В эти годы, впрочем, как и в 60–70-е, в научный поиск решений оперативно-розыскных проблем деятельности уголовного розыска вовлекаются сотрудники всех кафедр ОВШМ. Начинают исследоваться не только правовые и организационно-тактические, но и философские, морально-этические, психологические проблемы ОРД.

Действительно, особое место среди фундаментальных исследований омской научной школы, наряду с правовыми, занимала психологическая тематика. Омские ученые стояли у истоков формирования оперативно-розыскной психологии. В работах В. Ю. Фролова, Н. Л. Макарова, Н. В. Филимонова и др. поднимался широкий круг вопросов: психологическая подготовка сотрудников уголовного розыска; психологические основы проведения оперативно-розыскных мероприятий; особенности мотивации лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям; психология общения при осуществлении ОРД и др. Наиболее глубокие исследования в этой части проведены В. И. Филиппенко. Результаты психологических исследований представителей омской научной школы ОРД в 1988 г. были обобщены в тематическом сборнике научных статей «Психологические аспекты оперативно-розыскной деятельности», а их практическая реализация была представлена спецкурсом «Оперативно-розыскная психология», который был впервые введен в ОВШМ.

Научно-исследовательская работа на кафедре ОРД была тесно связана с решением не только прак-

¹ Об А. Е. Чечетине и В. Ф. Луговике как ученых, возглавляющих омскую научную школу ОРД, в своей монографии упоминает А. Ю. Шумилов [6, с. 353–354].

тических, но и учебно-воспитательных задач. Особое внимание уделялось морально-этической проблематике оперативно-розыскной деятельности. Актуальность таких исследований обусловлена многими факторами, но безусловным является то, что далеко не все вопросы осуществления ОРД урегулированы законом и подзаконными нормативными правовыми актами, следовательно, существует потребность в определении морально-нравственных ориентиров для сотрудников оперативных подразделений. Как отмечал Ф. Энгельс, каждый класс и даже каждая профессия имеют свою мораль [7, с. 298–299]. Своя мораль присутствует и в ОРД, которая не общеизвестна и позитивно воспринимается. Результатом комплексных межкафедральных исследований стал «Этический кодекс оперативного работника», который в 1990 г. был представлен в высший законодательный орган России [8, с. 132–139].

В 1986 г. был подготовлен сборник научных трудов, где впервые сформулированы концептуальные положения омской научной школы ОРД (Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов. Омск, 1986.). В нем излагались взгляды кафедры на понятие и сущность ОРД, оперативно-розыскные правоотношения, организационные и тактические основы ОРД, направления раскрытия преступлений и др. Авторами статей стали В. Ю. Фролов, В. И. Филиппенко, В. Ф. Луговик, Н. В. Филимонов, В. П. Дементьев, А. Е. Чечетин, А. В. Семенов, Н. Л. Макаров. Можно считать, что именно после издания этого сборника рельефно обозначились контуры омской научной школы оперативно-розыскной деятельности.

При исследовании проблем ОРД ученые омской научной школы не только доказывали легитимность ОРД, но и предлагали варианты совершенствования ее правового регулирования. Так, уже к середине 70-х гг. В. Ю. Фролов выступил с идеей разработки проекта оперативно-розыскного кодекса и предложил его структуру [9, с. 17–32]. Это было неожиданное для оперативно-розыскного сообщества предложение. И хотя оно не осталось незамеченным, но, видимо, общество было еще не готово к столь радикальному предложению, поэтому поддержки в трудах ученых оно не получило. Но все-таки идея натолкнула правоведов на мысль о необходимости более фундаментальной проработки проблем правового регулирования ОРД и в 1981 г. представителем омской научной школы Ю. Я. Вольдманом было аргументировано существование самостоятельной отрасли права — оперативно-розыскного права

[10, с. 3–327]². Чтобы оценить значимость и масштабность идеи, необходимо осознать правовые реалии ОРД 70–80-х гг., когда нормативное регулирование этой сферы полностью лежало в закрытой плоскости, а в УПК РСФСР лишь упоминалось о праве органов дознания принимать оперативно-розыскные меры для раскрытия преступлений. Только с учетом этого можно осмыслить революционность идей и прозорливость их авторов³.

Таким образом, анализируя тематику научно-исследовательских работ в 80-х гг., можно выделить два главных направления: фундаментальные исследования основополагающих вопросов теории оперативно-розыскной деятельности и прикладные, ставящие своей целью разработку путей совершенствования деятельности оперативных подразделений по борьбе с отдельными видами преступлений.

В 1992 г. после легитимации ОРД путем принятия Закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», а затем в 1995 г. Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», перед научным сообществом встали новые задачи и возникли новые теоретические и практические проблемы толкования законодательных норм. Дело в том, что в исследование оперативно-розыскной деятельности включился широкий круг ученых, не только не имеющих оперативно-розыскной практики, но и искаженно понимающих ОРД. В результате на читателя обрушился поток псевдонаучных публикаций, авторы которых, не понимая сути ОРД, давали неверную трактовку норм закона, высказывали спорные суждения, предлагали «революционные» и «прогрессивные», по их мнению, варианты решения практических и научных проблем ОРД. Такие печатные и электронные публикации дезориентировали курсантов, слушателей, практических работников и молодых, неподготовленных исследователей теории ОРД.

Кроме того, отдельными учеными-правоведами было озвучено негативное отношение к ОРД как юридической науке и отрасли права. Так, Б. Т. Безлепкин категорически возражает против отраслевой концепции оперативно-розыскного права, полагает, что ОРД правоотношений не порождает, так как является по своей сути разведывательной деятельностью, а не правовой, поэтому утверждает, что нельзя говорить о правовом регулировании оперативно-розыскного процесса, существующего якобы параллельно уголовному, и более того, «в гражданских юридических вузах и на факультетах эта дисциплина не преподается», а потому об ОРД «юристы с уни-

² Гораздо позже эта идея была высказана и аргументирована А. Ю. Шумиловым, А. А. Чувилевым.

³ Только спустя десятилетия, в 2015 г. представителем омской научной школы ОРД (одним из соавторов данной статьи) был разработан проект Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации» и внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

верситетским образованием ничего не знают» [11]. Оставляя за скобками явно пренебрежительное высказывание об ОРД как недостойной внимания сыскной науки о подглядывании в замочную скважину, и попытку подчеркнуть некую ущербность образования, получаемого в образовательных организациях МВД России, отметим, что такой подход является архаичным и недостаточно аргументированным, а потому его трудно назвать научным⁴. Примечательно, что, по мнению самих же ученых-процессуалистов [12, с. 66, 69], такая негативная реакция обусловлена возрастающей активностью использования оперативно-розыскных средств и методов в процессе раскрытия и расследования преступлений, а также эффективностью оперативно-розыскных результатов, значимость которых значительно возросла после законодательной регламентации ОРД.

Следует подчеркнуть, что в Омской академии МВД России становление и развитие научной школы ОРД происходило в тесном взаимодействии с научной школой уголовного процесса. При этом представители указанных школ исходили из того, что без уголовного процесса ОРД теряет смысл, а уголовный процесс без ОРД теряет познавательную силу⁵. Одним из ярких результатов такого плодотворного сотрудничества стал первый в России Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», подготовленный в 1996 г. авторским коллективом кафедр оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел и уголовного процесса под редакцией доктора юридических наук, профессора В. В. Николюка [13]. В нем дан глубокий научно-правовой анализ закона, доктринальное толкование норм формирующегося оперативно-розыскного права и сформулированы рекомендации по его применению. Комментарий внес заметный вклад в развитие как оперативно-розыскной, так и уголовно-процессуальной науки, о чем свидетельствует его «публикационное долголетие»: с 1996 года он переиздавался более 15 раз.

В настоящее время можно говорить о нескольких поколениях омской научной школы ОРД, ряд представителей которой трудится в других образовательных и научных организациях, а также в практических подразделениях органов внутренних дел.

Первое поколение: В. Ф. Луговик, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; А. Е. Чечетин, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент; Я. М. Мазунин, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Буряков, доктор юридических наук, профессор; С. Н. Поправко, кандидат юридических наук, профессор.

Второе поколение: В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор; Н. В. Павличенко, доктор юридических наук, профессор; А. Л. Осипенко, доктор юридических наук, профессор; В. А. Галушко, кандидат юридических наук, доцент; Е. П. Невский, кандидат юридических наук, доцент; О. Г. Половников, кандидат юридических наук, доцент; Г. В. Шаламов, кандидат юридических наук, доцент; А. А. Кондрашенков, кандидат юридических наук.

Третье поколение: М. С. Десятов, доктор юридических наук, доцент; Д. А. Васильченко, кандидат юридических наук, доцент; Л. А. Бакланов, кандидат юридических наук, доцент; А. С. Малахов, кандидат юридических наук, доцент; В. А. Лаврентьев, кандидат юридических наук, доцент; С. М. Лугович, кандидат юридических наук, доцент; А. С. Поправко, кандидат юридических наук, доцент; А. В. Серов, кандидат юридических наук, доцент; А. С. Дубинин, кандидат юридических наук.

Четвертое поколение: И. А. Вормсбехер, кандидат юридических наук; Герасименко Е. В., кандидат юридических наук; Е. А. Зуев, кандидат юридических наук; В. Е. Дивольд, кандидат юридических наук; Е. Ю. Дорош, кандидат юридических наук; Д. В. Зенькин, кандидат юридических наук; А. Е. Цепилов, кандидат юридических наук; П. А. Маленков, кандидат юридических наук.

Сегодня основа научной школы — это профессорско-преподавательский состав кафедры ОРД ОВД Омской академии МВД России, включающий представителей всех четырех поколений. На современном этапе омскую оперативно-розыскную научную школу объединяет методологический подход к проведению исследований по направлению «Проблемы правового регулирования, организации и тактики оперативно-розыскной деятельности», заключаю-

⁴ Аргументом нашей позиции можно расценивать объективную потребность в изучении оперативно-розыскной теории, практики и системы нормативного регулирования ОРД работниками прокуратуры, получившими «университетское юридическое образование» и уполномоченными на осуществление надзора за ОРД, но не имеющими представления об этой деятельности. В частности, в рамках сотрудничества Омской областной прокуратуры и Омской академии МВД России с заинтересованными работниками прокуратуры на учебной базе академии в апреле 2025 года были проведены занятия по отдельным процедурным вопросам осуществления ОРД.

⁵ Значительно позже справедливость такого подхода подтвердил и Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“ по жалобе гражданки И. Г. Черновой» (доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

щийся в традиционном использовании и сочетании таких методов научного поиска, как анализ и синтез, индукция и дедукция, системный подход, контент-анализ нормативных правовых актов. Научно-исследовательская программа научной школы, включающая концептуальные основы разрабатываемых направлений, основана на едином оригинальном исследовательском подходе, заключающемся в рассмотрении оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел не только как государственно-правовой деятельности, но и как специализированного вида деятельности по охране общественного порядка, борьбе с преступностью и обеспечению безопасности государства.

Представители омской научной школы ОРД в своих работах неоднократно отмечали, что действующий Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», несмотря на большое количество внесенных изменений и дополнений, имеет ряд существенных недостатков, таких как: декларативность норм; отсутствие регламентации процедуры проведения оперативно-розыскных мероприятий; недостаточная регламентация контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью; неурегулированность правового статуса оперуполномоченного, руководителя оперативного подразделения и оперативно-розыскного органа, а также иных участников оперативно-розыскной деятельности. Очевидно, что подобные недостатки в правовом регулировании не способствуют эффективной защите личности, общества и государства от криминальных и иных угроз. В связи с этим в настоящее время представителями омской оперативно-розыскной научной школы на основании проведенных и проводимых исследований предлагаются значимые для теории и практики научные результаты. В частности, кодификация оперативно-розыскного законодательства и механизм оперативно-розыскного правоприменения; регламентация процедур проведения оперативно-розыскных мероприятий; правовой статус участников оперативно-розыскной деятельности; порядок осуществления прокурорского надзора и судебного контроля; правовой оперативно-розыскной глоссарий; оперативно-розыскное делопроизводство; принудительные меры обеспечения оперативно-розыскного производства; и т. д.

Единство подхода, не исключающего индивидуальности и самостоятельного взгляда на способы решения задач, заключается в преимуществах комплексного исследования правового регулирования, организации и тактики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по различным направлениям борьбы с преступностью. Идеи и предложения представителей омской оперативно-розыскной научной школы публикуются на стра-

ницах научных изданий, прежде всего, в журналах «Научный вестник Омской академии МВД России» и «Оперативно-розыскная деятельность» (гриф «секретно»), а также в сборниках, издаваемых по материалам ежегодной межведомственной научно-практической конференции «Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений» (гриф «секретно»).

Оперативно-розыскная наука неразрывно связана с учебным процессом, поэтому ведущие представители научной школы ОРД входят в учебно-методическую секцию по дисциплинам оперативно-розыскного профиля, объединяющую руководителей соответствующих кафедр образовательных организаций системы МВД России и призванную формировать основные подходы и направления преподавания оперативно-розыскных учебных дисциплин. Кроме того, в рамках научного обеспечения образовательного процесса коллективом научной школы в течение последних десяти лет подготовлены учебники по общей и особенной частям учебной дисциплины «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» (гриф «секретно»), которые регулярно переиздаются и пользуются большой популярностью среди курсантов и слушателей. Впервые в России был подготовлен открытый электронный учебник по ОРД, который имеет удобный интерфейс, возможность обнаружения нужного учебного материала при помощи интерактивного оглавления, а также обладает гиперссылками на правовые и научные источники. Отличительной особенностью данного учебника является то, что он в свободном доступе размещен в сети Интернет, что позволяет обучающимся обращаться к нему с любого мобильного устройства независимо от своего географического положения. Несомненным достижением представителей омской научной школы ОРД является разработка комплекта имитационно-обучающих компьютерных программ, позволяющих курсантам и слушателям на основе полученных теоретических знаний развивать навыки и умения в организации процесса раскрытия убийств, разбойных нападений, краж, а также розыска преступников, скрывшихся от следствия и суда. Данные учебно-методические электронные продукты отмечены как положительный опыт Омской академии МВД России и по решению Главного управления по работе с личным составом МВД России внедрены в учебный процесс всех ведомственных образовательных организаций.

Подводя итог, следует отметить, что формулу успеха долгого и плодотворного существования любой научной школы можно обозначить так: помнить и чтить достижения прошлого, развивать эти достижения и генерировать новые идеи в настоящем, прогнозировать их реализацию и развитие в будущем.

Воплощая данную формулу в жизнь, сохраняя тесную связь прошлого и будущего, теории и практики, науки и образования, омская научная школа ОРД

еще длительное время будет находиться в авангарде оперативно-розыскной науки и воспроизводить научные кадры.

Список источников

1. Буряков Е. В. Омская кузница кадров подразделений уголовного розыска // Оперативник (сыщик). 2010. № 2.
2. История кафедры ОРД ОВД Омской академии МВД России (1920–2007) : справочное пособие / сост. В. А. Литвинов; 2-е изд., перераб. и доп. Омск, 2008.
3. Водолазский Б. Ф., Вакутин Ю. А. Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» : учеб. пособие. Омск, 1979.
4. Вакутин Ю. А. Словарь жаргонных слов и выражений. Татуировки. Омск, 1979.
5. Вакутин Ю. А. Способы маскировки преступного поведения. Омск, 1982.
6. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации : монография : в 3 т. М., 2013. Т. 1 : Оперативно-розыскная деятельность и формирование науки о ней.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. М., 1961.
8. Фролов В. Ю., Нефедов Б. И., Митрофанов Е. А., Чечетин А. Е. Этический кодекс оперативного работника органов внутренних дел: инициативный авторский проект // Информационное и правовое обеспечение деятельности органов внутренних дел : межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1991. Ч. 2.
9. Фролов В. Ю. О понятии и содержании оперативно-розыскного процесса // Вопросы совершенствования оперативной работы органов внутренних дел: труды Омской высшей школы МВД СССР. Омск, 1976.
10. Вольдман Ю. Я. Об оперативно-розыском праве как отрасли советского права // Актуальные вопросы работы со спецаппаратом. Омск, 1981.
11. Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М., 2008.
12. Поляков М. П., Рыжов Р. С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт : монография. М., 2006.
13. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : научно-практический комментарий / под ред. профессора В. В. Николюка. Омск, 1996.

УДК 343.98

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-154-158

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Генезис криминалистической науки в Омской академии МВД России

Андрей Борисович Соколов

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики¹,

✉ Andrey.perm@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Статья посвящена исследованию становления и развития криминалистической науки в Омской академии МВД России. На основе обобщения опубликованных научных и учебных изданий как результатов научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава обосновывается вывод о наличии на кафедре криминалистики Омской академии МВД России коллектива исследователей с едиными теоретическими и методологическими подходами, осуществляющих разработку теоретических и прикладных проблем по направлению «Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений в досудебном уголовном производстве». Определены основные направления развития науки криминалистики в Омской академии МВД России.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая наука, научная школа, Омская академия МВД России, криминалистическое обеспечение, расследование и предупреждение преступлений

Для цитирования: Соколов А. Б. Генезис криминалистической науки в Омской академии МВД России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 154–158.

The Genesis of Science of Criminalistics at the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

Andrey B. Sokolov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, deputy-chief of the chair of Criminalistics¹,

✉ Andrey.perm@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article is devoted to the study of formation and development of science of Criminalistics at the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. On the basis of the summarizing of published scientific and educational issues as the results of research activities of the teaching staff, the conclusion is substantiated that at the chair of Criminalistics of the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs there is a team of researchers with common theoretical and methodological approaches, who carry out the development of theoretical and applied problems in the area of „Criminalistics support for detection and investigation of crimes in pre-trial criminal proceedings“. The main directions of development of the science of Criminalistics at the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs are defined.

Keywords: Criminalistics, science of Criminalistics, scientific school, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, criminalistics support, prevention and investigation of crimes

Citation: Sokolov A. B. The Genesis of Science of Criminalistics at the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 154–158 (In Russ.).

Криминалистика является прикладной юридической наукой, исследующей преступную деятельность, с одной стороны, и деятельность по раскрытию, расследованию, предупреждению преступлений — с другой. Актуальность криминалистических исследований обусловлена рядом объективных факторов, связанных с развитием преступности, науки и технологий, а также с потребностями правоохранительной практики. Развитие криминалистики

как науки обусловлено стремлением общества к повышению безопасности с учетом технологического прогресса и потребностью в более эффективных методах расследования отдельных видов и групп преступлений. Тенденции развития криминалистики на современном этапе находят свое отражение в содержании многочисленных рекомендаций по применению норм уголовно-процессуального права, что невозможно без эффективной организации про-

цесса проведения научных исследований, предполагающей интеграцию усилий ученых в достижении соответствующих результатов. Разделяем мнение А. В. Симоненко о том, что «в коллективе, образованном на основе общих исследовательских интересов, происходит концентрация научной мысли с целью реализации поставленных исследовательских задач» [1, с. 7]. Устойчивый характер деятельности такого коллектива, объединяющего способность ученых разрабатывать существующие и новые частные теории, концепции, доктрины, лежит в основе создания научной школы.

Становление и развитие любой науки, безусловно, является результатом деятельности ученых. Верно замечает Д. А. Степаненко, что начинающие исследователи впитывают, а затем транслируют основные постулаты научных руководителей, их научное мировоззрение и мировосприятие, организовывая свою научную деятельность, интуитивно присоединяя себя к единомышленникам своего наставника; и вряд ли задумываются, сложилась ли его научная школа, обладает ли коллектив, в котором работает научный руководитель всеми признаками научной школы [2, с. 10]. Вопросы формирования, развития и исследования научных школ в различных отраслях знания стали предметом изучения преимущественно во второй половине XX в. Достаточно вспомнить работы В. Б. Гасилова [3], О. Ю. Грезневой [4], А. П. Огурцова [5], Н. И. Родного [6], Н. Н. Семенова [7], К. О. Швабе [8], Г. Штейнера [9], написанные в период, когда не было общепринятого определения термина «научная школа» и его практического воплощения. Данный вопрос формулировался как проблемный. В настоящее время существует большое количество мнений ученых относительно понимания научной школы как таковой, ее сущности и содержания [10, с. 37–42; 11, с. 6–19; 12, с. 74–79; 13, с. 6–27; и др.]. Не ставя перед собой цели высказаться относительно указанных точек зрения, акцентируем внимание на становлении и развитии криминалистической науки в Омской академии МВД России.

В 1965 г. с образованием Омской высшей школы милиции МВД СССР (далее — ОВШМ) была создана кафедра криминалистики. Первым начальником кафедры стал кандидат юридических наук Владимир Петрович Бахин, предметом его научных интересов были проблемы общей теории криминалистики и следственной практики. В 1965 г. В. П. Бахин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Расследование хищений автотранспортных средств», а затем — докторскую диссертацию «Следственная практика: проблемы изучения и совершенствования». В середине семидесятых годов кафедра криминалистики стала пополняться сотрудниками практических органов внутренних дел, что имело большое значение

для преемственности реализуемых при проведении научных исследований подходов и формированию у исследователей общности взглядов.

В 1989 г. после защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук в Московской высшей школе милиции МВД СССР на тему «Расследование группового хулиганства» кафедру криминалистики ОВШМ возглавил Заслуженный юрист РФ, кандидат юридических наук, профессор Александр Александрович Кузнецов. Им были приняты активные меры, направленные на дальнейшее развитие науки криминалистики.

Определенные в работах профессора А. А. Кузнецова концептуальные подходы к пониманию и реализации методики расследования отдельных видов и групп преступлений послужили основой исследований, проводимых преподавательским составом кафедры криминалистики Омской академии МВД России и успешных защит диссертаций на соискание ученой степени кандидат юридических наук: А. Л. Мишуточкиным («Особенности расследования краж автотранспортных средств, совершаемых организованными преступными группами», 2000 г.); А. М. Сажаевым («Методика расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий», 2002 г.); К. В. Бугаевым («Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств», 2003 г.); М. М. Горшковым («Методика расследования истязаний», 2003 г.); П. Я. Мазуниным («Тактика использования предварительных специальных исследований в раскрытии и расследовании преступлений», 2003 г.); Л. Ю. Аксеновой («Методика расследования нападений, совершаемых на организации, осуществляющие денежные расчеты с населением», 2004 г.); В. А. Шепель («Расследование краж нефтепродуктов, совершаемых при их хранении и транспортировке», 2004 г.); Г. А. Лаврентьевой («Методика расследования коммерческого подкупа», 2005 г.); Д. В. Муленковым («Использование цифровых средств фиксации на стадиях досудебного производства», 2008 г.); А. Т. Бекбулатовой (Анешевой) («Первоначальный этап расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых несовершеннолетними», 2010 г.); А. Б. Соколовым («Расследование краж имущества граждан, совершаемых группами несовершеннолетних», 2011 г.); В. В. Омеляновичем («Расследование подделки, изготовления или сбыта поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков», 2011 г.); Л. С. Шеховцовой («Особенности расследования грабежей и разбоев, совершаемых в сельской местности», 2013 г.); А. Ю. Танковым («Раскрытие краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище», 2020 г.).

Говоря о становлении криминалистической науки в ОВШМ, отметим существенный вклад Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Якова Маркияновича Мазунина. Безусловная преемственность научных и методологических подходов отличает исследования, проведенные под его руководством, и успешные защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук: М. В. Бондаревой («Тактика розыска скрывшегося обвиняемого», 2002 г.); А. Н. Першиным («Использование специальных познаний в раскрытии и расследовании вымогательств», 2003 г.); А. Р. Сысенко («Использование специальных познаний при расследовании по горячим следам корыстных и корыстно-насильственных преступлений», 2003 г.); И. И. Алгазиным («Методика раскрытия и расследования краж сельскохозяйственных животных» (по материалам органов внутренних дел Сибирского федерального округа), 2006 г.); С. В. Пропастиным («Особенности взаимодействия следователя и оперативных подразделений исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы», 2006 г.); Н. В. Шепелем («Взаимодействие следователя с сотрудником экспертно-криминалистического подразделения при раскрытии и расследовании преступлений», 2006 г.); И. Ю. Кулеевой («Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет», 2011 г.); А. С. Кудрявицким («Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение судебного разбирательства дел о преступлениях, совершаемых организованными преступными сообществами», 2011 г.); Р. В. Черкасовым («Тактические комбинации получения и проверки показаний в ходе следственных действий по уголовным делам о преступной экономической деятельности», 2011 г.); М. Н. Филипповым («Расследование краж и мошенничеств, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов», 2012 г.); Н. И. Герасименко («Методика расследования неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения», 2016 г.); М. А. Бойко («Особенности расследования преступлений, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью», 2018 г.); А. Ю. Сафроновым («Расследование фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-розыскной деятельности», 2020 г.); В. А. Машлякевичем («Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи», 2024 г.).

Традиции, заложенные основателями криминалистической науки Омской академии МВД России, продолжены последующим поколением ученых.

Так, Я. М. Мазунин выступил научным консультантом по диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук А. Н. Першина («Документированная информация в криминалистике: теория и практика», 2016 г.). А. Н. Першиным разработана концепция реализации документирования информации в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

Под научным руководством А. А. Кузнецова и Я. М. Мазунина было сформировано поколение ученых, составивших ядро криминалистической науки Омской академии МВД России и воспитывающее других ее последователей. В настоящее время над диссертациями на соискание ученой степени кандидата юридических наук работают: Е. А. Еркалова «Расследование незаконной рубки лесных насаждений», А. С. Горденко «Первоначальный этап расследования неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации».

В 1993 г. омскими криминалистами (А. А. Кузнецов, А. П. Аленин, А. А. Бородич), в соавторстве, подготовлен учебник «Криминалистика», содержащий единый подход к преподаванию криминалистики как дисциплины в системе образовательных организаций МВД России. Аккумулируя опыт публикационной деятельности, а также современные знания криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предотвращения преступлений в досудебном уголовном производстве, в 2022 г. издательство «Юрайт» опубликовало учебник «Криминалистика (общие положения, техника, тактика)» со значительным участием ученых-криминалистов Омской академии МВД России (А. А. Кузнецов, Я. М. Мазунин, М. М. Горшков, А. Н. Першин, А. Б. Соколов, А. Р. Сысенко). Данный учебник был переиздан в 2024 г. («Криминалистика (общие положения, техника, тактика, технология)»). Имеется опыт международного сотрудничества, когда со значительным участием ученых-криминалистов Омской академии МВД России (М. М. Горшков, А. А. Кузнецов, А. Б. Соколов, М. В. Сырецкий, А. Р. Сысенко, А. Ю. Танков) в 2022 г. увидело свет учебно-практическое пособие «Отдельные виды осмотра и особенности их производства» (Республика Казахстан).

В связи с возрастающей цифровизацией общества, с одной стороны, и увеличивающимся числом зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий — с другой, произошла определенная трансформация и расширение основных идей ученых-криминалистов Омской академии МВД России. Так, в 2023 г. с учетом достижений науки криминалистики на основе изучения и анализа действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства преподавательским составом ка-

федры криминалистики (А. Б. Соколов, М. М. Горшков, А. А. Кузнецов, А. Т. Анешева, Д. М. Сафронов, К. С. Белова, Е. А. Тюлеева, Р. П. Щербина) под руководством кандидата юридических наук, доцента А. Б. Соколова было подготовлено и опубликовано учебное пособие «Организация расследования и тактика отдельных следственных действий по делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» [14], допущенное Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Основные результаты исследований по вопросам криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предотвращения преступлений в досудебном уголовном производстве профессорско-преподавательский состав кафедры на регулярной основе публикует в рецензируемых научных изданиях. Кроме того, по результатам ежегодных международных научно-практических конференций «Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности» и «Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий» формируются одноименные сборники, содержащие тезисы выступлений ученых-криминалистов образовательных организаций системы МВД, в том числе — Омской академии МВД России.

Кафедрой криминалистики формируется и издается один раз в два года сборник научных трудов «Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики» (всего издано 12 выпусков), который содержит большое количество научных статей, раскрывающих основные направления теории и практики криминалистической методологии, техники, тактики, организации и планирования, методики расследования отдельных видов и групп преступлений.

Особенность сформированного профессорско-преподавательским составом кафедры криминалистики взгляда на структуру дисциплины криминалистики, которая находит отражение в переизданном издательством «Юрайт» учебнике 2025 г. «Криминалистика (общие положения, техника, тактика, технология)» [15], позволяет определить основные направления развития науки криминалистики в Омской академии МВД России.

1. Методология криминалистики:

— развитие теоретических основ криминалистики: изучение предмета, системы, принципов, методов;

— разработка новых подходов к классификации и систематизации криминалистических знаний;

— исследование проблем теории доказывания в криминалистике.

2. Криминалистическая техника:

— разработка и совершенствование методов обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств;

— разработка рекомендаций по внедрению новых технологий и оборудования (например, современные средства визуализации, анализаторы следов) в деятельность по собиранию доказательств;

— развитие методик назначения и проведения судебных экспертиз (например, тканей, выделений человека, животного (ДНК-исследования), трасология, баллистика, компьютерная экспертиза и т. д.).

3. Криминалистическая тактика (технология):

— разработка организационно-тактической деятельности по организации и производству следственных действий;

— исследование психологических аспектов следственной деятельности.

4. Организация и планирование расследования отдельных видов и групп преступлений:

— разработка рекомендаций по внедрению новых технологий и оборудования по организации и планированию расследования отдельных видов и групп преступлений;

— совершенствование существующих методик планирования расследования отдельных видов и групп преступлений.

5. Криминалистическая методика:

— разработка новых и совершенствование существующих методик расследования отдельных видов и групп преступлений, в том числе совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;

— разработка методов выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений;

— разработка методов нейтрализации противодействия расследованию.

Таким образом, на кафедре криминалистики Омской академии МВД России успешно функционирует устойчивый коллектив ученых-исследователей с едиными теоретическими и методологическими подходами, осуществляющих разработку теоретических и прикладных проблем, имеющих многоуровневые связи, по направлению «Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений в досудебном уголовном производстве». Количественное увеличение проводимых исследований, их глубина свидетельствуют о продолжающемся интенсивном развитии научного потенциала профессорско-преподавательского состава кафедры криминалистики Омской академии МВД России и, как следствие, качественной подготовке научных кадров.

Список источников

1. Симоненко А. В. Научная криминалистическая школа: становление и развитие (на примере Краснодарского университета МВД России) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 4.
2. Степаненко Д. А. В. И. Шиканов — основоположник иркутской научной криминалистической школы. Вклад ученого в науку // Глагол правосудия. 2019. № 4.
3. Гасилов В. Б. Научная школа — феномен и исследовательская программа науковедения // Школы в науке / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М., 1977.
4. Грезнева О. Ю. Научные школы (педагогический аспект). М., 2003.
5. Огурцов А. П. Научная школа как форма кооперации ученых // Школы в науке / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М., 1977.
6. Родный Н. И. Научные школы // Природа. 1979. № 12.
7. Семенов Н. Н. Наука и общество. М., 1973.
8. Швабе К. О критериях руководителя научной школы // Школы в науке / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М., 1977.
9. Штейнер Г. Связь социальных и познавательных факторов в творческой деятельности научных школ // Школы в науке / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М., 1977.
10. Кванина В. В. Понятие и признаки научной школы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 11.
11. Еришова И. В. Научные школы: закон, доктрина, практика // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 11.
12. Акишина Е. О., Мартишина Н. И. Научная школа: сущность, статус, возможности регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 3(74).
13. Иванова С. В. Научная школа: цели, преимущества и риски институционализации // Ценности и смыслы. 2022. № 1.
14. Организация расследования и тактика отдельных следственных действий по делам о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : учеб. пособие / под общ. ред. канд. юрид. наук А. Б. Соколова. Омск, 2023.
15. Криминалистика (общие положения, техника, тактика, технология) : учебник для вузов / М. М. Горшков [и др.] ; под редакцией А. А. Кузнецова, Я. М. Мазунина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2025.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРАВОНАРУШАЮЩЕМУ ПОВЕДЕНИЮ COUNTERACTING DELINQUENT BEHAVIOUR

УДК 343.2/.7:342.9

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-159-164

5.1.4. Уголовно-правовые науки

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Выдворение, депортация и режим высылки как иные меры уголовно-правового характера

Максим Викторович Бавсун

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника (по научной работе)¹,

✉ kafedramvd@mail.ru

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

Динамика развития общественных отношений на современном этапе такова, что многие средства государственного принуждения в уголовно-правовой сфере перестали быть эффективными. Отсутствие должных изменений в системе наказаний при той же неопределенности в иных мерах уголовно-правового характера на фоне проблем в их взаимодействии делает уголовное законодательство в современных условиях в значительной степени архаичным. В то же время административно-правовое регулирование в сложившейся ситуации оказывается более чутким к новым угрозам, предлагая новые средства противодействия им, а также ужесточая правила применения ранее уже существующих и относительно успешно реализуемых мер. Оперативность принимаемых решений, их жесткость, эффективность и целесообразность соответствуют веяниям нового времени и той глубокой трансформации, которая происходит во всем мировом пространстве. Очевидно, что определенный потенциал в этом плане существует и в уголовно-правовой сфере, реализация которого представляется возможной посредством использования уже накопленного опыта в смежных отраслях права.

Ключевые слова: высылка, режим, депортация, выдворение, иные меры уголовно-правового характера, наказание, государственное принуждение

Для цитирования: Бавсун М. В. Выдворение, депортация и режим высылки как иные меры уголовно-правового характера // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 159–164.

Expulsion, Deportation and Exile Regime as other Measures of Criminal Law Character

Maksim V. Bavsun

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, deputy-chief (in Research Work)¹

✉ kafedramvd@mail.ru

¹ St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs (St. Petersburg, Russia)

The dynamics of development of social relations at the present stage is such that many means of state coercion in the sphere of criminal law have ceased to be effective. The lack of proper changes in the system of punishments with the same uncertainty in other measures of criminal law nature against the background of problems in their interaction makes criminal legislation in modern conditions largely archaic. At the same time, administrative law regulation in the current situation turns out to be more sensitive to new threats, offering new means of tackling them, as well as tightening the rules of application of previously existing and relatively successfully implemented measures. The rapidity of the decisions taken, their rigour, effectiveness and expediency are in line with the trends of the new times and the profound transformation that is taking place throughout the world. It is obvious that a certain potential in this regard exists in the criminal law sphere as well, the realization of which is viewed feasible through the use of already accumulated experience in related branches of law.

Keywords: exile, regime, deportation, expulsion, other measures of criminal law character, punishment, state coercion

Citation: Bavsun M. V. Expulsion, Deportation and Exile Regime as other Measures of Criminal Law Character. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 159–164 (In Russ.).

Согласно ст. 3.10 КоАП РФ под административным выдворением понимается принудительное и контролируемое перемещение иностранного гражданина или лица без гражданства через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, — контролируемый самостоятельный выезд иностранных граждан и лиц без гражданства из Российской Федерации. Основанием для применения столь жесткой меры государственного принуждения служит факт совершения иностранным гражданином или лицом без гражданства административного правонарушения, предусмотренного ст. ст. 6.8, 18.1, 18.2, 18.8, 18.10, 18.11, 18.17, 20.25 КоАП РФ и некоторыми другими статьями административного законодательства. В период проведения специальной военной операции количество таких статей в КоАП РФ лишь выросло, а сама мера стала применяться значительно чаще, чем это было ранее.

Близкой к выдворению, а по сути одной из его разновидностей, является депортация, основанием для применения которой выступает зафиксированный факт пребывания иностранного гражданина на территории Российской Федерации при отсутствии к тому законных оснований. Интересен при этом продемонстрированный законодателем подход к решению миграционной проблемы за счет включения в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹ ст. 9.1 «Режим высылки». Ее появление в правовом регулировании с 5 февраля 2025 г. представляет собой не что иное как дополнительный способ контроля граждан иностранных государств (лиц, внесенных в реестр и контролируемых), выдворение или депортация которых носит лишь вероятностный характер и в целом имеет превентивный характер.

Интерес в данном случае представляет то обстоятельство, что, по сути, крайне жесткие меры государственного принуждения (выдворение, депортация, а также высылка (несмотря на то что речь идет только о ее режиме)) по-прежнему остаются в сфере административно-правового регулирования. Более того, уголовное право и законодательство пока не задействованы совершенно, и это с учетом их наибольшей репрессивности по отношению к любой другой правовой отрасли. Уголовный кодекс Российской Федерации, даже в ситуации максимально быстрого и эффективного реагирования на вновь

возникающие угрозы, по-прежнему остается крайне консервативным в отношении любых нововведений в части совершенствования механизма принуждения. Сформировавшееся представление о наказании как единственной форме государственного осуждения лица, признанного виновным в совершении преступления, его порицании относительно содеянного, по всей видимости, не позволяет уголовному закону в должной мере воспринимать кардинально новые средства реагирования, в том числе превентивного характера. Так сложилось исторически, что это не позволяет законодателю каждый раз предлагать что-либо принципиально новое в части совершенствования средств воздействия на виновного, но при этом соответствующее происходящим событиям. Поэтому и высылка (несмотря на то что сейчас это не мера воздействия, а лишь режим) появляется в законопроекте, не имеющем никакого отношения к уголовно-правовой сфере.

Между тем, если вести речь о выдворении, не говоря уже о депортации, сложно рассуждать исключительно с позиции исторической обусловленности, накопленных традиций в условиях их правового регулирования в административно-правовом направлении. Скорее, наоборот, и высылка, и ссылка изначально подпадали под сферу уголовно-правового регулирования. Тем не менее как наказание, так и иные меры уголовно-правового характера сегодня остаются в стороне от происходящих процессов, отчасти сохраняя прежнюю форму (наказание), отчасти меняясь применительно к средствам иного воздействия, но хаотично и не в русле тех тенденций, которые задает административно-правовая сфера регулирования общественных отношений.

Важно признать, что административное законодательство в части правовой регламентации средств воздействия действует значительно более смело, если не агрессивно. В то же время предлагаемые им средства максимально соответствуют тем потребностям, которые постоянно возникают в условиях стремительно меняющейся картины мира. Новые угрозы не остаются без внимания, а противодействие им происходит с учетом их опасности для общества. Выбираемые меры, с одной стороны, могут показаться весьма жесткими, с другой стороны, они очень конкретны и целесообразны, так как направлены на достижение результата и преодоление наиболее острых, неожиданных и опасных тенденций в развитии общественных отношений. По большому счету, все три меры — выдворение, депортация, режим

¹ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

высылки — напрямую работают на предупреждение преступности, что, безусловно, требует соответствующего взаимодействия со сферой уголовно-правовой охраны, которого сегодня нет.

В связи с этим следует согласиться с позицией А. Н. Пирожникова, который отмечает, что «сфера административного права уже достаточно давно выполняет роль настоящего „полицейского“ в решении рассматриваемых вопросов. В то же время этой роли в последнее время становится недостаточно, в то время как уголовно-правовая отрасль по-прежнему остается максимально консервативной и архаичной, не позволяя принимать по-настоящему новаторских (актуальных не когда-то в отдаленном будущем, а на данный момент времени) решений, совершенно необходимых для настоящего прорыва в части предупреждения преступлений определенной направленности. В этом отношении межотраслевая дифференциация ответственности (двойная превенция) имеет крайне важное значение в выстраивании концепции предупреждения, в рамках которого появление иных мер уголовно-правового характера выполняет роль одного из краеугольных камней, позволяющих реализовать всю идею как общей, так и частной превенции преступлений рассматриваемой группы» [1, с. 105].

Полагаем, что жесткость демонстрируемого законодателем подхода не следует воспринимать как посягательство на демократические основы общества, возврат к его тоталитарным началам и идеям. Предлагаемые изменения нужно оценивать как необходимую защиту от внешних и внутренних угроз, способ сохранить государство, власть и национальную идентичность. Такой позитивный сдвиг в сознании крайне важен, а сами изменения должны сохраниться в уголовном законодательстве вне зависимости от трансформации геополитической ситуации в мире, поддерживая высокий потенциал уголовного законодательства на случай обратных процессов².

В современной правовой науке существует точка зрения, согласно которой меры государственного принуждения могут быть наделены двойным (или большим) статусом (например административно-правовым и уголовно-правовым [3, с. 234–236]), трансформация которого должна происходить в со-

ответствии с теми последствиями, которые следуют за практическим применением каждой из них, либо уголовно-правовой и уголовно-процессуальной принадлежностью, в зависимости от цели применения одной и той же меры и конкретных обстоятельств³. Более того, современная нормативная правовая база изобилует случаями подобного рода. В частности, это касается таких видов наказаний, как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (дисквалификация), различных видов ограничения личной свободы лица и некоторых других. Традиционными в таких случаях всегда являются вопросы, связанные с тем, за что применяется та или иная мера принуждения (правонарушение или преступление), а также то, в каком размере, объеме воздействия на виновного она будет реализована. При этом важно уйти от существующего догматизма в части принадлежности той или иной меры исключительно к административно-правовой, уголовно-процессуальной или уголовно-правовой сферам правового регулирования. Те же выдворение или депортация вполне могут быть использованы как в административном законодательстве, так и в уголовном. Это зависит от того, за какие именно деяния данные меры могут применяться и насколько они при этом будут эффективны в решении задачи предупреждения преступности. С учетом степени общественной опасности совершаемых преступлений, особенно их характера, определяемого в том числе объектом уголовно-правовой охраны, многие посягательства сегодня требуют наказаний иного порядка, чем это предусмотрено ст. 44 УК РФ.

По всей видимости, в данном случае необходимо вести речь именно о таком способе правового регулирования средств государственного принуждения. Несмотря на их изначально административно-правовое происхождение, тем не менее использование выдворения, депортации или режима высылки в том или ином виде, с учетом их сочетания с административным законодательством, в уголовном праве представляется вполне возможным и необходимым. Полагаю, подобное способно стать реальностью при соблюдении лишь нескольких обязательных условий, относящихся именно к решению вопросов так называемого двойного статуса или назначения.

² По этому поводу важную мысль высказывает В. Е. Квашиш, указывающий, что культура противодействия преступности предполагает «опережающий характер этой деятельности». И далее: «Само по себе правовое мышление, как известно, консервативно; оно направлено на выполнение задач по поводу прошлого». В то же время ученый отмечает, что объективно она должна быть направлена в будущее: «Оценка ситуации в условиях текущего момента „завтра“ может оказаться ошибочной, т. к. ситуация в этой сфере крайне изменчива...» [2, с. 24].

³ Например, К. В. Муравьев указывает на необходимость таких мер уголовно-правового воздействия иного характера, имеющих при этом уголовно-процессуальную правовую природу, как: задержание, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, а также принудительное помещение в медицинскую организацию для производства стационарной судебной экспертизы. Безусловно, современная доктрина способна предложить что-либо некарательного свойства именно для предупреждения преступлений, посягающих на интересы государства [4, с. 84–85].

Во-первых, в рамках уголовно-правовой охраны даже при учете универсализма используемых средств важен как их статус (наказание или иные меры уголовно-правового характера), так и отдельные, присущие данному средству, критерии именно такого статуса. Например, реализация средства, наполненного уголовно-правовым содержанием, должна полностью исключать возможность повторного возвращения на территорию Российской Федерации. По сути, это исключительная мера воздействия для лиц, совершивших преступления той группы, которую определит законодатель⁴. Она заключается в полном устранении возможности оказания непосредственного влияния на сознание людей, пребывающих внутри страны, использовании при этом всех доступных ресурсов — от организационных до технических.

Во-вторых, применение исследуемых средств должно происходить только в случаях совершения преступлений строго определенной направленности, например посягательства на основы конституционного строя и безопасности государства, экстремистской направленности и т. д. Речь должна идти о той стороне общественной опасности, исключение которой становится возможным лишь при реализации функции изоляции виновного⁵. Сама репрессия при этом тоже необходима, а выдворение или депортация способны выступить в качестве дополнительного наказания⁶ либо иной меры уголовно-правового характера. Однако это не исключает так называемого двойного использования данного средства государственного принуждения как в административном законодательстве, так и в уголовном: в одном случае — в качестве наказания за определенные категории правонарушений (выдворение) либо за сам факт нарушения правил пребывания в стране (депортация), а в другом — в качестве иного воздействия, дополняющего наказание.

По всей видимости, несколько иное явление представляет собой режим высылки, появившийся в сфере правового регулирования общественных отношений лишь в 2025 г. Правоограничения, установленные законодателем в рамках данного института, больше напоминают обязанности, которые обычно применяются к лицам условно-досрочно освобожденным от дальнейшего отбывания наказания или к условно осужденным (п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ, ч. 5 ст. 73 УК РФ).

В частности, в ч. 5 ст. 9.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан

в Российской Федерации» устанавливаются обязанности лица: явиться в установленный срок к должностному лицу органа внутренних дел в случае вручения (направления) ему предписания о явке; своевременно исполнять требования, соблюдать запреты и ограничения, установленные настоящей статьей; информировать территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел о своем местонахождении; сообщить о возникновении обстоятельств, препятствующих своевременному самостоятельному выезду из Российской Федерации; о смене места пребывания без разрешения территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в случае наступления обстоятельств непреодолимой силы; о дате, месте и маршруте планируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации. Это меры, которые и при отсутствии столь детальной проработки в законе могли бы быть назначены судом, например при условном осуждении виновного. В данном случае выражена позиция законодателя, согласно которой происходит детализация средств воздействия в отношении мигрантов, вошедших в реестр контролируемых лиц.

Так или иначе административно-правовая мера в виде режима высылки содержит средства — воздействия на виновного (а в большей степени средства контроля), которые в полной мере могут быть использованы и в уголовном законодательстве. Причем их использование может происходить применительно к различным группам преступных посягательств, предупреждение которых становится возможным именно посредством реализации ограничений подобного рода. Они часто оказываются наиболее выигрышными по отношению к наказанию, особенно если рассуждать с позиции их видов, установленных в ст. 44 УК РФ. При отсутствии возможности достижения того уровня репрессивности, который позволил бы обеспечить либо устрашение, либо физическую невозможность повторения таких же или подобного рода действий, на первые роли неизбежно начинают выходить меры ограничительного и контролирующего характера. И здесь как выдворение и депортация, так и режим высылки вполне могут быть интегрированы в систему средств уголовно-правового характера. Это является возможным даже при условии сохранения административно-правовой природы происхождения перечисленных средств государственного принуждения. Главное в данном случае — это

⁴ Как исключительную меру уголовно-правового характера рассматривают конфискацию имущества (об этом см.: [5, с. 23–25]).

⁵ Об этом более подробно см.: [6, с. 38–49].

⁶ В современной юридической литературе содержится весьма аргументированная позиция, в частности, относительно использования высылки из страны в качестве наказания (см., напр.: [7, с. 178]).

даже не решение вопроса их интеграции в систему средств уголовно-правового принуждения, а возможность корректности одновременного использования в различных правовых отраслях.

Принципиально важным является определение того, за совершение каких деяний одни и те же средства принуждения будут применяться в административном и уголовном законодательстве. Традиционен для таких случаев вопрос относительно объема воздействия тождественных средств, используемых в различных отраслях права. Это также и вопрос дополнительных условий, которые для уголовного права могут быть более жесткими, дополнительными и безальтернативными. Так, А. Н. Пирожников указывает, что, например, высылка в рамках уголовно-правовых отношений может применяться с дополнительным условием в виде пожизненного лишения права посещать территорию Российской Федерации [1, с. 110]. И. В. Дворянсков и М. Н. Урда предлагают, чтобы выдворение за пределы Российской Федерации в уголовном законе могло применяться только в сочетании с наказанием в виде лишения свободы на определенный срок [8, с. 137–144]. По сути, это могут быть любые другие условия в сторону ужесточения каждой из мер, именно этим отличающихся от средств административно-правового характера. Таким образом, не вторгаясь в правовую природу каждого из исследуемых средств воздействия, можно найти как точки их соприкосновения, так и различительные черты.

Никто в данном случае не ведет речь об обязательности включения в УК РФ выдворения, депортации и тем более режима высылки. Нет смысла говорить и об их тождественности даже в наименованиях каждого средства. Важна реализация самого принципа, заложенного в данных мерах, их

жесткости и адекватности тем процессам, которые характерны сегодня для современной преступности и ее тенденций. Несмотря на предлагаемый статус, они, безусловно, ужесточат уже существующий подход, сформированный в части государственного принуждения к лицам, признанным виновными в совершении посягательств различных групп, в зависимости от возможности при помощи этих мер решать задачу предупреждения преступлений [9, с. 117–119].

Эффективность, целесообразность, результативность предлагаемых средств противодействия должны выступить в качестве основного критерия их появления в уголовном законодательстве. Именно способность к опережающему воздействию на преступность должна оказывать решающее влияние на принятие решения государством о включении того или иного средства в отечественный Уголовный кодекс. В этом и заключается идея общего предупреждения преступности, согласно которой у государства имеется возможность «демонстрации имеющихся в арсенале средств еще до факта совершенного преступления и, в отличие от непосредственной реализации мер принуждения, направлено на недопущение самого факта преступной деятельности, а не на устранение его последствий» [4, с. 59].

Иными словами, уголовно-правовое воздействие должно осуществляться еще до момента возникновения отношения по поводу уже совершенного лицом преступления. С учетом того, что данные меры выступают в качестве средств обеспечения национальной безопасности [10, с. 138–159], их применение в рамках уголовного законодательства в любом статусе — это лишь вопрос политической воли и технико-юридического оформления.

Список источников

1. Пирожников А. Н. Иные меры уголовно-правового характера, связанные с ограничениями прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2024.
2. Квашиш В. Е. К проблеме культуры противодействия преступности // Уголовная политика и культура противодействия преступности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2016.
3. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
4. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017.
5. Бавсун М. В., Николаев К. Д., Самойлова С. Ю. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве. М., 2016.
6. Паукова Ю. В. К вопросу об основаниях применения административного выдворения, депортации и реадмиссии иностранных граждан // Административное право и практика администрирования. 2022. № 2.
7. Хван Т. С. Высылка за пределы Российской Федерации как вид уголовного наказания: перспективы возможного применения // Государственная служба и кадры. 2019. № 3.

8. *Дворянсков И. В., Урда М. Н.* Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации: к вопросу о перспективах законодательного определения в Уголовном кодексе Российской Федерации // Вестник Юго-Западного государственного университета. Сер. История и право. 2018. Т. 8, № 4.

9. *Бавсун М. В.* Расширение пределов уголовно-правового воздействия как необходимое условие повышения его реализации // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти проф. С. Ф. Кравцова) : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2016. Ч. 1.

10. *Амельчаков И. Ф., Катаева О. В.* Высылка иностранного гражданина как ограничение его права на свободу передвижения и как способ обеспечения национальной безопасности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3.

УДК 340:343

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-165-170

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Новеллы в законодательстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого)

Виктор Николаевич Борков

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права¹, ✉ borkovv@mail.ru

Борис Борисович Булатов

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса¹, ✉ bulatov_oma@mail.ru

Антон Васильевич Павлов

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса¹, ✉ pavlov_oma@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Федеральным законом от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ограничено применение меры пресечения в виде заключения под стражу к лицам, подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступлений ненасильственного характера, а также в отношении определенной категории лиц. Новеллы авторами позиционируются в качестве условий заключения под стражу, разграничиваются с основаниями, предусмотренными в ст. ст. 97, 99 УПК РФ. Интерпретировано значение при избрании данной меры процессуального принуждения факта совершения деяния с применением насилия или угрозы его применения в зависимости от категории преступлений.

Ключевые слова: подозреваемый (обвиняемый), заключение под стражу, применение насилия, угроза, основания, условия

Для цитирования: Борков В. Н., Булатов Б. Б., Павлов А. В. Новеллы в законодательстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 165–170.

Novelties in the Legislation on Choosing a Preventive Measure in the form of Custodial Placement of a Suspect (Accused)

Viktor N. Borkov

Doctor of Science (in Law), Professor, chief of the chair of Criminal Law¹, ✉ borkovv@mail.ru

Boris B. Bulatov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹,
✉ bulatov_oma@mail.ru

Anton V. Pavlov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Criminal Procedure¹, ✉ pavlov_oma@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Federal Act No. 13-FZ of 28 February 2025 'On Amendments to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation' restricts the application of a preventive measure in the form of custodial placement to persons suspected (accused) of committing crimes of a non-violent nature, as well as in respect of a certain category of persons. The authors position the novelties as conditions for custodial placement, distinguish them from the grounds provided for in Articles 97, 99 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The paper interprets the definition of the fact of committing an act with the use of violence or threat of its use due to the category of crimes in selecting this measure of procedural coercion.

Keywords: suspect (accused), custodial placement, use of violence or threat of its use, grounds, conditions

Citation: Borkov V. N., Bulatov B. B., Pavlov A. V. Novelties in the Legislation on Choosing a Preventive Measure in the form of Custodial Placement of a Suspect (Accused). *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 165–170 (In Russ.).

Заключение под стражу является наиболее строгой мерой пресечения, применение которой в существенной степени ограничивает конституционные права граждан на свободу и личную неприкосновен-

ность. Законодателем принимаются активные меры, направленные на дифференциацию ее процессуальной формы в зависимости от категории преступлений и лиц, их совершивших. Об этом свидетельству-

ют изменения, перманентно вносимые в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ). Так, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение¹; с двух до трех лет увеличено ограничение на применение данной меры пресечения²; предусмотрены дополнительные гарантии в отношении индивидуальных предпринимателей в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности³.

В русле данной тенденции принят Федеральный закон от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Дополнения разработаны во исполнение п. 17 перечня поручений Президента Российской Федерации от 12 января 2023 г. № Пр-19 и направлены на гуманизацию законодательства путем ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу к лицам, подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступлений ненасильного характера, а также к отдельным категориям лиц, в том числе страдающим тяжелыми заболеваниями. При этом исключено условие, согласно которому заключение под стражу применяется в отношении подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет.

В теории уголовного процесса высказывалась позиция о необходимости ограничения заключения под стражу тяжкими и особо тяжкими преступлениями в целях сокращения частоты избираемой меры пресечения, обеспечения соразмерности наказания с мерами пресечения [1]. В пояснительной записке обращено внимание на то, что до настоящего времени законодательство Российской Федерации не возлагало на суд обязанность при решении вопроса об избрании меры пресечения учитывать, связано ли

преступление, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, с применением насилия или угрозой его применения. Между тем, как показало изучение правоприменительной практики, в 2022 г. судами удовлетворено 55 196 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не связанных с применением насилия или угрозой его применения, из которых 2593 лица (5%) обвинялись в совершении преступлений небольшой тяжести, 14 861 лицо (27%) — в совершении преступлений средней тяжести, а 37 742 лица (68%) — в совершении тяжких и особо тяжких преступлений⁴.

Заключение под стражу в качестве меры пресечения к беременной женщине, женщине, имеющей малолетнего ребенка⁵, мужчине, являющемуся единственным родителем малолетнего ребенка, усыновителю или опекуну малолетнего ребенка, единственному родителю, усыновителю, опекуну или попечителю ребенка-инвалида может быть применено в случае, если они подозреваются или обвиняются в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении указанных лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения.

Изменения предусматривают, что мера пресечения в виде заключения под стражу не может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в случае, если он страдает тяжелым заболеванием, которое включено в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, утвержденный Правительством Российской Федерации, и наличие которого подтверждено медицинскими документами⁶. Обращение к ч. 1¹ ст. 110 УПК РФ и к содержанию постановления Правительства Российской Фе-

¹ О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: федеральный закон от 8 января 2003 г. № 161-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативно-правовым актам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в статью 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 30 января 2012 г. № 309-ФЗ.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ.

⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями».

⁵ По этой категории уголовных дел удовлетворено 1379 ходатайств о заключении под стражу женщин, имеющих малолетних детей (2%).

⁶ По этой категории уголовных дел удовлетворено 224 ходатайства о заключении под стражу лиц, в отношении которых установлена инвалидность I или II группы (0,4%).

дерации от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» (далее — Постановление Правительства РФ) не позволяло сделать однозначный вывод о правовом значении заболевания на момент принятия решения о заключении обвиняемого под стражу. Реализация данной новеллы требует определенных разъяснений. Во-первых, возлагается ли на органы предварительного расследования обязанность по доказыванию наличия или отсутствия заболеваний? Считаем, что следовательно, при наличии оснований полагать, что подозреваемый (обвиняемый), возможно, имеет тяжелое заболевание, должен принять меры, направленные на выяснение данного обстоятельства (направить запросы в медицинские учреждения). Сведениями, указывающими на их наличие, могут выступать показания участников уголовного процесса, результаты иных следственных (процессуальных) действий, ходатайства стороны защиты.

Во-вторых, неясен статус медицинских документов, необходимых для констатации тяжелого заболевания. Изменение заключения под стражу на более мягкую меру пресечения осуществляется на основании медицинского заключения, вынесенного по результатам медицинского освидетельствования подозреваемого (обвиняемого) (ч. 1¹ ст. 110 УПК РФ). В Постановлении Правительства РФ утверждены: Правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений (далее — Правила); Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений (далее — Перечень заболеваний); форма медицинского заключения о наличии (отсутствии) тяжелого заболевания, включенного в Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений⁷. В Правилах подробно определен порядок медицинского освидетельствования, в частности: необходимые документы о направлении на медицинское освидетельствование, его виды и сроки, субъекты, принимающие решение, порядок деятельности врачебной комиссии и порядок обжалования решения [2].

Возможность и потребность проведения медицинского освидетельствования подозреваемого (обвиняемого) на момент избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу нами ставится под сомнение. Во-первых, законодатель в ч. 2¹ ст. 108 УПК РФ отсылает лишь к Перечню заболеваний, но не к порядку освидетельствования.

Кроме того, отмечено, что заболевание должно быть подтверждено медицинскими документами, в числе которых может быть не только медицинское заключение. Во-вторых, в отличие от процедуры отмены или изменения меры пресечения, у органов расследования и суда возникает дефицит времени. Медицинское освидетельствование проводится в течение пяти рабочих дней со дня поступления в медицинскую организацию направления на медицинское освидетельствование с вынесением медицинского заключения по утвержденной форме, а при проведении дополнительного исследования — до тридцати рабочих дней. Не исключены ситуации, в которых ввиду недостаточных данных не будет констатировано наличие заболевания, но при этом могут быть выявлены предпосылки для проведения освидетельствования. Данная процедура в дальнейшем будет реализована в порядке, предусмотренном в ч. 1¹ ст. 110 УПК РФ.

Определенные сомнения вызывает достаточность для принятия данного решения представленной стороной защиты справки из медицинского учреждения о наличии тяжелого заболевания. Медицинские документы должны быть проверены и оценены в порядке, предусмотренном ст. ст. 87, 88 УПК РФ, и, возможно, в совокупности с иными сведениями положены в основу процессуального решения. Кроме того, сторона защиты вправе представить соответствующие медицинские документы непосредственно в судебное заседание, на котором будет рассматриваться ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В этих случаях суд по ходатайству одной из сторон вправе продлить срок задержания на срок не более 72 часов.

Законодатель выделил определенные группы сведений (о применении насилия или угрозы его применения; о личности подозреваемого (обвиняемого)), которым придал значение условий избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Ранее данные сведения учитывались при формировании оснований принятия процессуального решения.

Вопрос относительно оснований и условий заключения под стражу является одним из дискуссионных [3]. Проблемными являются как соотношение данных категорий, так и предмет, и пределы обстоятельств, которые указывают на возможность избрания самой строгой меры пресечения. По мнению одних авторов, данные понятия тождественны [4, с. 452]. Мы разграничиваем эти понятия в силу их различного правового значения. Это позволяет уви-

⁷ О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений : постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3.

деть многоаспектность обеспечения правомерности применения принуждения.

Термин «условия» означает обстоятельство, от которого что-либо зависит, выражает обуславливающее ограничение. Термин же «основание» употребляется наряду с термином «причина» для обозначения явления, вызывающего возникновение другого явления [5, с. 463]. Этот источник изменения находится внутри системы. Условие — это внешнее обстоятельство, которое усиливает или тормозит действие этой причины [6, с. 43]. Условия сами по себе не могут породить требуемое следствие [7, с. 16]. В отличие от причины, непосредственно порождающей то или иное явление или процесс, условие составляет ту среду, обстановку, в которой последнее возникает, существует и развивается [8, с. 497].

Основания всегда индивидуальны, обусловлены обстоятельствами конкретного уголовного дела, определяются на основе внутреннего убеждения субъекта оценки. По этой причине ставится под сомнение отнесение обстоятельств, изложенных в ст. 99 УПК РФ, на основе их оценки к специальным условиям избрания домашнего ареста [3]. Условия строго определены в законе, они неизменны и всегда учитываются при принятии решения. Условия ограничивают возможность наступления какого-либо действия. Если основания, будучи фактической предпосылкой принудительного воздействия, характеризуют его с точки зрения обоснованности, то условия как совокупность определенных требований юридического свойства служат выражением законности применяемого принуждения [9, с. 40]. Наличие оснований порождает потребность заключения под стражу; условия как внешние факторы, закрепленные в законе, ограничивают возможность принятия данного решения определенными требованиями, обеспечивая его правомерность. Условиями являются такие обстоятельства, от наличия или отсутствия которых зависит принципиальная возможность применения к подозреваемому (обвиняемому) мер принудительного воздействия [10].

Подобные рассуждения выступают в качестве дополнительного аргумента в пользу того, что положения, предусмотренные в ст. 99 УПК РФ, следует отнести к основаниям избрания меры пресечения (тяжесть преступления, его совершение с применением насилия либо с угрозой его применения, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и др.). Данные обстоятельства

полежат оценке, результаты которой могут свидетельствовать о наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. Так, закон в ч. 1 ст. 110 УПК РФ прямо указывает, что мера пресечения может быть отменена или изменена на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные ст. ст. 97 и 99 УПК РФ.

При совершении преступления средней тяжести применение насилия либо угроза его применения выступают в качестве обязательного условия избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1 ст. 108 УПК РФ), в остальных случаях оно учитывается как элемент оснований принятия данного решения (ст. 99 УПК РФ). В первом случае ненасильственный характер посяательства исключает заключение под стражу, во втором — при совершении тяжких и особо тяжких преступлений — значение примененного насилия или его угрозы будет зависеть от усмотрения правоприменителя. Между тем и сам факт применения насилия при совершении преступления средней тяжести не предопределяет заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу.

Трансформация элемента уголовно-правовой характеристики в виде насилия либо угрозы его применения в разряд условий фактически исключает усмотрение следователя. Данный подход не лишен недостатков. В определенной мере избранная законодателем императивность сглаживается благодаря введению исключений из общих требований (п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Тем не менее система данных дозволений не оптимальна и не учитывает всех аспектов, которые могут обусловить постановку вопроса о мере пресечения, предусмотренной ст. 108 УПК РФ. В частности, подозреваемый может иметь непогашенную судимость и вновь совершить преступление, или ранее он скрывался от органов предварительного следствия. Согласно пояснительной записке внесение изменений в уголовно-процессуальный закон имело целью «способствовать исключению случаев содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, когда они не препятствуют предварительному расследованию и рассмотрению уголовного дела и не занимают иной противоправной деятельностью»⁸. Но при этом необходимо также учитывать, что предлагаемое регулирование исключает возможность заключения под стражу даже в тех случаях, когда подозреваемые

⁸ Проект Федерального закона № 381316-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.06.2023).

или обвиняемые продолжают преступную деятельность, препятствуют производству по уголовному делу, а цели уголовного преследования не могут быть достигнуты применением иной меры пресечения. Тем самым общий запрет применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, совершивших преступления средней тяжести ненасильственного характера и небольшой тяжести, при отсутствии исключительных обстоятельств создает предпосылки к возникновению угроз безопасности. В связи с этим перечень случаев, который предусмотрен п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, требуется уточнить.

Законодатель ограничил круг преступлений, обвинение в совершении которых допускает заключение под стражу в качестве меры пресечения. Изменения произошли на уровне посягательств средней тяжести, наказание за совершение которых предусмотрено в виде лишения свободы на срок свыше трех лет (ч. 3 ст. 15 УК РФ). Допустив возможность применения ареста только к обвиняемым в преступлении «средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения», законодатель, помимо уточнения направленности посягательств, исключил возможность использования данной меры при неосторожных преступлениях указанной категории. Санкция за совершение неосторожных преступлений средней тяжести может достигать десяти лет лишения свободы. К таковым относятся, например, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 5 ст. 264 УК РФ), а также повлекшая смерть двух и более лиц халатность (ч. 3 ст. 293 УК РФ). Ранее действующая редакция арест в таких случаях не исключала.

Признание арестными только умышленных преступлений средней тяжести вытекает из определения в ч. 1 ст. 108 УПК РФ особого способа их совершения: «с применением насилия или угрозой его применения». Этот и любой другой способ избирается субъектом для достижения преступного результата и свидетельствует о желании наступления общественно опасных последствий, т. е. об умышленной форме вины. Даже с учетом расширительной трактовки понятия «преступление, совершенное с применением насилия» и отнесения к таковым не только посягательств, в которых насилие применяется, например, для облегчения хищения, причинения вреда общественному порядку, нормальному функционированию государства или порядку управления, а и случаев, когда преступное намерение самим по себе насилием и ограничивается, арестными в смысле ч. 1 ст. 108 УПК РФ в границах средней тяжести остаются только умышленные преступления. Так, объективная сторона причинения смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 109 УК РФ) может выражаться

в насильственных действиях, например, нанесении удара в голову, но за данное преступление предусмотрено наказание до двух лет лишения свободы.

С учетом внесенных изменений арест при отсутствии исключительных обстоятельств (п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ) не может быть применен, например, к лицам, обвиняемым в совершении групповой и карманной кражи (пп. «а» и «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ), вымогательства под угрозой уничтожения имущества или распространения позорящих сведений (ч. 1 ст. 163 УК РФ), нецелевого расходования бюджетных средств в особо крупном размере (п. «б» ч. 2 ст. 285¹ УК РФ), посредничества во взяточничестве (ч. 1 ст. 291¹ УК РФ), фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ).

Комментируемым законом ст. 108 УПК РФ дополнена ч. 1², содержащей перечень норм, предусматривающих ответственность за ненасильственные преступления средней тяжести, обвинение в совершении которых может сопровождаться заключением под стражу. Публичные призывы к террористической (ч. 1 ст. 205² УК РФ), экстремистской деятельности (ч. 1 ст. 280 УК РФ), деятельности, направленной против безопасности РФ (ч. 1 ст. 280⁴ УК РФ), распространение фейков (ч. 207³ УК РФ) и дискредитация Вооруженный Сил и других государственных органов (ч. 1 ст. 280³ УК РФ), должностное превышение (ч. 1 ст. 286 УК РФ), незаконный оборот оружия и взрывчатых веществ и другие преступления, указанные в ч. 1² ст. 108 УПК РФ, не имея насилия в качестве признака объективной стороны, обладают разрушительным потенциалом, создают угрозу и иницируют посягательства на жизнь и здоровье граждан.

В части 1² ст. 108 УПК РФ перечислены и нормы о ненасильственных преступлениях небольшой тяжести, допускающих арест при наличии таких исключительных обстоятельств, когда у лица отсутствует место жительства или место пребывания на территории Российской Федерации, его личность не установлена, им нарушена ранее избранная мера пресечения, он скрылся от органов следствия и суда. Допускающие арест при наличии указанных условий преступления посягают на антитеррористическую, экологическую и информационную безопасность, а также на защищенность государства в сфере охраны сведений, составляющих государственную тайну. Внесенные изменения породили ситуацию, при которой, например, участнику групповой кражи (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ) или мошенничества (ч. 2 ст. 159 УК РФ), не имеющему постоянного места жительства и (или) скрывшемуся от следствия, меру пресечения в виде заключения под стражу избрать нельзя, а лицу, осуществившему неправомерный доступ к компьютерной информа-

ции (ч. 1 ст. 272 УК РФ), — можно. Мы для себя это объясняем ростом количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, и обусловленным рядом характеризующих такой способ свойств повышением их общественной опасности. Между тем возникают сомнения относительно того, что лицо, осуществившее неправомерный доступ к компьютерной информации, с большей вероятностью, чем вор или мошенник, скроется от предварительного расследования, продолжит заниматься преступной деятельностью, будет угрожать свидетелям.

В заключение следует отметить, что законодатель не только предпринимает активные шаги по поиску альтернативных заключению под стражу мер пресечения, но и оптимизирует его правовое регулирование. Внесенные Федеральным законом от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ изменения и дополнения

в УПК РФ рассматриваются в качестве новых условий для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Новеллы предполагают при избрании меры пресечения более внимательное отношение не только к категории, но и к виду преступления, в совершении которого лицо обвиняется или подозревается. По логике законодателя, вероятность противодействия следствию со стороны лиц, склонных к насильственным посягательствам, а также преступлениям против безопасности общества и государства, выше, чем со стороны предпринимателей, совершивших экономические преступления. С подобным подходом сложно безоговорочно согласиться. Поэтому и в законе предусмотрены «исключительные случаи», которые позволят в определенной мере учитывать особенности конкретных подозреваемого или обвиняемого при избрании им меры пресечения.

Список источников

1. Андроник Н. А. Избрание заключения под стражу необходимо ограничить тяжкими и особо тяжкими преступлениями // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2022.
2. Булатов Б. Б., Николук В. В. Медицинское освидетельствование обвиняемого для установления заболевания, препятствующего содержанию его под стражей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 7.
3. Горбатов И. М. К вопросу оснований и условий избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2022. № 4.
4. *Философский энциклопедический словарь*. М., 1989.
5. *Толковый словарь русского языка* / сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 2005.
6. Корнеев О. А. Институт реабилитации в уголовно-процессуальном праве России : монография. Челябинск, 2005.
7. Ткачева Н. В. Теория и практика мер пресечения, не связанных с заключением под стражу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003.
8. *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. М., 1987.
9. Кудин Ф. М. Подозрение как условие применения мер процессуального принуждения // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования : сб. науч. ст. Волгоград, 1987.
10. Ксендзов Ю. Ю. Общие и специальные условия избрания мер пресечения // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты : мат-лы VII всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2021.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-171-178

5.1.4. Уголовно-правовые науки

«Пенитенциарный арест» осужденного: квазимера пресечения или самостоятельная мера обеспечения исполнения приговора

Вячеслав Владимирович Николюк

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник¹,

✉ nvv56@mail.ru

¹ Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
(Москва, Россия)

В статье проводится сравнительный анализ меры пресечения в виде заключения под стражу, избираемой в отношении обвиняемого (подозреваемого) или осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания. Приводятся статистические данные, указывающие на увеличение за последние 5 лет более чем в два раза количества осужденных, заключенных под стражу в соответствии с п. 18 ст. 397 УПК РФ. В связи с этим отмечается актуальность научно-методического сопровождения правоприменительной практики в части ареста осужденных. В частности, необходимы научные рекомендации о разграничении задержания и заключения под стражу осужденного, а также четкая дифференциация и размежевание института мер пресечения и ареста осужденного. Подчеркивается, что проблемы, возникающие при применении пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, целесообразно разрешать с позиций положений Концепции уголовно-процессуального принуждения при исполнении приговора. Специально выделены вопросы, касающиеся коллизий и конкуренции норм УПК РФ и УИК РФ, входящих в нормативную основу заключения под стражу осужденного, показан потенциал межотраслевого сравнительного метода исследования, который вполне реализуем в отношении обоих видов ареста.

Ключевые слова: арест, заключение под стражу, задержание, осужденный, замена наказания, уклонение от наказания, суд

Для цитирования: Николюк В. В. «Пенитенциарный арест» осужденного: квазимера пресечения или самостоятельная мера обеспечения исполнения приговора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 171–178.

„Penitentiary Arrest“ of a Convicted Person: a Quasi-Prevention Measure or an Independent Measure to Enforce a Sentence

Viacheslav V. Nikoliuk

Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Chief Researcher¹,

✉ nvv56@mail.ru

¹ All-Russian Science and Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The article provides a comparative analysis of the preventive measure in the form of custodial placement, elected for the accused (suspect) or convicted person who maliciously evades serving the sentence. The author shows statistical data indicating that over the past 5 years the number of convicted persons taken in custody in accordance with paragraph 18 of Art. 397 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation have more than doubled. In this regard, the relevance of scientific and methodological support of law enforcement practice concerning the arrest of convicted persons is noted. In particular, it is necessary to make scientific recommendations on distinguishing between detention and custodial placement of a convicted person, as well as a clear differentiation and separation of the institution of preventive measures and arrest of a convicted person. It is emphasized that the problems arising in the application of paragraphs 18 and 18¹ of Art. 397 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation should be resolved from the perspective of the provisions of the Conception of criminal procedural coercion related to execution of a sentence. The emphasis is made on the issues concerning the conflicts and competition of the norms of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, which are part of the normative basis for the custodial placement of a convicted person; the potential of the inter-branch comparative method of research, which is quite realizable in relation to both types of arrest, is shown.

Keywords: arrest, custodial placement, detention, convict, substitution of punishment, evasion from punishment, trial

Citation: Nikoliuk V. V., "Penitentiary Arrest" of a Convicted Person: a Quasi-Prevention Measure or an Independent Measure to Enforce a Sentence. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 171–178 (In Russ.).

В 2015 г. автор настоящей статьи завершил работу над монографией [1], тема которой была подсказана ходом подготовки проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», принятого 20 декабря 2011 г. за № 21*. При обсуждении на Пленуме позиции рабочей группы по проекту постановления было обращено внимание на то, что в круг вопросов, по которым предлагалось дать разъяснения, не вошли пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, предусматривающие заключение под стражу осужденного. Главная причина подобного подхода состояла в том, что заключение под стражу осужденного, будучи созвучным по названию с заключением под стражу как мерой пресечения, остается самостоятельной специфичной мерой принуждения, ограничивающей свободу и личную неприкосновенность. Она распространена в судебной практике, требует детального изучения. При этом нам известны материалы лишь одного диссертационного исследования по данной проблематике, выполненного почти 20 лет назад [2].

Обобщение практики применения пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ для подготовки разъяснений по проблемным вопросам было проведено при непосредственном участии автора статьи в 2013–2014 г. Однако его результаты объективно не могли быть учтены в принятом годом ранее специально посвященном мерам пресечения постановлении Пленума Верховного Суда РФ. В дальнейшем соответствующие материалы легли в основу отдельных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, данных им в пунктах 24.1–24.4 постановления от 18 декабря 2018 г. № 43.

Логичным выглядело использование ценных в научном и практическом аспектах данных, отражающих не только тенденции в судебной практике, но и детали каждого дела, нюансы судебных решений. В связи с этим наиболее рациональным вариантом ознакомления правоведов, включая юристов-практиков, с феноменом «пенитенциарный арест осужденного», стал проект, предусматривавший опубликование соответствующей монографии. Предполагалось, что это будет способствовать более адекватному восприятию заключения под стражу обвиняемых (подозреваемых) и заключения под стражу осужденного при исполнении приговора, имеющих самостоятельное правовое регулирование (ст. ст. 108, 109 УПК РФ и пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ соответственно).

«Пенитенциарный арест» осужденного, если его сравнить с заключением под стражу обвиняемых (подозреваемых), гораздо менее известен и узнаваем как в научном сообществе, так и среди практических работников. Поэтому подготовка и издание книги, ориентированной на заключение под стражу осужденных, преследовали наряду с другими цель познакомить с ним как можно больше специалистов в области уголовного процесса и уголовно-исполнительного права.

Спустя 10 лет после выхода в свет монографии ее автор попытался выяснить: какие заметные изменения произошли в правовой доктрине и реальном правоприменении, которые можно связывать с воздействием результатов исследований, изложенных в ней. Ниже обоснованы соответствующие выводы мониторинга применения п. 18 ст. 397 УПК РФ, статистическая картина которого за исследуемый период изменилась значительно: рост числа заключенных под стражу осужденных ежегодно регистрируется в пределах тысячи.

Заключение под стражу осужденного в цифрах. До 2019 г. данный вид ареста не учитывался ни одной из форм статистической отчетности. Это выглядело странным, поскольку речь идет об ограничении конституционного права на личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ). Не секрет, что длительное время, исчисляемое десятилетиями, на теоретическом, практическом и ментальном уровнях доминировала позиция, что весь уголовный процесс структурируется как процесс основной, главный, движимый уголовным преследованием обвиняемого и подсудимого в рамках конкретного уголовного дела, и как процесс дополнительный, осуществляемый по мере необходимости рассмотрения и разрешения вопросов в ходе исполнения приговора или иного итогового судебного решения.

Аксиоматичным считалось, что второй процесс с участием осужденного, на которого уже не распространяется действие принципа презумпции невиновности, не требует насыщения процессуальными гарантиями судебной процедуры, установленной ст. 399 УПК РФ. Крайней формой пренебрежения правом в стремлении его упрощения стала практика рассмотрения вопросов исполнения приговора без участия осужденного, т. е. заочно. В последние годы ситуация меняется в лучшую сторону под влиянием соответствующих правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

* Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С 2019 г. заключение под стражу осужденных отражается в статистических отчетах. Их анализ за период с 2019 г. по 2024 г. показывает следующее (табл. 1).

1. Количество арестованных при исполнении приговора осужденных ежегодно увеличивается. Если сравнить показатели 2019 г. и 2024 г., наглядно видно: их количество возросло более чем в два раза. Без специального изучения причин этого какие-либо выводы сделать затруднительно.

Подавляющее большинство ходатайств органов, исполняющих наказания, о заключении под стражу осужденного удовлетворяется судами. В 2019 г. такие судебные решения вынесены в отношении 3625 осужденных, что составило 91,5% от общего количества окончанных судебных производств по данному вопросу. В 2020 г. этот показатель достиг 92,1% и в последующие четыре года оставался примерно на этом же уровне.

Приведенные данные указывают на то, что судебная практика в анализируемой части устойчива, складывается не стихийно. Несмотря на показанное выше увеличение, она остается стабильной и не дает

поводов для того, чтобы зафиксировать снижение требовательности судей к качеству представляемых в суд материалов из-за увеличения конкретной судебной нагрузки.

2. Для практики применения п. 18 ст. 397 УПК РФ характерна относительно невысокая доля отклоняемых судом представлений. Она составляет около 5–6%. Фактически суд отказывает в удовлетворении лишь в каждом двадцатом случае. Если обратиться к статистическим данным, характеризующим практику применения ст. 108 УПК РФ, то соответствующие показатели здесь другие (табл. 2).

По результатам рассмотрения судами ходатайств об избрании обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения в виде заключения под стражу суды ежегодно отказывают в удовлетворении 10–10,5 тыс. таких процессуальных инициатив должностных лиц органов предварительного расследования, что составляет около 10–11% от общего количества окончанных производством материалов, т. е. суд отказывает в заключении под стражу в каждом десятом случае.

Таблица 1. Общие сведения о заключении под стражу осужденных (2019–2024 гг.)

Год	Остаток производств по материалам	Поступило в производство материалов	Окончено производством	Из графы 3:			Из графы 4: в отношении несовершеннолетних	Вынесено частных определений	Из графы 8: в адрес органов предварительного расследования	Остаток производств по материалам на конец отчетного периода
				удовлетворено	отказано в удовлетворении	прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности				
2019	4	3969	3963	3625	244	94	0	7	0	10
2020	7	4207	4203	3870	220	113	3	1	0	11
2021	6	4832	4824	4454	232	138	5	6	1	14
2022	13	5628	5629	5224	268	137	4	5	1	12
2023	7	8300	8288	7577	489	222	3	14	1	19
2024	19	9625	9630	8861	514	255	4	11	0	14

Таблица 2. Общие сведения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ; ст. 108 УПК РФ)

Год	Поступило в производство материалов	Окончено производством	Из графы 3:			Из графы 4: в отношении несовершеннолетних	Вынесено частных определений	Из графы 8: в адрес органов предварительного расследования
			удовлетворено	отказано в удовлетворении	прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности			
2019	105984	106045	94632	10233	1180	835	348	245
2020		96665	84919	10503	1243	751	304	220
2021	99301	99298	87905	10129	1264	661	280	210
2022	98591	98517	87710	9633	1174	714	253	184
2023	94603	94576	82480	10878	1218	702	235	169
2024	93744	93753	82514	10167	1072	879	225	151

Существенная разница в результатах рассмотрения судами материалов о заключении под стражу осужденных и о заключении под стражу обвиняемых (подозреваемых) не может быть объяснена одной-двумя причинами. Для этого нужны специальные исследования, при проведении которых надо иметь в виду, что анализируемые виды ареста сравнимы условно, поскольку несут различную функциональную нагрузку.

Доктринальные представления о заключении под стражу осужденного. Эффективность применения заключения под стражу напрямую зависит от качества его нормативной основы и научно-практического сопровождения процесса правоприменения. При этом нельзя недооценивать роль юридической науки, в предмет которой входят наряду с собственно теорией как совокупности обобщенных положений, отражающих определенные закономерности и образующих какую-либо область знаний, изучение соответствующей отрасли права (законодательства) и подготовка научно-практических рекомендаций по применению законодательства. Относительно заключения под стражу осужденного как правовой категории надлежит констатировать ее явно недостаточную исследованность в теоретическом плане. Во многом сходные по содержанию меры принуждения — детально регламентируемое заключение под стражу подозреваемого (обвиняемого) и заключение под стражу осужденного, лишь один раз упоминаемое в пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ (подчеркнем — именно упоминаемое, без какой-либо детализации оснований и порядка ее избрания), — совершенно по-разному воспринимаются отраслевыми юридическими науками.

Мере пресечения в виде заключения под стражу в теории уголовного процесса уделяется повышенное внимание — она исследуется как в комплексе с другими мерами пресечения [3; 4; 5; 6], так и отдельно от них [7; 8; 9]. Всплески публикационной активности в ее изучении наблюдались при очередном витке развития домашнего ареста, фиксируемого внесением изменений и дополнений в ст. 107 УПК РФ. Дополнение в 2018 г. перечня мер пресечения запретом определенных действий, отдельные из которых лишали свободы передвижения обвиняемого (подозреваемого) и в этой части конкурировали с заключением под стражу, также было под пристальным вниманием ученых [10].

Таким образом, институты уголовно-процессуального принуждения (раздел IV УПК РФ) хорошо теоретически проработаны, в результате чего сегодня можно уверенно заявлять о сформировавшейся полноценной и не имеющей внутренних антагонистических противоречий доктрины уголовно-процессуального принуждения, содержание которой во

многом определяет частная теория самой строгой меры пресечения в виде заключения под стражу обвиняемого (подозреваемого).

Заключение под стражу осужденного не имеет широкой научной аудитории и скромно представлено в правовой литературе. Показательно в связи с этим, что на двух проведенных в 2024 г. конференциях, посвященных проблемам уголовно-процессуального принуждения, только один участник из 75 коснулся в докладе специфики применения мер процессуального принуждения в ходе исполнения приговора [11].

К заключению под стражей осужденного исследователи чаще обращаются при рассмотрении другой меры принуждения, предусмотренной УИК РФ, — «задержание осужденного». Реализованная в УПК РФ (пп. 18 и 18¹ ст. 397) и УИК РФ (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 6 ст. 58, ч. 2 ст. 60¹⁷ и ч. 6 ст. 75) схема взаимодействия правовых феноменов «задержание осужденного на срок до 48 часов с возможностью его продления до 30 суток» и «заключение под стражу осужденного на срок до 30 суток» породила несогласованность и конкуренцию между собой норм уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства. Свое отношение к данному процессуальному «кроссворду» А. Б. Диваев и А. Н. Смирнов не без оснований выразили следующим образом: «Правоприменитель здесь столкнулся с одной из сложнейших коллизионных проблем правореализации — конкуренцией норм, подкрепленной еще и совершенно неопределенным порядком задержания, указанного в Уголовно-исполнительном кодексе» [12, с. 114].

В 2015 г. в упомянутой монографии были сформулированы авторские позиции о сущности, назначении задержания и заключения под стражу осужденного в контексте установленных в УПК РФ границ действия института мер пресечения в уголовном судопроизводстве.

Во-первых, уголовно-процессуальный институт мер пресечения в существующем законодательном оформлении не распространяется на исполнение приговора. Он обслуживает центральное, основное производство в уголовном процессе — расследование и судебное разбирательство уголовного дела, нормальный ход которого во многом зависит от того, насколько эффективно используются меры пресечения. Задержание и заключение под стражу осужденного, предусмотренные нормами УПК РФ и УИК РФ, — автономные в законодательстве уголовно-правового комплекса меры принуждения. Они сходны с соответствующими уголовно-процессуальными аналогами только внешне. Их функциональное назначение, круг лиц, на которых они распространяются, сроки действия и процедура применения придают им

самостоятельность, ограничивают их от системы мер государственного принуждения, регулируемых УПК РФ.

Во-вторых, предусмотренное УИК РФ задержание осужденных — самостоятельный, наряду с уголовно-процессуальным и административным (полицейским), вид задержания. По своей правовой природе оно является мерой принуждения уголовно-исполнительного характера, преследует цели пресечь уклонение осужденного от отбывания наказания и обеспечить его участие в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене назначенного ранее наказания более строгим, отмене отсрочки отбывания наказания осужденному, больному наркоманией.

В-третьих, судебное производство по рассмотрению материалов о заключении под стражу осужденного, задержанного за злостное уклонение от отбывания наказания, осуществляется по правилам главы 47 УПК РФ, имеет уголовно-процессуальную форму и является самостоятельной мерой принуждения в системе уголовно-процессуального законодательства [1, с. 79–80, 228–230].

Описанный авторский подход не претерпел за 10 лет изменений и в основном поддержан в юридической литературе [13; 14; 15].

Вполне естественно и ожидаемо отдельные исследователи вступили в дискуссию о том, является ли заключение под стражу осужденного мерой пресечения или самостоятельной мерой принуждения? Не имея возможности из-за ограниченного объема статьи подробно, детально проанализировать позиции оппонентов, ограничимся следующими замечаниями.

По мнению А. Б. Диваева и А. Н. Смирнова, здесь надлежит ориентироваться на цели применения к осужденному заключения под стражу, в качестве которых ученые называют предотвращение возможного сокрытия осужденного и обеспечение тем самым судебного рассмотрения вопроса о замене наказания, которое осуществляется в порядке уголовно-процессуального производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Делается вывод, что «заключение осужденного под стражу, имея объективно уголовно-процессуальную сущность, при условии включения в закон соответствующих новаций вполне может рассматриваться как уголовно-процессуальная мера пресечения. Для этого законодателю необходимо сформулировать в главе 47 УПК РФ отдельную норму, которая предусматривала бы особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу» [12, с. 119–120].

В юридической теории предпринимаются попытки найти наиболее приемлемый выход из соз-

данной законодателем проблемной ситуации, согласовать уголовно-исполнительные и уголовно-процессуальные нормы о задержании и заключении под стражу осужденного. Судя по имеющимся публикациям, четкого видения будущей правовой конструкции меры принуждения в виде задержания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, пока еще нет. В фундаментальных работах, посвященных уголовно-процессуальному задержанию, их авторы, к сожалению, ограничиваются лишь констатацией наличия в российском праве (законодательстве) самостоятельного по своей правовой природе вида задержания — задержания осужденного при исполнении приговора. Отдельного монографического исследования данная мера государственного принуждения до сих пор не удостоилась [16, с. 19–20; 17, с. 22–23; 18, с. 81; 19, с. 18].

На особенности законодательной регламентации заключения под стражу осужденного при исполнении приговора обращают внимание Е. Ю. Замуруева и К. В. Муравьев, которые считают, что даже при имеющихся различиях (по субъекту, к которому применяется обеспечительная мера, порядку реализации, срокам), меры пресечения и мера принуждения, закрепленная в пунктах 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, имеют единую природу и предназначение, способствуют решению задач, закрепленных в ст. 2 УК РФ, в связи с чем в Общей части УПК РФ целесообразно закрепить положения о процессуальном принуждении, относящиеся ко всему процессу (досудебное и судебное производство, уголовно-исполнительное судопроизводство) [20, с. 31; 21, с. 129].

Дополнительный интерес анализируемой позиции придает разработанная авторами система общих условий применения мер пресечения — единых требований, предъявляемых ко всем процессуальным актам, содержащим решения об избрании, изменении или продлении сроков применения каждой из мер пресечения по отношению к любому подозреваемому, обвиняемому, осужденному в различных стадиях процесса и в уголовно-исполнительном судопроизводстве [21, с. 41]. Они приходят к выводу, что это станет необходимым шагом к сближению принудительных средств, реализуемых в разных уголовно-процессуальных производствах [20, с. 32]. Логическим завершением изложения авторской точки зрения является предложение внести в УПК РФ изменения и дополнения, отражающие принадлежность заключения под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, к мерам пресечения [20, с. 156–158].

Подобный подход к определению правовой природы и назначения в уголовном процессе заключения под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, безусловно,

имеет под собой основание и заслуживает пристального внимания. Однако данному доктринальному продукту, как представляется, свойственны и институциональные противоречия.

Во-первых, обязательным общим условием применения заключения под стражу осужденного, по версии Е. Ю. Замуруевой и К. В. Муравьева, является наличие незавершенного уголовно-исполнительного судопроизводства, т. е. направления в суд представления о применении к осужденному меры пресечения [20, с. 73–75]. Следуя анализируемой концепции и учитывая, что не все меры пресечения применяются по решению суда, никак не обойти следующие принципиальные вопросы: а) какой орган или должностное лицо вправе избрать меру пресечения в отношении задержанного осужденного; б) является ли моментом возобновления уголовно-процессуальной деятельности задержание осужденного на основании соответствующих норм УИК РФ; в) есть ли основания считать, что направление в суд представления об избрании меры пресечения задержанному осужденному влечет возобновление уголовно-процессуальной деятельности в виде уголовно-исполнительного судопроизводства, хотя такие представления направляет в суд ОВД или орган УИС по месту задержания осужденного, т. е. субъекты, не упомянутые в УПК РФ и далекие от реализации или участия в реализации уголовно-процессуальных функций.

Каждый из поставленных вопросов, а главное предполагаемые ответы на них, воспринимаются скорее как аргументы не в пользу, а против точки зрения о полной пригодности реализованной в законе конструкции института мер пресечения, сопровождающей производство по уголовному делу, для обеспечения уголовно-исполнительного судопроизводства. Специфика последнего препятствует автоматическому распространению на него общих условий применения мер пресечения.

Абсолютно разнородные отношения, возникающие и развивающиеся в процессе применения мер принуждения к лицам, имеющим принципиально разный правовой статус, объективно не могут регулироваться одними и теми же нормами.

К разряду «мягких», «нейтральных» подходов к определению сущности и назначения заключения под стражу осужденного можно отнести позицию С. И. Вершининой, сделавшей акцент на специфике применения мер пресечения к осужденным при исполнении приговора (цели, субъекты, основания принуждения). При этом автор подчеркивает, что в данной ситуации речь идет не о мерах пресечения в привычном их понимании как гибкой системы разнообразных ограничений для уголовно преследуемого лица, а лишь об одной из них, способной гаран-

тировать исполнение судебного решения — заключении под стражу [22, с. 243–244].

Приведенная позиция близка к нашему подходу рассматривать отдельно меру пресечения в виде заключения под стражу и меру принуждения в виде заключения под стражу осужденного [23; 24; 25].

Итак, аргументы, обосновывающие позицию об отнесении заключения под стражу осужденного к мерам пресечения, достаточно уязвимы, требуют усиления и конкретизации, возможности которых практически исчерпаны. Подтверждением сказанного служит то, что выяснение материальных и формальных (юридических), т. е. институциональных признаков феномена «заключение под стражу осужденного» постепенно перетекло в бюрократическое русло, когда на первый план выдвинулись терминологические расхождения, а правовая природа определяется лишь по факту принадлежности нормы к конкретному закону, чего явно недостаточно.

Представляется, что взаимосвязь двух видов заключения под стражу — как меры пресечения и как самостоятельной меры принуждения, действующей при исполнении приговора, — необходимо исследовать с применением институционального межотраслевого метода, расширяющего возможности выявления проблем в разных сферах правосудия и определения оптимальных способов их решения.

Действующее правовое регулирование задержания и заключения под стражу осужденного, в котором участвуют нормы УИК РФ и УПК РФ, имеет смешанную правовую природу, что является следствием исторически сложившихся взаимосвязей уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. «Встречаясь» в границах действия родственных правовых отраслей, сохраняя свою принадлежность к основной отрасли права, смешанные институты теоретически и практически могут принадлежать нескольким соответствующим отраслям права. Поэтому с позиций теории права регулирование общественных отношений, возникающих и развивающихся в результате применения мер принуждения к осужденному, злостно уклоняющемуся от отбывания наказания, нормами уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права с использованием понятийного аппарата данных отраслевых наук — естественный и оправдывающий себя прием законодательной техники. Обратим еще раз внимание на то, что нормативная основа задержания и заключения под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, воплощает в себе признаки именно смешанного, а не комплексного правового института. Предмет регулирования первого — гармоничный сплав однородных общественных отношений,

причина создания второго — необходимость регулирования комплекса разнородных общественных отношений [26, с. 230–232].

Анализ под этим углом зрения пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, практики их применения способен уточнить понимание назначения такой меры государственного принуждения, как заключение под стражу осужденного.

Завершая рассмотрение феномена «заключение под стражу осужденного» в контексте его отражения в научной литературе периода последних 10 лет, сформулируем несколько выводов.

1. Основные положения авторского подхода к трактовке места и назначения в уголовном судопроизводстве института мер пресечения, институциональной характеристики задержания и заключения под стражу осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, поддержаны группой ученых, специализирующихся на исследовании проблем уголовно-процессуального принуждения, исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы.

2. Продолжает оставаться дискуссионным вопрос о структурно-правовом статусе меры государственного принуждения в виде заключения под стражу осужденного: следует ли ее позиционировать как своеобразный «пенитенциарный арест», применяемый исключительно к осужденному на стадии исполнения приговора, где прекращается действие мер пресечения, или предусмотренное пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ заключение под стражу осужденных должно обрести свое место в рамках института мер пресечения? Автором предложен новый подход к разрешению во многом искусственно созданной проблемы коллизионной правореализации, обусловленной якобы имеющей место конкуренцией норм УИК РФ и УПК РФ, связанных с заключением под стражу осужденного. Суть данного подхода состоит в том, что действующее правовое регулирование задержания и заключения под стражу осужденного, в котором участвуют нормы УИК РФ и УПК РФ, име-

ет смешанную правовую природу, полностью укладывается в сложившиеся межотраслевые рамки взаимосвязей уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. Смешанные институты формируются или образуются нормами нескольких связанных отраслей права. Противопоставлять их, искать повод для конкуренции, — контрпродуктивно. Используя теоретические подходы, не обремененные догматическими установками, и отдавая предпочтение не столько отраслевой, сколько межотраслевой и надотраслевой методологии познания, на примере феномена «заключение под стражу» мы можем убедиться в том, что регулирование общественных отношений, возникающих и развивающихся в процессе применения мер принуждения к подозреваемому или обвиняемому, а также осужденному, злостно уклоняющемуся от отбывания наказания, нормами нескольких отраслей права, преобразующихся в смешанные правовые институты с частичным использованием понятийного аппарата отраслевых наук — приемлемый и, как свидетельствует практика, оптимальный, оправдывающий себя прием законодательной техники. Анализ смешанных правовых институтов особенно актуален для уголовно-процессуальной науки, курирующей смешанные правовые институты, в конструкции которых участвуют и нормы УИК РФ. Он может стать предметом будущего, самостоятельного обсуждения на страницах юридической печати, чего желал бы автор.

3. Увеличение за последние пять лет статистики заключения под стражу осужденного вызывает тревогу с точки зрения качества научно-методического обеспечения соответствующего судебного производства. Актуальность научного сопровождения правоприменительной деятельности, связанной с заменой судом наказаний без изоляции от общества лишением свободы, усиливается также тем, что суд отказывает в удовлетворении лишь каждого двадцатого представления о заключении под стражу осужденного.

Список источников

1. *Николюк В. В.* Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения : монография. Орел, 2015.
2. *Ложкина Л. В.* Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007.
3. *Булатов Б. Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
4. *Цоколова О. И.* Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.
5. *Вершинина С. И.* Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения : монография. М., 2017.

6. Рудич В. В. Организационно-правовой механизм избрания мер пресечения в уголовном процессе. М., 2018.
7. Смирнов В. В. Арест как мера пресечения, применяемая следователем органов внутренних дел. Хабаровск, 1987.
8. Цоколова О. И. О понятии и сущности заключения под стражу // Российский следователь. 2005. № 5.
9. Никонов М. А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ // Уголовный процесс. 2014. № 4.
10. Вастьянова О. Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Омск, 2022.
11. Пупышева Л. А. Современная доктрина уголовно-процессуального принуждения при исполнении приговора. Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова. Омск, 2024.
12. Диваев А. Б., Смирнов А. Н. Совершенствование порядка заключения под стражу по основаниям, указанным в п. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3(40).
13. Цоколова О. И. Рецензия: Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения : монография. Орел, 2015. // Уголовное право. 2016. № 3.
14. Якубина Ю. П. Законодательное регулирование задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3(24).
15. Овсянников И. В. Об обстоятельствах, необходимых для заключения осужденного под стражу и на-правления в колонию-поселение под конвоем // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29 (1-4), № 1.
16. Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. М., 1980.
17. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе : монография. М., 1989.
18. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого : монография. М., 1999.
19. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход : монография. М., 2019.
20. Замуруева Е. Ю., Муравьев К. В. Общие условия применения мер пресечения : монография. М., 2024.
21. Замуруева Е. Ю. Общие условия применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
22. Вершинина С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. М., 2017.
23. Николюк В. В. Практика заключения под стражу осужденного до рассмотрения судом представления о замене штрафа, ограничения свободы, обязательных, исправительных работ лишением свободы (п. 18 ст. 397 УПК РФ) // Уголовное право. 2014. № 6.
24. Николюк В. В. Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания : научно-практическое пособие. М., 2018.
25. Николюк В. В., Пупышева Л. А. Действие новых правил зачета содержания под стражей в срок лишения свободы в стадии исполнения приговора // Уголовный процесс. 2019. № 4.
26. Система права: история, современность, перспективы : монография / Т. Н. Радько, Д. М. Азми, А. А. Голикова и др. ; под ред. Т. Н. Радько. М., 2021.

УДК 343.97

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-179-189

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Уголовно-правовая оценка непредвиденных обстоятельств

Юрий Евгеньевич Пудовочкин

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права¹, ✉ 11081975@list.ru

Михаил Матвеевич Бабаев

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник², ✉ babaevmm@yandex.ru

¹ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (Москва, Россия)

² Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
(Москва, Россия)

Уголовное право как часть нормативного порядка основано на идеях возможного программирования правомерного поведения и ответственности лица за сознательное нарушение этой программы при условии, что оно было способно разумно предвидеть последствия ее нарушения. Вместе с тем объективные условия социального общежития и индивидуальные особенности личности обуславливают наличие непредвиденных и непредсказуемых обстоятельств, которые не могут не учитываться при разработке программы уголовно-правового регулирования. На основе анализа основных институтов уголовного права и судебной практики показано, что такие обстоятельства весьма активно проявляют себя при решении вопросов определения оснований уголовной ответственности, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Оценка существующих правил учета этих непредвиденных обстоятельств с точки зрения принципов уголовного права выявляет некоторые упущения и недостаточно убедительные решения, что влечет необходимость дополнительного обсуждения и возможной корректировки некоторых устоявшихся положений уголовно-правовой доктрины и законодательства.

Ключевые слова: правовые алгоритмы, неопределенность в праве, непредвиденные обстоятельства, судебная практика, основание уголовной ответственности, дифференциация уголовной ответственности, правовая реформа

Для цитирования: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовно-правовая оценка непредвиденных обстоятельств // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 179–189.

Criminal Law Assessment of Unforeseen Circumstances

Yurii E. Pudovochkin

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Law¹, ✉ 11081975@list.ru

Mikhail M. Babaev

Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, chief researcher²,
✉ babaevmm@yandex.ru

¹ Moscow State Law University named after Kutafin O. E. (Moscow, Russia)

² All-Russian Science and Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

Criminal law as a part of the normative procedure is based on the ideas of possible programming of lawful behaviour and the responsibility of a person for the conscious violation of this programme, provided that he or she was able to reasonably foresee the consequences of its violation. At the same time, the objective conditions of social coexistence and the individual features of the personality determine the existence of unforeseen and unpredictable circumstances, which cannot but be taken into account in the development of the programme of criminal law regulation. Based on the analysis of the main institutes of criminal law and judicial practice, it is shown that such circumstances are much activated in solving the issues of determining the grounds for criminal responsibility, differentiation of responsibility and individualization of punishment. An assessment of the existing rules for dealing with these unforeseen circumstances from the perspective of criminal law principles reveals some omissions and insufficiently convincing solutions, which makes it necessary to further discuss and possibly adjust some established provisions of criminal law doctrine and legislation.

Keywords: legal algorithms, uncertainty in law, unforeseen circumstances, judicial practice, grounds for criminal responsibility, differentiation of criminal responsibility, legal reform

Citation: Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Criminal Law Assessment of Unforeseen Circumstances. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 179–189 (In Russ.).

Введение

Уголовное право в одном из своих стандартных определений рассматривается как совокупность правовых норм. Норма в свою очередь определяется как модель или правило поведения, признанные государством и поддерживаемые им, в том числе под угрозой наступления неблагоприятных последствий для нарушителя. Нормирование — естественная задача любого права, выполнение которой преследует более глобальную цель обеспечения предсказуемости поведения каждого отдельно взятого человека и функционирования общества в целом.

В условиях нарастающей социальной неопределенности роль и значение правового нормирования неуклонно возрастают, причем одновременно с изменением представлений о самом понятии нормы, ее допустимых интервальных значениях и способах обеспечения. Но в любом случае, как бы ни менялось содержание и границы нормы, сама норма являет собой некий стандартизированный и уже в силу этого усредненный образец, рассчитанный на столь же «стандартизированного» человека, действующего в стандартных условиях стандартно функционирующего общества.

Такая стандартизация может рассматриваться как вполне закономерный итог и отражение возникших со времен А. Кетле представлений о «среднем человеке». «Говоря об отдельной личности, — писал он, — мы не имеем в виду того или другого человека в частности; мы стремимся к общей идее, являющейся результатом рассмотрения многих личностей в отдельности». И далее: «[Человек] обладает индивидуальностью; но ... он отличается еще другою особенностью: он в высшей степени обладает склонностью к общежительности, добровольно отказываясь от некоторой доли своей индивидуальности, чтобы сделаться частицею великого тела — народа, живущего также своею жизнью и переходящего через различные фазы существования. Эта-то часть индивидуальности и становится, таким образом, регулятором главнейших общественных явлений» [1, с. 12, 72].

Устранение элемента индивидуальности в социологических построениях А. Кетле было призвано убрать всякий фактор случайности в функционировании и развитии общества и представить само общество как закономерно функционирующий организм, лишенный или по меньшей мере стремящийся к тому, чтобы быть лишенным каких-либо непредвиденных отклонений. В таком среднестатистическом обществе среднестатистических людей А. Кетле не исключал «флуктуаций» и проявления индивиду-

альности. Однако он писал, что «вопросы индивидуальные должны оставаться в области свободной воли» [1, с. 74].

Такие теоретические построения органично сочетались с догматами господствовавшей в XIX столетии классической школы уголовного права, в рамках которой преступление мыслилось, по преимуществу, как «индивидуальная флуктуация» в общественном организме, вызванная и обусловленная наличием у человека той самой свободы воли. Именно свободная воля, направленная к нарушению господствующего и поддерживаемого порядка, «выводила» человека из круга «стандартных» граждан, оправдывая применение к нему мер уголовно-правовой репрессии как в целях искоренения этой индивидуальной особенности и приведения тем самым человека к «стандартному знаменателю», так и в целях охраны самого социального стандарта.

Отмеченные представления об обществе как о наборе стандартов и системе мер, направленных к исключению отклонений от них, а равно о праве как о средстве поддержания данных стандартов, в глобальном отношении приводят к необходимости постановки и обсуждения нескольких взаимосвязанных проблем.

Первое. Любой стандарт как нечто среднее (не важно, среднее как нечто уже укоренившееся или среднее как нечто желательное) всегда предполагает наличие допущений, оформленных в виде фикций или презумпций. Причем характерная черта таких допущений состоит в том, что их реальностью или правдивостью можно в известной степени пренебречь ради того, чтобы сам стандарт успешно функционировал. По этому поводу исследователи отмечают: для уголовного права может быть крайне рациональным предположение, что люди обладают непредсказуемой свободой воли, даже если это предположение необоснованно или даже если оно ложно. Общество может извлечь выгоду из того, что люди продолжают верить в свободу воли, независимо от того, действительно ли они ею обладают [2, р. 13–14].

Второе. Стандартизация создает предпосылки для алгоритмического управления обществом, понимания права как набора алгоритмов и применения права как выполнения алгоритмической программы [3; 4]. В прикладном отношении это связано с идеями и практикой создания машиночитаемого права, использования возможностей искусственного интеллекта в применении правовых норм, принятия правовых решений на основе стандартизированных моделей типовой оценки риска и т. д., что удиви-

тельным и взаимоисключающим образом, с одной стороны, создает потенциальные угрозы полного исключения личности из сферы правовых отношений, а с другой, — открывает перспективы пересмотра понятия нормы и создания индивидуально ориентированных правовых норм.

Третье. Алгоритмическое и машинное право с возможностью создания и применения индивидуальных норм, какими бы благоперспективными не виделись его возможности, остается, по большей части, уделом позитивно настроенных оптимистов. В практическом отношении право остается (и на наш взгляд, еще долго будет оставаться) «машинной в руках человека», настроенной на то, чтобы применять «равный стандарт» к «неравным людям», то есть средством, основанным на типологическом восприятии тех или иных конкретных ситуаций. Вместе с тем неизбежно развиваемые в праве процессы его конкретизации и гуманизации (очеловечивания), направленные к повышению его эффективности в обществе, далеко ушедшем от единых социальных стандартов и идеи «среднего человека», с необходимостью требуют большего внимания к фактическим проявлениям разнообразного и нестандартного. Обращение к нестандартному логично сочетается с социально-философским призывом к перевороту в сознании, с тем чтобы «идея среднего человека стала вчерашним днем, а концепция индивидуальности — современным взглядом на судьбы вещей» [5, с. 16].

Четвертое. Нетипичные ситуации и непредвиденные обстоятельства, связанные с непредсказуемой свободой воли, никогда не исключались в теоретическом осмыслении общества. Признается оно и в области нормативного регулирования. Например, обсуждая позитивные обязательства государств по охране жизни человека, Европейский суд по правам человека в одном из решений указал, что такие позитивные обязательства не должны возлагать чрезмерное бремя на власти, учитывая непредсказуемость человеческого поведения и вызванный ею оперативный выбор, который государству необходимо сделать в системе установленных приоритетов и имеющихся ресурсов¹. Непредсказуемость человеческого поведения в нормированном обществе служит мощным источником возмущения в алгоритмической, стандартизированной системе правового управления. Ее нельзя игнорировать. Если мы хотим, чтобы система права работала эффективно, единственный способ обеспечить такую эффективность — сделать оценку непредсказуемого поведения частью правовой программы.

Так или иначе уголовно-правовые нормы, в системном виде сложившиеся на пространстве XIX столетия (более ранний период в данном случае рассматривать нецелесообразно), уже включали в орбиту своей оценки непредсказуемые и непредвиденные обстоятельства. Соответствующие правовые предписания были расширены и дополнены в XX в. и XXI в., что связано, среди прочего, с влиянием социологической и антропологической школ уголовного права, а также с существенной модернизацией социальной среды функционирования уголовного права (в том числе с развитием рискованных технологий). Однако в теоретическом отношении данные проблемы не были должным образом концептуализированы, что заставляет обратить на них специальное внимание, поставив в центр исследовательского интереса. Программу исследования при этом целесообразно построить следующим образом: вначале рассмотреть связь непредвиденных обстоятельств с нормативным пониманием основания уголовной ответственности, затем, исходя из анализа текста закона и материалов судебной практики, рассмотреть проблемы отражения непредвиденных обстоятельств в различных институтах уголовного права и с учетом полученной информации представить некоторое теоретическое обобщение, раскрывающее возможные перспективные направления учета непредвиденных обстоятельств в нормативном механизме уголовно-правового регулирования.

Непредвиденные обстоятельства и основание ответственности

Заложенная в уголовно-правовой норме программа разрешения вызванного преступлением конфликта основана на закономерностях преступного поведения, которые выявляются наукой. Уголовно-политическая концепция, криминологическая и уголовно-правовая доктрина совокупно отражают эти закономерности и транслируют представления о них в уголовный закон. При этом, учитывая возможность разнообразных по содержанию теоретических представлений о преступлении и преступности, уголовный закон может соответствующим образом воплощать различные доктринальные установки и построения.

Современное уголовное право во многом основано на той идее, что наделенный сознанием и свободной волей человек, проживающий в обществе и ознакомленный с господствующими в нем поведенческими стандартами, совершая преступление, действует рационально противоправным способом,

¹ Герасименко и другие против России : постановление Европейского суда по жалобам № 5821/10 и № 65523/12 от 1 декабря 2016 г. // Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека. № 2 (2018). Документ опубликован не был. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

демонстрируя тем самым свое негативное или пренебрежительное отношение к нормам и ценностям, которые лежат в их основе. Рациональность преступного поведения в данном случае коррелирует с представлениями о преступнике как об экономическом агенте, выбирающем наиболее эффективный и наименее затратный для него способ удовлетворения потребностей в ситуации неопределенности [6].

Такой взгляд на преступника ставит во главу угла оценки совершенного им деяния возможности лица предвидеть все обстоятельства совершения преступления и последствия, которые оно может вызвать. По этой причине предвидение или, как минимум, возможность и обязанность предвидеть последствия деяния входит обязательным компонентом в каждую из нормативно признанных форм вины. Не предвиденные лицом факторы и обстоятельства способны либо устранить его вину, либо в любом случае скорректировать объем вменения и границы ответственности.

В случае возникновения таких обстоятельств стандартная нормативная программа уголовно-правового регулирования «не срабатывает», что заставляет законодателя, руководствуясь принципами права, создавать отступления от нее, своего рода боковые ответвления, в совокупности с главной линией создающие «разветвленное дерево решений».

Непредвиденные обстоятельства в ситуации совершения преступления, учитывая единство его социальных и правовых признаков, могут возникать в каждой из этих областей.

Во-первых, непредвиденным может оказаться сам уголовно-правовой запрет, когда лицо, совершая преступление, не осознает уголовной противоправности содеянного. Следуя максиме «*ignorantia juris semper nocet*», действующий уголовный закон не содержит специальных положений относительно юридической ошибки, хотя в доктрине давно признается опровержимый характер презумпции знания закона [7, с. 337] и представлен развернутый анализ видов и содержания юридических ошибок [8]. Не углубляясь в содержательный анализ проблемы, в контексте нашей темы стоит отметить, что именно непредвиденный характер наличия уголовно-правового запрета делает незнание закона ошибкой, вполне способной стать извинительным, исключающим ответственность обстоятельством, особенно в ситуациях, когда заблуждения относительно противоправности

деяния продиктованы существенными культурными различиями среды формирования субъекта и среды совершения действия [9].

Во-вторых, непредвиденными для действующего лица могут оказаться некоторые фактические обстоятельства, сопровождающие или характеризующие само деяние. В этом случае реакция закона на них может быть различной.

Так, в силу непредвиденных обстоятельств закон может признать факт причинения вреда преступным. Наиболее отчетливо это положение фиксируется в административно-деликтном (особенно касающемся ответственности юридических лиц), нежели в уголовном законодательстве. И связано это, как представляется, с тем, что правонарушения, преследуемые в административно-правовом порядке, являют собой, по преимуществу, нарушение тех или иных специально установленных правил, призванных сделать поведение лица предсказуемым и безопасным.

Судебная практика последовательно придерживается тезиса о том, что «отсутствие вины юридического лица предполагает объективную невозможность соблюдения установленных правил». Следовательно, «основанием для освобождения юридического лица от ответственности могут служить обстоятельства, вызванные объективно непреодолимыми либо непредвиденными препятствиями, находящимися вне контроля хозяйствующего субъекта, при соблюдении той степени добросовестности, которая требовалась от него в целях выполнения законодательно установленной обязанности»².

Эти правила применяются и при решении вопроса об административной либо дисциплинарной ответственности физических лиц. В апелляционных решениях указывается, например: «Нарушение привлекаемым к ответственности лицом обязанности, установленной налоговым законодательством, вызвано чрезвычайными, объективно непредотвратимыми обстоятельствами и другими непредвиденными, непреодолимыми для него препятствиями, находящимися вне контроля этого лица, в связи с чем привлечение налогоплательщика к ответственности по ст. 122 НК РФ является неправомерным»³.

В уголовном праве вопрос о непредвиденных обстоятельствах как основании исключения ответственности возникает нечасто. По-видимому, связано это с особым характером уголовно-правовых

² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20 марта 2024 г. № Ф01-237/2024 по делу № А82-6326/2023; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16 октября 2023 г. № Ф03-3611/2023 по делу № А51-845/2023; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 декабря 2021 г. № Ф05-26689/2021 по делу № А40-91029/2021; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11 августа 2023 г. № Ф09-4672/23 по делу № А60-68102/2022; и др.

³ Постановление ФАС Центрального округа от 27 октября 2008 г. по делу № А35-1441/07-С18; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 10 января 2018 г. по делу № 33-348/2018; Решение Свердловского областного суда от 30 августа 2023 г. по делу № 71-345/2023.

запретов, рассчитанных на среднего человека и, по преимуществу, на бытовой характер общеуголовной преступности.

Тем не менее и здесь непредвиденные обстоятельства имеют значение, хотя их признание законом имеет некоторые особенности, связанные с тем, что в различных ситуациях причинения уголовно релевантного вреда проявляют себя разные непредвиденные обстоятельства, что влечет признание их различной роли. Самый общий взгляд на проблему позволяет выделить несколько вариантов нормативной оценки непредвиденных обстоятельств в части их влияния на основание ответственности.

1. Непредвиденные обстоятельства, «выбивающие» лицо из стандартной поведенческой программы и генерирующие непредсказуемое причинение вреда, могут оцениваться в контексте обстоятельств, исключающих преступность деяния, в связи с чем сам факт причинения вреда не рассматривается в качестве общественно опасного.

Наиболее показательна в данном случае ситуация необходимой обороны. Общественно опасное посягательство, создающее право на оборону, само по себе не является ожидаемым и закономерным. Более того, в ситуации непредвиденного для защищающегося посягательства закон особым образом оговаривает случаи неожиданного нападения (ч. 2¹ ст. 37 УК РФ). Это заставляет суд тщательным образом анализировать обстоятельства посягательства⁴, в том числе под прицелом презумпции того, что неожиданное посягательство, по сути, снимает вопрос о пределах правомерности защиты от него⁵.

2. Непредвиденные обстоятельства в ситуации причинения вреда могут исключать оценку действий лица в качестве виновного. Здесь возможны два варианта.

Первый связан с классическим разграничением неосторожного преступления и невиновного причинения вреда, когда лицо не предвидело и не могло предвидеть последствий собственных действий и вред причиняется в силу случайности⁶. Аналогичные по своей сути ситуации возникают и при не-

типичном развитии причинной связи, когда между деянием лица и наступившими последствиями возникают и реализуют себя некие привходящие силы, действие которых было для лица неожиданным или непрогнозируемым [10, с. 212–232].

Второй вариант связан с непризнанием виновными лиц, причинивших вред в ситуации непредсказуемого поведения потерпевших. Типичны в этом плане ситуации дорожно-транспортных происшествий, когда водитель, закономерно рассчитывающий на предсказуемое и нормативное поведение всех участников дорожного движения, был не способен предотвратить причинение вреда вследствие возникновения неожиданных и непредвиденных для него обстоятельств⁷. Позиция судов в этом отношении однозначна: водитель, соблюдающий правила дорожного движения, в принципе способен и предвидеть, и реагировать на непредсказуемое поведение иных участников дорожного движения⁸. В то же время непредвиденное возникновение опасности для дорожного движения, которую водитель транспортного средства не мог ни предсказать, ни предотвратить, исключает его вину⁹.

3. Непредвиденные обстоятельства, обусловившие причинение вреда, могут исключать оценку действий лица в качестве уголовно-противоправных. Соответствующие ситуации хорошо иллюстрируются причинением вреда в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны, когда в уголовном законе отсутствуют специальные предписания на этот счет. Речь идет, в частности, о причинении легкого вреда здоровью или о побоях.

Аффект, как известно, есть состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного обстоятельствами, которые столь же внезапно, неожиданно возникают (насилие, издевательство, тяжкое оскорбление, иное противоправное или аморальное поведение). Закон устанавливает ответственность за убийство, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта, но умалчивает об ответственности за причинение в таком состоянии легкого вреда здоровью или побоев.

⁴ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 ; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11 июля 2023 г. по делу № 77-1712/2023.

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 января 2023 г. № 35-УД22-20-К2.

⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 сентября 2023 г. № 87-УД23-2-К2.

⁷ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25.

⁸ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Коми от 15 марта 2022 г. № 22-673/2022 ; Кассационное определение Кассационного военного суда от 2 апреля 2024 г. № 77-175/2024 ; Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 4 июля 2024 г. № 77-1808/2024.

⁹ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 июня 2024 г. № 77-2082/2024 ; Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 23 сентября 2024 г. по делу № 77-1416/2024 ; Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28 ноября 2024 г. № 77-3322/2024 ; и др.

Это порождает широкую дискуссию в науке и противоречивые решения на практике [11, с. 80–88]. Хотя очевидным и обоснованным нам видится признание соответствующих деяний не обладающими признаком уголовной противоправности.

Таким образом, непредвиденные обстоятельства, способствовавшие причинению вреда, могут устранять признаки опасности, виновности или противоправности совершаемого лицом деяния, тем самым исключать основание его уголовной ответственности. Однако этим их влияние на основание ответственности не ограничивается.

Не исключая самого основания уголовной ответственности, не предвиденные виновным обстоятельства могут корректировать пределы его ответственности. Речь идет о двух известных правилах.

Первое касается объема вменения фактических обстоятельств при квалификации содеянного. Лицо подлежит ответственности с учетом только тех из них, которые им предвиделись или которые он мог и должен был предвидеть. Классическая иллюстрация здесь — квалификация половых преступлений в отношении несовершеннолетних. Как известно, вменение соответствующего признака возможно лишь в случаях, когда виновный знал или допускал, что потерпевшим является лицо, не достигшее восемнадцати лет или иного возраста, специально указанного в диспозиции статьи Особенной части УК РФ¹⁰. В этом же русле расположены правила разграничения тайных и открытых хищений, правила оценки применения насилия в отношении специальных потерпевших и другие правила квалификации преступлений, основанные на концепте фактической ошибки.

Второе правило касается учета обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. В данном случае стоит отметить прежде всего наличие в качестве общего правила возможности учета судом только тех обстоятельств, которые осознавались виновным лицом (например, признание отягчающим наказание обстоятельством совершение преступления в отношении малолетнего при совершении транспортных преступлений исключается, если осужденный не предвидел и не мог предвидеть, что в автомобиле, с которым он совершил столкновение, находятся дети¹¹). Кроме того, важно обратить внимание и на наличие специально сконструированного в законе смягчающего обстоятельства —

«совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств». Практика свидетельствует, что данное обстоятельство применяется, как правило, в тех ситуациях, когда случайность совершения опасного деяния не способна исключить основание ответственности за него, а именно, при совершении преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны и крайней необходимости, при наличии состояния аффекта и при совершении неосторожных преступлений, развитие причинной связи в которых осложнено вмешательством непредвиденных или не вполне предвидимых виновным обстоятельств [12].

Таким образом, обстоятельства, характеризующие причинение вреда, с которыми закон связывает, в частности, усиление ответственности, не могут быть вменены виновному, если явились для него случайными, непредвиденными.

Непредвиденные обстоятельства, механизм преступления и отдельные институты уголовного права

Рационально действующий преступник, прогнозирующий результаты своего поведения и устремляющий свою волю к их достижению, всегда стремится к тому, чтобы по возможности устранить или минимизировать влияние любых непредвиденных обстоятельств, которые могут стать препятствием к достижению поставленной криминальной цели.

«Твердость воли» выступает важной характеристикой личности виновного, условием и свидетельством прямоумышленного преступления, а преодоление непредвиденных обстоятельств — одним из элементов планируемого преступления.

Такие обстоятельства с позиции их влияния на механизм совершения преступления могут распадаться на несколько групп. Первая — обстоятельства, которые не охватывались криминальным планом, но, возникнув в процессе совершения преступления, не оказали влияния на его реализацию¹². Вторая группа — непредвиденные обстоятельства, которые, возникнув в конкретной ситуации, скорректировали преступные планы, стимулировали совершение дополнительного преступления с внезапно возникшим умыслом¹³. Третья группа — непредвиденные обстоятельства, которые блокируют возможность реализации умысла и препятствуют соверше-

¹⁰ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16.

¹¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 октября 2020 г. № 59-УД20-7-К9. Аналогична позиция судов и по иным делам (постановление Президиума Саратовского областного суда от 9 июля 2018 г. по делу № 44у-63/2018).

¹² Определение Верховного Суда РФ от 31 мая 2006 г. № 72-006-18.

¹³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11 июня 2009 г. № 66-О09-42.

нию преступления, создавая тем самым основания ответственности за неоконченное преступление¹⁴.

Прогнозирование непредвиденных обстоятельств и разработка мер их преодолению как условие эффективной преступной деятельности ярко проявляют себя в ситуации совершения преступлений в соучастии.

Так, предупреждение непредвиденных обстоятельств может составлять часть пособнических действий, необходимых для успешного совершения преступления. Суды последовательно признают пособником лицо, которое во время совершения преступления наблюдало за окружающей обстановкой «для предупреждения о непредвиденных обстоятельствах», будучи готовым оказать при необходимости помощь иным исполнителям¹⁵.

Обсуждение непредвиденных обстоятельства и планирование вариантов совершения преступления с учетом их возможного возникновения может составлять часть преступного сговора на совершение преступления¹⁶. При этом чем выше степень сплоченности, устойчивости, организованности преступной группы, тем меньше ее участникам требуется усилий для преодоления непредвиденных обстоятельств, которые всегда присутствуют в качестве возможного фактора в криминальном планировании. Показательно в этом отношении следующее судебное решение, в котором, отвергая доводы подсудимых о том, что каждый раз при совершении преступления они «действовали в соответствии со сложившейся обстановкой», т. е. без предварительной договоренности, суд отметил: «Достигнутая степень их организованности в каждом случае и вне зависимости от развития в непредвиденном русле событий позволяла с учетом имевшегося между ними взаимопонимания отступить от своей роли, но достичь окончательной цели»¹⁷.

Непредсказуемость действий виновного и последствий преступления как фактор опасности

Непредсказуемость поведения лица, совершившего преступление, и последствий содеянного могут оказывать влияние на оценку судом степени общественной опасности самого преступления и личности виновного. Причем влияние это может быть

весьма разнообразным и порой диаметрально противоположным.

Во-первых, непредсказуемым может быть само криминальное поведение виновного, т. е. его действия во время совершения преступления.

В некоторых ситуациях такая непредсказуемость поведения, вызванная пороками волевого развития, может стать одним из свидетельств пониженной опасности личности. Так, кассационный суд признал несправедливым приговор по делу, в рамках которого нижестоящие суды не обсудили возможность применения к подсудимому положений ст. 96 УК РФ и не приняли во внимание заключение комплексной психологической-наркологической экспертизы, согласно которому подсудимый ввиду наличия у него заболевания демонстрировал «слабость волевого контроля, нерасчетливость и непредсказуемость поступков, неспособность длительно соответствовать общепринятым нормам»¹⁸.

В иных ситуациях, напротив, непредсказуемость поведения виновных лиц может создавать для потерпевших состояние повышенной опасности. Например, решая вопрос об оценке применяемого к потерпевшему насилия для квалификации действий виновных лиц как разбой, суд учел показания потерпевшего, согласно которым его избивание произошло в лесу, вдали от населенных пунктов или иного места, где могли оказаться люди, нападавших было двое, один из них ранее служил в Чечне, оба нападавших находились в состоянии алкогольного опьянения, что «существенно увеличивало опасность из-за непредсказуемости действий нетрезвых лиц»¹⁹.

Во-вторых, непредсказуемость может стать характеристикой посткриминального поведения осужденного лица. Необходимость оценки и прогнозов поведения осужденного возникает, в частности, в ситуации решения вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о замене наказания более мягким видом, о предоставлении отсрочки исполнения наказания. Между тем отношение судов к прогностической информации неоднозначно. В одних случаях они указывают, например, что заключение психолога о невозможности дать положительный прогноз поведения осужден-

¹⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2015 г. по делу № 66-О15-1; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 14 марта 2011 г. № 45-О11-20.

¹⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 марта 2016 г. № 19-АПУ16-2; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20 июля 2012 г. № 119-П12; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 августа 2005 г. по делу № 44-005-46.

¹⁶ Определение Верховного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 59-О02-36; Определение Верховного Суда РФ от 15 июля 2010 г. № 89-О10-18.

¹⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 февраля 2018 г. № 41-АПУ18-1.

¹⁸ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 октября 2022 г. № 77-4889/2022.

¹⁹ Определение Рязанского областного суда от 26 августа 2010 г.

ного в случае условно-досрочного освобождения не предусмотрено в качестве основания для решения соответствующего вопроса²⁰. В других — прямо ссылаются в обоснование решения, среди прочего, на то, что «согласно результатам психологического обследования осужденный имеет среднюю вероятность рецидива»²¹.

Непредсказуемый характер могут иметь и последствия совершенного преступления. Обычно этот вопрос не рассматривается и не обсуждается на практике, учитывая, что вменению и оценке подлежат только те последствия, которые предусмотрены законом и охватывались умыслом виновного. Однако в некоторых (исключительно редких) ситуациях суды смотрят на последствия несколько шире, обсуждая вопрос о мере ответственности виновного лица. Так, по одному из дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, суд, отказывая в применении ч. 6 ст. 15 УК РФ, принял во внимание не только фактические обстоятельства дела, но и тот факт, что эти наркотические средства «представляют чрезвычайную опасность для здоровья лиц, допускающих их потребление, в связи с абсолютной непредсказуемостью их воздействия на организм и психику человека»²². В другой ситуации суд при разрешении вопроса о компенсации морального вреда не отказал в оценке непредсказуемых последствий преступлений, но и не учел этого обстоятельства лишь по той причине, что ему не представлено убедительных доказательств²³.

Теоретическое обобщение

Сбор и представление информации об отражении в уголовном законе и практике применения непредвиденных обстоятельств, разумеется, не является самоцелью. Представленный материал, свидетельствуя о том, что непредвиденные обстоятельства достаточно прочно вошли в предмет оцениваемых законом факторов, нуждается в теоретическом обобщении, в том числе в целях выявления возможных перспектив нормативной оценки таких обстоятельств.

Исследование позволяет сделать несколько промежуточных наблюдений:

— непредвиденные обстоятельства в ситуации совершения преступления могут быть представлены, с одной стороны, непосредственно поведением субъекта преступления, с другой стороны, внешними по отношению к этому лицу факторами, которые на это поведение влияют;

— непредсказуемость может характеризовать криминальное или посткриминальное поведение субъекта преступления и может быть продиктована различными детерминирующими факторами, содержание которых оказывает непосредственное влияние на оценку самого непредсказуемого поведения;

— непредвиденные виновным обстоятельства совершения преступления могут оказывать различное влияние на динамику преступного поведения: стимулировать начало преступного деяния, корректировать криминальные планы либо препятствовать их осуществлению;

— возможность лица прогнозировать непредвиденные обстоятельства при совершении преступления, стойкость и последовательность в их устранении или преодолении являются свидетельством прямоумышленного характера преступления и показателем опасности личности преступника;

— непредсказуемые последствия совершения преступления могут увеличивать масштабы причиняемого вреда и отражаться на оценке общественной опасности содеянного.

Масштабный характер непредсказуемого и непредвиденного в уголовном праве не позволяет игнорировать соответствующие обстоятельства при построении программы уголовно-правового реагирования на преступное поведение. При этом, как представляется, главная задача в данном случае состоит в необходимости согласования оценки непредсказуемых обстоятельств с предписаниями важнейшего для уголовного права принципа вины, обуславливающего возможность ответственности только в пределах предвиденного виновным развития событий.

По итогам исследования складывается ощущение, что законодательный учет непредвиденных обстоятельств, хотя и имеет место, либо лишен теоретической основы вовсе, либо эта теоретическая основа должным образом не разработана. Разумеется, мы не претендуем на то, чтобы в рамках настоящей публикации сформировать соответствующую базу. Однако полагаем возможным поставить ряд вопросов, совместное и систематическое обсуждение которых, на наш взгляд, является необходимым условием развития отечественной науки и практики.

1. Следует дополнительно обсудить вопрос о влиянии непредвиденных обстоятельств на возникновение намерения причинить вред охраняемым ценностям и, соответственно, на оценку самого факта причинения вреда.

²⁰ Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 апреля 2014 г. ; Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 26 мая 2021 г. по делу № 4/1-78/2021.

²¹ Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 5 апреля 2021 г. по делу № 4/1-11/2021.

²² Апелляционное определение Ивановского областного суда от 21 октября 2019 г. по делу № 22-1879/2019

²³ Апелляционное определение Московского городского суда от 3 марта 2023 г. № 10-13777/2023.

Такие обстоятельства могут исключать преступность совершенного деяния и, думается, что нормативные предписания действующего закона обнаруживают некоторую недостаточность в части регламентации последствий юридической ошибки и причинения вреда при обстоятельствах, исключающих ответственность (речь идет об аффекте, необходимой обороне, провокации преступления, нестандартной причинной связи).

Не исключая преступности деяния, непредвиденные обстоятельства могут вносить свои коррективы в оценку умысла виновного лица. Традиционное обсуждение внезапно возникшего и заранее обдуманного умысла в уголовно-правовой науке приводит в целом к правильному выводу о том, что сам по себе вид умысла, вне учета содержания причин, по которым он возникает, и вне общей характеристики личности преступника, не имеет уголовно-правового значения [13, с. 116–117]. Вместе с тем этот тезис должен служить, на наш взгляд, не столько итоговым выводом, сколько отправной точкой в практической деятельности по применению уголовного закона. Выяснение вида умысла и степени влияния на его возникновение и динамику непредвиденных обстоятельств должно сопрягаться с предложенной в психологической науке программой судебного изучения и оценки личности виновного в качестве одного из общих критериев назначения уголовного наказания, согласно которой в ряду многообразных данных, характеризующих личность, особое место занимают такие свойства, которые позволяют судить о закономерности или случайности совершенного преступления [14, с. 225–232]. Представляется, что и в этой части нормативные предписания российского уголовного закона вполне могут быть развиты и усовершенствованы. Нисколько не предвещая содержательного наполнения и технического оформления результатов обсуждения проблемы, просто обратим внимание, что, например, в ст. 131-72 УК Франции содержится понятие «предумысла» как умысла, сформировавшегося до действий по совершению определенного преступления или проступка, и определено правовое значение предумысла в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность [15, с. 38–39].

2. Значение непредвиденных обстоятельств как объективного основания разграничения неоконченного преступления от ситуаций добровольного отказа от совершения преступления заставляет обратить внимание на оценку общественной опасности не-

оконченного преступления и нормативные правила фиксированного снижения максимального размера наказания за покушение и приготовление к преступлению.

Учитывая, что сущность покушения лежит «в направлении осуществления воли», «в связи совершающегося с несовершившимся», которая «субъективно дана в умысле, то есть в опасности, представляемой действующим лицом», Ф. Лист считал правило предписанного смягчения наказания за покушение «весьма рискованным в криминально-политическом отношении воззрением общего права» [16, с. 218, 225]. Не знало обязательного смягчения за неоконченное преступление и советское уголовное законодательство. Сегодня, как известно, ситуация принципиально иная. Закон предусматривает императивные правила смягчения наказания за приготовление и покушение. Конституционный Суд РФ признает, что такие правила направлены на недопущение избыточного ограничения прав и свобод при применении мер уголовно-правового принуждения²⁴. Спорить с этим сложно. Однако в чем причина самой необходимости обязательного снижения наказания — вопрос, который в теоретическом плане остается во многом без ответа. Можно, конечно, утверждать, что в данном случае срабатывают общие представления об общественной опасности деяния, согласно которым она определяется, по преимуществу, последствиями его совершения. Но сам по себе факт отсутствия опасных последствий, желаемых преступником, едва ли достаточен для однозначного вывода о меньшей опасности деяния, которое только по непредвиденным, не зависящим от виновного обстоятельствам не привело к наступлению этих последствий. Тем более что закон давно взял устойчивый курс на криминализацию неоконченной преступной деятельности в качестве самостоятельного деликта, причем с весьма высокими санкциями.

Обоснование смягчения наказания за неоконченные преступления, возможно, следует искать в положениях ч. 1 ст. 66 УК РФ, согласно которым «при назначении наказания за неоконченное преступление учитываются обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца». Однако специальные исследования [17] показывают, что суды почти не уделяют внимания их анализу. Более того, такие обстоятельства — есть вопрос факта. Активное сопротивление жертвы или пресечение преступной деятельности случайными прохожими — это одно, невозможность завершить преступление

²⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалева Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 66 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27 января 2011 г. № 36-О-О ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Джафарова Наги Джафар-Оглы на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 66 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2016 г. № 2772-О.

в силу недостатка физических сил или необходимых навыков — иное. Имеют несомненное значение также неисключенные последствия неоконченных преступлений. В любом случае, как бы ни оценивать влияние этих обстоятельств на опасность неоконченного преступления, едва ли можно предусмотреть заранее предписанное снижение наказания. Представляется, что с учетом решающего значения принципа вины, целеустремленности и волиности поведения субъекта сегодня есть все основания к тому, чтобы дополнительно обсудить необходимость обязательного нормированного снижения наказания за неоконченную преступную деятельность.

3. Есть основания к тому, чтобы в контексте анализа непредвиденных обстоятельств более глубоко исследовать вопрос об объеме и пределах вменения преступных действий соучастникам преступления в ситуациях эксцесса исполнителя и, возможно, дополнительно обсудить вопрос об эксцессе в группах лиц по предварительному сговору и организованных группах. В странах семьи общего права, отмечают специалисты, соответствующие вопросы обсуждаются, среди прочего, посредством доктрины «общего дела». Лежащий в ее основе судебный прецедент гласит, что «когда две стороны предпринимают общее дело по совершению преступления и одна сторона предвидит, что в ходе предпринимаемого другая сторона может совершить с требуемой *mens rea* деяние, образующее иное преступление, первая несет ответственность за такое преступление, если оно совершается последней в ходе предпринимаемого» [18, с. 36–37]. В нашей практике сложно представить полноценное воплощение таких идей. Хотя именно в этом контексте, полагаем, надо рассматривать оценку продолжения совместной преступной деятельности после эксцесса некоторых из участников общего преступного сговора²⁵, вменение организатору преступления неосторожных последствий исполнителя преступления²⁶, да и само понятие сговора на совершения преступления, особенно, учитывая что степень детализации договоренностей может быть крайне различной [19]. Эти вопросы поставлены пока только «точечным» образом. Думается, что обсуждение понятия непредвиденных обстоятельств способно «связать» воедино проблемы их влияния на границы и возможности предвидения криминальных действий в рамках реализации общего сговора на совершение преступления, что, вне сомнений, будет способствовать дальнейшему развитию учения о соучастии.

4. Непредвиденные последствия преступного деяния занимают особое место в конструировании

составов преступлений и оценке их общественной опасности. Соответствующее обсуждение восходит к проблемам общего понимания состава преступления (является ли он реальностью или нормативной абстракцией), разграничения формального и материального составов преступлений, значения последствий для оценки опасности преступления, возможности их предвидения виновным и в пределах вменения. Когда законодатель четко описывает последствия преступления в уголовно-правовой норме, с учетом границ, заданных принципом вины, проблем оценки последствий, как правило, не возникает. Однако если норма не описывает последствия, либо указывает на них в самом общем виде, используя оценочную лексику («тяжкие последствия») либо указывает на последствия, причинная связь которых с преступным действием представляется весьма отдаленной и даже умозрительной (как это сделано, например, в ст. 207² УК РФ), вопросы определенности содержания последствий, закономерности или непредсказуемости их возникновения, возможности лица предвидеть последствия и действовать сообразно с этим предвидением приобретают особое квалификационное значение. Непредвиденный и непредсказуемый характер возможных последствий заслуживает в данном случае самого серьезного анализа.

Обозначенные направления доктринального анализа непредвиденных обстоятельств в уголовном праве с точки зрения их влияния на формирование основания ответственности, пределы вменения и объем уголовной ответственности, наверное, не исчерпывают всего многообразия проблем, но составляют вполне зримый каркас возможной самостоятельной теории.

Заключение

Стало уже едва ли не трюизмом утверждение, что в современном мире, многократно увеличивающим состояние неопределенности, непредсказуемости и связанные с ним риски, существенно возрастают роль и значение непредвиденных обстоятельств. В криминальной сфере такие обстоятельства, связанные с совершением преступления, существенным образом способны скорректировать стандартную программу уголовно-правового реагирования на преступное поведение. Уголовное право уже давно включает предписания, так или иначе учитывающие возможность наступления непредвиденных для лица, совершающего преступление, обстоятельств. Однако эти предписания формировались, по преимуществу, как исключения из общих правил, отступления от стандартного сценария. Сегодня, как видится, они должны стать частью само-

²⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 3 квартал 2009 г. (постановление Президиума Верховного Суда РФ № 157-П09).

²⁶ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11 сентября 2012 г. № 66-О12-70.

го сценария уголовно-правового воздействия. А это требует признания непредвиденных обстоятельств самостоятельным и ценным предметом юридическо-

го анализа, разработки на основе всестороннего исследования целостной теории их понимания и учета в уголовном праве.

Список источников

1. *Кетле А.* Социальная система и законы, ею управляющие / пер. с фр. Л. Н. Шаховского. СПб., 1866.
2. *Pundik A.* La prueba predictiva en los procesos penales: Por qué el derecho penal debe tratar a las personas como si tuvieran libre albedrío impredecible // *Quaestio Facti. Revista Internacional Sobre Razonamiento Probatorio*. 2023. № 6.
3. *Порываева Н. Ф.* Алгоритмы и право // *Теория и практика общественного развития*. 2021. № 5.
4. *Кирюшкин М. В.* Алгоритмически ориентированное правоведение // *Российский юридический журнал*. 2007. № 3(55).
5. *Роуз Т.* Долой среднее! Новый манифест индивидуальности / пер. с англ. И. Ющенко. 2-е изд., испр. М., 2018.
6. *Becker G.* Crime and Punishment: An Economic Approach // *The Journal of Political Economy*. 1968. Vol. 76, № 2.
7. *Курс советского уголовного права : в 6 т. Т. II : Преступление* / авт. А. А. Пионтковский. М., 1970.
8. *Дорогин Д. А.* Разновидности юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность // *Lex russica*. 2019. № 8.
9. *Бибик О. Н.* Особенности культуры как обстоятельство, исключающее или смягчающее уголовную ответственность // *Журнал российского права*. 2013. № 3(195).
10. *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. М., 1960.
11. *Попов А. Н.* Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001.
12. *Курсаев А. В.* Случайное стечение обстоятельств как основание для смягчения наказания // *Уголовное право*. 2025. № 2.
13. *Дагель П. С., Котов Д. П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.
14. *Ситковская О. Д.* Психология уголовной ответственности. М., 1998.
15. *Крылова Н. Е.* Понятие и признаки преступного деяния в уголовном праве Франции // *Вестник Московского университета. Сер. 11. Право*. 2000. № 2.
16. *Лист Ф.* Учебник уголовного права. Общая часть / пер. Ф. Ельяшевич, с предисл. М. В. Духовского. М., 1903.
17. *Воронин В. Н.* Критерии индивидуализации наказания за неоконченное преступление (ч. 1 ст. 66 УК РФ) // *Адвокат*. 2016. № 9.
18. *Есаков Г. А.* Учение о преступлении в странах семьи общего права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.
19. *Капинус О. С., Ображиев К. В.* Экссесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // *Уголовное право*. 2018. № 2.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-190-194

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Стадия возбуждения уголовного дела: поиск баланса между процессуальной формой и доказательственной ценностью объяснений

Александр Климентьевич Шин

адъюнкт адъюнктуры¹,

✉ shin-99@inbox.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

На основе эмпирических данных и результатов анализа нормативно-правового регулирования автором оцениваются перспективы совершенствования процессуальных механизмов проверки сообщения о преступлении, включая возможность введения допроса на стадии возбуждения уголовного дела. Обращается внимание на тенденцию роста количества отказных материалов. Автор отмечает, что вопрос о доказательственном значении объяснения перманентно остается спорным из-за отсутствия четкой регламентации процессуальной формы его получения, несмотря на предусмотренную законом возможность использования объяснений в качестве доказательств (ст. 84 УПК РФ). Сближение процедур получения объяснения и допроса обусловлено сходством целей их производства (получение сведений от лиц), а также правил оформления результатов. Указывается, что допрос является следственным действием, в наибольшей степени обеспечивающим права участников, в то время как процедура получения объяснения не насыщена соответствующими гарантиями. Автор ставит вопрос о возможном введении допроса на стадии возбуждения уголовного дела, подчеркивается необходимость обеспечения баланса между эффективностью досудебного производства и обеспечением прав участников процесса.

Ключевые слова: досудебное производство, стадия, возбуждение уголовного дела, сообщение о преступлении, процессуальная проверка, процессуальные действия, получение объяснения, производство допроса

Для цитирования: Шин А. К. Стадия возбуждения уголовного дела: поиск баланса между процессуальной формой и доказательственной ценностью объяснений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 190–194.

The Stage of Initiation of Criminal Proceedings: Searching for Balance between Procedural Form and Evidentiary Value of Explanations

Aleksandr K. Shin

post-graduate student of the post-graduate courses¹,

✉ shin-99@inbox.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

On the basis of the empirical data and the results of the analysis of normative-legal regulation, the author estimates the prospects for improving the procedural mechanisms of verification of the crime report, including the possibility of introducing interrogation at the stage of initiation of criminal proceedings. The focus is made on the growing trend in the number of rejected materials. It is noted that the issue of the evidentiary value of an explanation remains permanently controversial due to the lack of clear regulation of the procedural form of its obtaining, despite the possibility provided by law to use explanations as evidence (Article 84 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). The convergence of the procedures for obtaining an explanation and interrogation is determined by similar purposes of their conducting (obtaining information from persons), as well as the rules for documenting the results. However, interrogation is the investigative action that most ensures the rights of the participants, while the procedure for obtaining an explanation does not abound with relevant guarantees. The author raises the question of the possible introduction of interrogation at the stage of initiation of criminal proceedings, emphasizing the need to ensure the balance between the effectiveness of pre-trial proceedings and ensuring the rights of participants of the trial.

Keywords: pre-trial proceedings, stage, initiation of criminal proceedings, reporting a crime, procedural verification, procedural actions, obtaining explanation, conducting interrogation

Citation: Shin A. K. The Stage of Initiation of Criminal Proceedings: Searching for Balance between Procedural Form and Evidentiary Value of Explanations. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 190–194 (In Russ.).

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью совершенствования процессуальных механизмов проверки сообщений о преступлениях. В условиях роста числа обращений граждан и увеличения процента отказов в возбуждении уголовных дел вопросы правового регулирования доказательственной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела приобретают особую значимость. Расширение процессуальных средств проверки сообщений о преступлениях, сближение стадии возбуждения уголовного дела с предварительным расследованием, а также проблемы, связанные с нарушением баланса между эффективностью уголовно-процессуальной деятельности, в том числе в процессе доказывания, и защитой прав лиц и организаций, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, требуют глубокого научного осмысления.

По результатам анализа статистических данных о количестве возбужденных уголовных дел и постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (отказных материалов) за 2021–2024 гг. можно сделать вывод, что количество последних превышает количество возбужденных уголовных дел в 3–4 раза¹.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова во время интервью генеральному директору медиагруппы «Россия сегодня» сделала акцент на том, что наибольшее количество обращений, связанных с расследованием и раскрытием преступлений и отправлением правосудия, касаются незаконных и необоснованных отказов в возбуждении уголовного дела. Данное обстоятельство, в числе прочих, в очередной раз подтверждает несовершенство правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела и указывает на необходимость оценки оптимальности перечня средств рассмотрения сообщения о преступлении.

Подходить к вопросу о пределах расширения процессуальных действий, с помощью которых устанавливается наличие либо отсутствие основания для возбуждения уголовного дела, следует с осторожностью. С одной стороны, возбуждение уголовного дела не должно превращаться в «квази-расследование» [1], утратив функцию так называемого фильтра, с другой — средств и методов должно быть достаточно для принятия законных и обоснованных решений.

При определении достаточности процессуальных средств проверки сообщения о преступлении закономерно возникает вопрос о процессуальной

форме получения сведений от лиц, не наделенных формально определенным статусом, что обуславливает необходимость сопоставления процедур получения объяснения и производства допроса.

Перечень средств процессуальной проверки, скорректированных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) в 2013 г., не всегда имел привычный для нас вид. УПК РСФСР 1960 г. вообще не предусматривал возможность производства следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела. По мере развития и совершенствования советского уголовно-процессуального закона арсенал средств проверки сообщения о преступлении постепенно пополнялся. Уже в редакции 1963 г. ст. 178 УПК РСФСР была дополнена положениями, позволяющими производить осмотр места происшествия в случаях, не терпящих отлагательства. При этом законодатель, разрешая производство данного следственного действия до возбуждения уголовного дела, проявил осторожность, ограничив объекты, подлежащие осмотру. Отметим, что легализация именно такого следственного действия, как осмотр, неслучайна. В. М. Савицкий по этому поводу обоснованно обращал внимание на его ознакомительный характер, а также отсутствие в нем элементов принуждения. По мнению ученого, здесь их «нет или почти нет» [2, с. 104–105]. Полагаем, с приведенными аргументами следует согласиться.

Отметим, что в первоначальной редакции положений УПК РФ, непосредственно посвященных порядку рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ), не предусматривалось производства каких-либо следственных и иных процессуальных действий. Вместе с тем в ч. 4 ст. 146 было указано, что при направлении прокурору постановления о возбуждении уголовного дела к нему должны были прилагаться материалы проверки сообщения о преступлении, а в случае производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы), — соответствующие протоколы и постановления.

Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ² в ст. 144 УПК РФ были внесены изменения, согласно которым при рассмотрении сообщения о преступлении стало возможным производство документальных проверок, ревизий, привлечение к их участию специалистов. Любопытно, что Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ изменил со-

¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41863> (дата обращения: 11.01.2025).

² Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативно-правовым актам из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

держание ст. 146 УПК РФ и в законе больше не осталось какого-либо упоминания о судебной экспертизе и освидетельствовании на первоначальной стадии уголовного процесса. Корректировки, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ, установили возможность при необходимости производить до возбуждения уголовного дела осмотр трупа (ч. 4 ст. 178 УПК РФ), а также в случаях, не терпящих отлагательства, проводить освидетельствование (ч. 1 ст. 179 УПК РФ). Впоследствии в редакции закона в 2010 г. появились положения о требовании производства документальных проверок, ревизий, исследовании предметов, документов и трупов.

Действующее в то время правовое регулирование, которое подразумевало в качестве обязательного условия для производства следственных действий наличие возбужденного уголовного дела, являлось олицетворением негативного отношения законодателя к возможности производства следственных действий до принятия соответствующего процессуального решения. В настоящее время, с учетом расширенного перечня следственных действий, допускаемых до возбуждения уголовного дела, можно говорить о смене консервативных взглядов законодателя. Думается, что такой подход обусловлен наличием принудительного потенциала при производстве следственных действий. Тем не менее производство освидетельствования было разрешено, несмотря на отсутствие прямого указания об этом в ст. 144 УПК РФ. Перечень средств процессуальной проверки сообщения о преступлении, регламентированный редакцией закона от 23 марта 2010 г., существовал вплоть до 4 марта 2013 г.

В результате проведенных преобразований в содержание ст. 144 УПК РФ были включены не только иные процессуальные действия, но прямо предусмотрено производство следственных действий. С тех пор оно не изменялось и сохранилось до настоящего времени.

Учитывая очевидную тенденцию к расширению средств процессуальной проверки, считаем целесообразным высказать свою позицию относительно перспективы дополнения ст. 144 УПК РФ, в том числе в части развития процессуальных форм получения сведений от лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Известно, что следственные действия являются универсальным способом получения доказательств. Их производство, как уже было отмечено ранее, по общему правилу, допускается только после возбуж-

дения уголовного дела. Перечень исключений из данного правила строго оговорен законодателем.

В результате внесенных в 2013 г. изменений средства проверки сообщения о преступлении расширены за счет возможности проведения различных следственных, процессуальных и иных действий, в том числе получения объяснений от граждан (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Предусмотренная законом возможность получения объяснения на этапе возбуждения уголовного дела оценивается нами положительно, поскольку позволяет зафиксировать первоначальную устную информацию, имеющую значение для принятия итогового решения. При получении объяснения устанавливаются детали произошедшего (если речь не идет о готовящихся преступлениях), события, влияющие на квалификацию деяния, круг участвующих лиц, что играет большую роль для предварительной правовой оценки содеянного. Отсутствие такого рода источника информации затрудняет принятие решений, круг которых установлен ст. 145 УПК РФ. Стоит отметить, что без получения объяснений не обходится практически ни одна «доследственная проверка» [3, с. 122; 4, с. 34]. Однако отсутствие детальной регламентации получения объяснения в контексте совпадающих методов получения сведений в ходе объяснения и допроса вызывает трудности в практической деятельности.

В реальном правоприменении нередки случаи, когда сведения, содержащиеся в объяснениях, полученные в рамках проверки сообщения о преступлении, дублируются без изменений и дополнений в протоколах допроса. В подтверждение данного тезиса приведем результаты эмпирического исследования. Нами были изучены уголовные дела и материалы доследственных проверок, сопоставлены сведения, содержащиеся в объяснениях и протоколах допроса, в целях выявления случаев полной идентичности, дублирования без дополнений и изменений, в результате чего возникают основания говорить о распространенности такого явления³.

В использованных правоприменителем бланках объяснения указываются аналогичные протоколу допроса реквизиты, за исключением предупреждения об уголовной ответственности. Идентичной также является и структура протокола допроса и объяснения. Из этого с очевидностью следует, что внешняя форма объяснения максимально приблизилась к протоколу допроса. Объясняется это тем, что в целях повышения доказательственного значения полученных до возбуждения уголовного дела сведе-

³ Всего были изучены материалы 50 уголовных дел, содержащих объяснения, полученные в порядке ст. 144 УПК РФ, а также протоколы допросов. В 33,3% случаев показания, содержащиеся в протоколах допроса, были полностью идентичны сведениям, имеющимся в объяснениях. В 9,8%, помимо идентичных сведений, содержалась дополнительная значимая информация.

ний из объяснения правоприменитель пользуется апробированным правоприменительным бланком протокола допроса.

В отличие от получения объяснения, при допросе передача и восприятие информации осуществляются в условиях надлежащих процессуальных гарантий [5, с. 9]. Результатом допроса являются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта как источник доказательств. При получении объяснения от лица, которое не имеет процессуального статуса, собираются сведения доказательственного значения, зафиксированные в письменном виде. Относить их к показаниям нельзя. Фактически, им присущи признаки «иного документа».

Обратим внимание на то, что производство допроса, как и любого другого следственного действия, обеспечено силой государственного принуждения (привод, предупреждение об уголовной ответственности по ст. ст. 308, 307 УК РФ). В ходе получения объяснения это недопустимо, поскольку, по общему правилу, до возбуждения уголовного дела меры процессуального принуждения не применяются.

Материалы проверки сообщения о преступлении впоследствии становятся частью уголовного дела. В случае выполнения требований ч. 1² ст. 144 УПК РФ они могут считаться доказательствами [6, с. 74]. Если объяснение содержит сведения, с помощью которых устанавливаются обстоятельства, оно попадает под критерии доказательств, которые вытекают из смысла ч. 1 ст. 74 УПК РФ и других связанных с ней положений.

Отметим, что буквальное понимание ст. 84 УПК РФ дает основание считать, что к иным документам относятся сведения, полученные преимущественно из «непроцессуальной среды». Согласно ст. 84 УПК РФ иные документы допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ. Однако объяснение, даже при условии недостаточной правовой регламентации, является результатом именно процессуального действия (получения объяснения), что выделяет его из других указанных в ч. 2 ст. 84 УПК РФ носителей информации.

В части 1² ст. 144 УПК РФ законодатель прямо указал, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. ст. 75 и 89 УПК РФ, что можно расценивать (с определенной долей условности) в качестве дискреционных полномочий субъектов, проводящих проверку сообщения о преступлении. Другими словами, в случае невыполнения предписаний ст. ст. 75 и 89 УПК РФ доказательственное значение будет яв-

ляться минимальным, поскольку будет выполнять роль ориентирующей информации для дальнейшего производства допроса. Здесь надлежит иметь в виду, что нарушение процессуальной формы получения объяснения может поставить под угрозу законность и обоснованность итогового процессуального решения стадии возбуждения уголовного дела.

Интересно, что согласно п. 2 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ при производстве дознания в сокращенной форме допускается не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, когда необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения, которые не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. Таким образом, законодатель создал прецедент замещения допроса получением объяснения.

Согласно ст. 88 УПК РФ доказательства, закрепленные в ст. 74 УПК РФ, должны отвечать критериям относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности. Относимость получения объяснения заключается в способности устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ). Допустимость получения объяснения проявляется путем соблюдения ст. ст. 75 и 89 УПК РФ, а также законности, которая выражается в обеспечении прав лиц (разъяснение прав и обязанностей, предусмотренных ст. 51 Конституцией РФ; разъяснение права давать объяснения в присутствии адвоката). Одним из ключевых средств достижения достоверности при производстве допроса является уголовная ответственность за заведомо ложные показания. На наш взгляд, для обеспечения достоверности сведений необходимо экстраполировать правовой механизм, связанный с ответственностью, предусмотренный для производства допроса, на получение объяснения. Таким образом, лица, дающие объяснения, должны подлежать ответственности за дачу заведомо ложных сведений.

Известно, что на стадии возбуждения уголовного дела у лиц отсутствуют формально определенные процессуальные статусы. В то же время к ответственности по ст. 307 УК РФ не может быть привлечено лицо, в отношении которого проводится деятельность по изобличению в преступлении. Не вдаваясь в дискуссию, оговоримся, что мы относим себя к сторонникам позиции об осуществлении уголовного преследования с момента появления повода для возбуждения уголовного дела (т. е. до принятия соответствующего решения). Полагаем, что лицам,

у которых получают объяснения, если они потенциально могут стать потерпевшими или свидетелями, т. е. в ходе проверки сообщения о преступлении они являются так называемыми «пострадавшими», «заявителями», «очевидцами», должна разъясняться обязанность сообщать правдивые сведения. При надлежащем доктринальном осмыслении, подкрепляемом данными более масштабных эмпирических исследований, можно будет вести речь о введении уголовной ответственности за дачу заведомо ложных объяснений.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что сближение процессуальной формы объяснения и допроса в большей степени связано с повышением формализации первого. Современные реалии диктуют свои условия. Сегодня объяснение превращается в полноценное процессуальное средство предварительного расследования, например, при осуществлении дознания в сокращенной форме. Само по себе процессуальное действие «получение объяснения» по своей сути превратилось в сокращенный (усеченный) допрос, что, в свою очередь, повысило доказательственное значение получаемых сведений. В определенном смысле справедливы суждения В. Д. Арсеньева, который усматривал в объяснениях «зачаточную форму» доказательств, которым предстоит трансформироваться в показания на последующих стадиях процесса [7, с. 7]. Однако нужно солидаризироваться с С. А. Шейфером в том, что проверочные

действия должны быть простыми, свободными от формальностей, не требующими длительных затрат времени [8, с. 48].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования процессуальных механизмов проверки сообщений о преступлениях. Существующая практика получения объяснений имеет недостатки, связанные с отсутствием четкой процессуальной регламентации, что снижает доказательственное значение полученных сведений. Сближение процессуальных форм получения объяснения и допроса, а также тенденция к их унификации свидетельствуют о необходимости пересмотра подходов к собиранию доказательств на данной стадии.

Введение допроса на стадии возбуждения уголовного дела может стать эффективным инструментом для повышения качества доказательственной базы и обеспечения законности принимаемых решений. Однако такая мера требует глубокого научного осмысления, в том числе с точки зрения обеспечения процессуальных гарантий для участников процесса, таких как: право на квалифицированную юридическую помощь, включая право на защиту, и предупреждение об ответственности за сообщение заведомо ложных сведений. Указанное в результате позволит обеспечить баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой прав граждан, вовлеченных в уголовный процесс.

Список источников

1. Мичурина О. В. Эволюция порядка рассмотрения сообщения о преступлении: от доследственной проверки до квазирасследования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-poryadka-rassmotreniya-soobscheniya-o-prestuplenii-ot-dosledstvennoy-proverki-do-kvazirassledovaniya/viewer> (дата обращения: 08.01.2025).
2. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975.
3. Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1980.
4. Михайленко А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов, 1975.
5. Зажицкий В. И. Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ. СПб., 2015.
6. Мамедов О. Я. Объяснение в системе доказательств по уголовному делу // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3.
7. Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса // Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству. Сер. юридич. 1969. Т. 45. Вып. 8. Ч. 4.
8. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004.

УДК 343.9

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-195-199

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Информационно-технологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел

Равиль Михайлович Абызов

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
независимый исследователь¹, ✉ rav1861@yandex.ru

Константин Равилевич Абызов

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин², ✉ abyzovkr@yandex.ru
¹ (Москва, Россия)

² Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

Актуальность темы обусловлена необходимостью исследования степени вовлеченности современных цифровых технологий в деятельность органов внутренних дел по поддержанию правопорядка, эффективности использования их возможностей в защите жизни, здоровья и благополучия граждан России. В условиях острой нехватки кадров требуется повысить эффективность их работы с использованием современных цифровых технологий. Целью настоящей работы является анализ положения дел в подразделениях органов внутренних дел в части использования в деятельности современных информационных технологий. Научная новизна заключается в исследовании возможностей сотрудников использовать современные информационные технологии для противодействия преступности.

В работе анализируется современное состояние профессиональных кадров, обеспеченность их современными информационными технологиями, эффективность борьбы с преступностью, рассматриваются результаты исследований отечественных ученых и практиков относительно тенденций российской преступности. Предлагаются меры по оптимизации системы информационно-технологического обеспечения ОВД, приводится примерный перечень информационных платформ, использование которых позволит совершенствовать работу сотрудников полиции.

Ключевые слова: информационные технологии, искусственный интеллект, нейротехнологии, деятельность ОВД, информационные платформы, преступность

Для цитирования: Абызов Р. М., Абызов К. Р. Информационно-технологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 195–199.

Information and Technological Support for the Activities of Law Enforcement Bodies

Ravil M. Abyzov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, independent researcher¹, ✉ rav1861@yandex.ru

Konstantin R. Abyzov

Candidate of Science (in Law), Professor, Associate-Professor at the chair of Civil Law disciplines², ✉ abyzovkr@yandex.ru
¹ (Moscow, Russia)

² the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Barnaul, Russia)

The relevance of the topic is determined by the need to study the degree of involvement of modern digital technologies in law enforcement bodies' activities in maintaining law and order, the effectiveness of using their capabilities in protecting the life, health and well-being of Russian citizens. In conditions of dramatical shortage of personnel, it is necessary to improve the efficiency of their work using modern digital technologies. The purpose of this paper is to analyze the situation in the subdivisions of law enforcement bodies in terms of using modern information technologies in their activities. Scientific novelty lies in the study of officers' abilities to use modern information technologies to fight crime.

The paper analyzes the current state of professional staff, their provision with modern information technologies, the effectiveness of the fight against crime, and considers the results of research of domestic scientists and practitioners regarding the trends in Russian crime. The paper proposes measures to optimize the system of information and technological support of law enforcement agencies, comprises a model list of information platforms, the use of which will improve the work of police officers.

Keywords: information technologies, artificial intelligence, neurotechnologies, law enforcement bodies' work, information platforms, crime

Citation: Abyzov R. M., Abyzov K. R. Information and Technological Support for the Activities of Law Enforcement Bodies. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 195–199 (In Russ.).

Современное состояние преступности в России и неспособность правоохранительных органов эффективно противодействовать отдельным ее видам (например, высокотехнологичным компьютерным преступлениям, организованному криминальному бизнесу по незаконной миграции, цифровому подполью в виде криптовалют и т. п.) обусловлены накопившимися на протяжении многих лет в деятельности ОВД системными проблемами. В МВД в последние полтора десятка лет были осуществлены несколько крупномасштабных реформ, которые, несмотря на тенденции снижения зарегистрированных показателей общеуголовной преступности, пока что не привели к ощутимым положительным результатам в борьбе с экономическими и компьютерными преступлениями. Сегодня речь идет в меньшей степени о профессиональной компетентности сотрудников полиции, в большей — о гигантском их некомплекте, чего не наблюдалось уже несколько десятков лет. Отток профессиональных кадров из системы кардинальным образом остановлен не был, что ослабило возможности территориальных подразделений ОВД в борьбе преступностью.

Количество правонарушений, на которые фактически приходится реагировать сотрудникам полиции, намного больше предусмотренных нормативами, в силу чего и участковые уполномоченные, и оперативные работники, и следователи, и дознаватели, не справляясь с фактическими перегрузками, вынуждены покидать систему.

Кроме того, в сложных ситуациях, требующих от полицейского глубоких знаний и профессионального опыта, не всегда принимаются адекватные решения, что приводит к субъективизму применения норм. Так, до 80% всех отказных материалов сегодня готовят участковые уполномоченные полиции [1, с. 13], в то время как законность регистрации правонарушений и рассмотрения их во многом зависит от правильности толкования ими закона и добросовестности оценки произошедшей ситуации.

Следует согласиться с утверждением С. П. Федоренко, что сегодня взаимодействие правоохранительных органов с гражданами в электронно-виртуальной среде крайне ограничено. В силу чего страте-

гически важной является разработка приложений носимых устройств для деятельности сотрудников ОВД, в первую очередь для участковых уполномоченных полиции. По мнению автора, по многим направлениям эта работа сегодня попросту провалена, поэтому требует существенной модернизации [2, с. 36–41].

Преимущества и выгоды от таких приложений очевидны и были бы обоюдными: с одной стороны, участковый, получая большие объемы полезной оперативной информации, смог бы обеспечить массовость охвата контингента на территории оперативного обслуживания; с другой — граждане получили бы возможность оперативно общаться с участковым, пересылать ему информацию и жалобы и отслеживать ход их рассмотрения и принятия по ним решений.

По мнению А. В. Евсеева, большинство из существующих проблем органов внутренних дел связаны с недостаточным информационно-технологическим и криминологическим обеспечением своей деятельности. В частности, опросы, проведенные им (2016 г.), демонстрируют низкое качество взаимодействия субъектов в этом направлении: 49% респондентов оценили его как неудовлетворительное и скорее неудовлетворительное; 51% — как удовлетворительное и скорее удовлетворительно [1, с. 35]. Однако, по данным ВНИИ МВД России, уже в 2020–2024 гг. отмечается заметное улучшение показателей оценки деятельности органов внутренних дел в части: а) защищенности граждан от преступных посягательств; б) доверия граждан сотрудникам полиции; в) эффективности деятельности органов внутренних дел в целом.

Информационные технологии, используемые в правоохранительной деятельности, определяют как система процессов и действий в отношении правоохранительной информации, включая ее сбор, хранение, аналитику и передачу с помощью средств вычислительной техники. На основе содержащейся в базах данных правоохранительной информации формируются автоматизированные системы обработки данных, поискового, распознающего, справочно-управленческого характера [3, с. 121–122]. Все эти традиционные системы используются в правоохрани-

нительной деятельности органов внутренних дел, однако современные технологии пока внедряются медленно и с большой неохотой со стороны сотрудников территориальных подразделений.

Другой важной проблемой для ОВД является низкая эффективность организационно-управленческих решений и мер противодействия преступности. Подобное положение дел объясняется следующим. Во-первых, катастрофическим дефицитом кадрового состава; во-вторых, нежеланием изучать и внедрять передовой опыт, использовать современные компьютерные технологии.

Основными приоритетами и главными критериями оценки работы сотрудников органов внутренних дел, по мнению О. С. Ефремова, должны стать законность, профилактика, подотчетность полиции обществу, обеспечение общественной безопасности и контроль над преступностью [4, с. 23]. Отмеченное, продолжает далее автор, позволяет кардинально изменить деятельность полиции в лучшую сторону путем: 1) совершенствования системы управления; 2) качественного улучшения профессиональной подготовки сотрудников полиции; 3) приведения в порядок документооборота и обмена информацией, и т. п.

Сегодня на постсоветском пространстве среди различных ветвей власти возникли острые противоречия в сфере миграционной политики и действующего законодательства. Незаконная миграция превратилась в неконтролируемый процесс, охватывающий все большее социальное и территориальное пространство, что в свою очередь обусловило перерождение государственных институтов, проникновение преступной субкультуры в социальную сферу российского общества [5, с. 4]. Все это требует от правоохранительных органов разработки новой стратегии, определения ключевых приоритетов и эффективных методов борьбы с преступностью, отвечающих современным вызовам.

Полиция большинства зарубежных стран давно и успешно использует различные модели правоохранительной деятельности, среди которых особенно популярной в последние годы стала полицейская деятельность на основе оперативных данных и достоверной информации, предполагающая взаимодействие штатных аналитиков с руководителями полицейских органов [6, с. 14–15]. Профессия штатного аналитика, в нашем случае криминолога-практика, отсутствующая сегодня в России, зародилась в Великобритании, позднее была заимствована полицией США. В обязанности такого специалиста входит изучение преступности и ее причин; личности преступника и жертв преступлений; современные методы прогнозирования и предупреждения преступности.

Конечно же, такой специалист нужен и в науке, и на практике. Однако в СССР и в современной России практические работники к криминологическим исследованиям относятся часто скептически, отдавая более предпочтение раскрытию и расследованию преступлений, нежели их предупреждению.

Современные российские криминологи — это в большинстве ученые-теоретики, старшее поколение которых постепенно уходит из науки, а новое оказалось неспособным обеспечить равноценную им замену. Практика борьбы с преступными проявлениями все больше отдаляется от научного сопровождения, в силу чего криминология превращается во второстепенную научную дисциплину, лишаясь практической востребованности.

Сегодня в российском обществе, характеризующемся масштабной криминализацией практически всех сфер жизнедеятельности (социальной, политической, экономической и пр.), появились неизвестные ранее преступления и способы их совершения, что потребовало от сотрудников органов внутренних дел глубоких аналитических знаний и практических навыков в сочетании с профессиональным опытом и владением информационными технологиями [7, с. 4–5]. Современная киберпреступность не щадит никого: ни крупные корпорации, ни средний и мелкий бизнес, даже отдельных граждан. Это актуализирует непростые вопросы о том, какой представляется нам будущая преступность, как и кто защитит граждан и общество, на что способно государство в противостоянии с организованным криминалом, наркомафией и терроризмом.

Ответы на эти вопросы предложили В. Овчинский и Е. Ларина в своей книге «Криминал будущего уже здесь», в которой представлена картина завтрашней преступности. В ней, в частности, говорится о появлении высокотехнологичной преступности и роли в ней ОПГ; о криминальном бизнесе, связанном с незаконной миграцией; о цифровом подполье в виде криптовалют; о преступных биотехнологиях; об использовании робототехники в преступных целях и др.

Справедливости ради следует отметить, что сегодня уже речь идет о создании новейших технологий, таких как интеллектуальный анализ данных и интеллектуальной среды моделирования безопасного развития региона. Технологии представляют собой программные продукты, способные анализировать данные пространственной локализации и предназначенные в том числе для сбора, обработки, моделирования и анализа больших данных [8, с. 416].

На основе геоинформационных технологий уже разработан модуль «Crime Analyst», с помощью которого стало возможным оперативно проводить сравнительный анализ данных о преступности; создавать аналитические карты преступности; определять оча-

ги преступности с прогнозом мест и времени совершения будущих преступлений [9, с. 58]. Российские правоохранители пока что такими прогрессивными технологиями не владеют, да и необходимых специалистов не хватает.

Это заставляет признать, что сегодня организация информационно-технологического обеспечения деятельности ОВД не соответствует современным криминогенным угрозам, прежде всего из-за отсутствия надлежащего правового регулирования информационно-технологического обеспечения деятельности ОВД, примитивности традиционных информационных систем, формализованной системы подготовки сотрудников информационно-аналитических подразделений ОВД.

Вместе с тем новым явлением в процессе внедрения информационных технологий в общественную практику стали цифровые технологические (онлайн) платформы, действующие на базе программных алгоритмов (компьютерных кодов) в сочетании с компьютерным оборудованием, большими аналитическими данными, искусственным интеллектом и т. д. Авторы одного из последних учебников «Цифровое право» определяют платформы в качестве совокупности онлайн-цифровых механизмов, алгоритмы которых обслуживают организацию и структуру экономической и социальной деятельности [10, с. 640].

Применительно к деятельности правоохранительных органов в современных условиях наиболее адаптированными, на наш взгляд, могут стать следующие информационные платформы:

- 1) платформа межведомственного электронного взаимодействия по созданию единой системы нормативной справочной информации и обмену необходимыми данными;
- 2) платформа для регистрации, анализа и представления статистических данных о правонарушениях и лицах, их совершивших;
- 3) платформа идентификации, включая биометрическую, с созданием цифровых профилей граждан и юридических лиц;
- 4) платформа для приема обращений граждан и субъектов предпринимательской деятельности в связи с нарушениями их прав и законных интересов;
- 5) единая цифровая платформа для предложений граждан по совершенствованию деятельности ОВД и устранению недостатков в работе конкретных сотрудников;
- 6) платформа с принципом действия обратной связи («одного окна») для рассмотрения обращений граждан, поступающих в электронной форме.

Анализ нормативного материала, регламентирующего роль и влияние платформизации на деятельность ОВД, позволил выявить недостатки:

а) многообразие различных видов цифровых платформ, затрудняющих их понимание и использование в сфере правоохранительной деятельности; б) на фоне множества действующих цифровых платформ отсутствие единой цифровой среды доверия к ним. В итоге вся платформизация представляется пока что хаотичным явлением с ограниченным результатом и неприятием ее сотрудниками ОВД.

Следует отметить и такую весьма важную проблему, как отчужденность пользователей от цифровых платформ, выражающуюся в отношении к цифровым коммуникациям как обременительным, навязанным, дискомфортным. Как следует из результатов исследований, проведенных Д. В. Ивановым и Ю. В. Асочаковым, неприятие и отчужденность пользователей от навязываемых цифровых технологий отметили большинство (до 80%) опрошенных респондентов в Москве и Санкт-Петербурге. Рутинность навязывания цифровых технологий проявляется в обыденности практик, укорененных в сформированных социальных структурах и нормативных порядках [11, с. 16–28]. Между тем уже существующие платформы, при грамотном их внедрении в практику (обучение, инструктажи, тренинги и прочее) способны перевести традиционные производства на цифровые рельсы и устранить недостатки в профессиональной деятельности сотрудников ОВД.

На текущий момент информационные технологии (искусственный интеллект) уже достаточно активно задействованы в правоохранительной деятельности при поиске преступников, в борьбе с терроризмом, экстремизмом и наркобизнесом. Первый мобильный биометрический комплекс (МБК), размещающийся в транспортном средстве сотрудников полиции и подключенный к десяти камерам видеонаблюдения, способен считывать информацию и одновременно анализировать ее. Во время массовых мероприятий, как отмечают В. А. Мазуров и М. А. Стародубцева, система способна не только идентифицировать правонарушителей в режиме реального времени, но и оперативно направлять на мобильные устройства сотрудников полиции фотографии лиц с краткой информацией о совершенных ими правонарушениях [12, с. 46–50].

Уже сегодня активно изучаются возможности применения нейросетей для выявления мошеннических транзакций и пресечения преступлений в экономической сфере [13, с. 30–32]; в качестве средства профилактики коррупции в контрольно-надзорной деятельности [14, с. 126–142]; в сфере обеспечения национальной безопасности государства [15, с. 379–386] и т. д. Достижения нейронаук настолько активно используются криминологией, что уже можно говорить о становлении новой области знаний — нейрокриминологии.

Список источников

1. *Евсеев А. В.* Организация криминологического обеспечения предупреждения преступлений территориальными органами МВД России на районном уровне : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
2. *Федоренко С. П.* Электронные платформы взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества как средство защиты правопорядка // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3.
3. *Холодная Е. В.* Информационно-технологическое обеспечение правоохранительной деятельности // Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech) : учебник / под ред. А. В. Минбалеева. М., 2023.
4. *Ефремова О. С.* Криминологическое обеспечение предупреждения преступлений в субъекте РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2017.
5. *Радовицкий К. А.* Преступность в современной России: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004.
6. *Руководство ОБСЕ по полицейской деятельности на основе оперативных данных и информации.* Вена, 2017.
7. *Абызов Р. М.* К вопросу о совершенствовании криминологического обеспечения деятельности ОВД // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул, 2020.
8. *Овчинский В., Ларина Е.* Искусственный интеллект. Большие данные и преступность. М., 2018.
9. *Абызов Р. М.* Прогнозирование и противодействие региональной преступности (по материалам Алтайского края) : монография. Барнаул, 2019.
10. *Цифровое право* : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2020.
11. *Иванов Д. В., Асочаков Ю. В.* Цифровизация и критическая теория общества // Социологические исследования. 2023. № 6.
12. *Мазуров В. А., Стародубцева М. А.* Искусственный интеллект как средство прогнозирования и противодействия преступности // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 3.
13. *Гарифуллин И. М.* Использование нейросетей для выявления мошеннических транзакций // Инновационная наука. 2021. № 3.
14. *Цирин А. М., Артеменко Е. А.* Цифровые технологии и искусственный интеллект как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3.
15. *Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р.* Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Государственное и муниципальное управление». 2020. Т. 7. № 4.

УДК 343:342:347.19

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-200-204

5.1.4 Уголовно-правовые науки

5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки

5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки

Должностные преступления работников хозяйственных обществ: перспектива конституционного нормоконтроля

Владимир Анатольевич Болдырев

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права¹,

профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики²,

✉ vabold@mail.ru

¹ Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Северо-Западный филиал (Санкт-Петербург, Россия),

² Новосибирский государственный университет, Экономический факультет (Новосибирск, Россия)

Привлечение к уголовной ответственности работников акционерных обществ за совершение должностных преступлений в условиях, когда эти лица не имеют законного доступа к сведениям об осуществлении публично-правовым образованием контроля над работодателем, свидетельствует об объективном вменении. Установленная уголовным законом ответственность за совершение должностных преступлений для работников хозяйственных обществ в данном случае не согласуется с содержанием Конституции Российской Федерации в ее истолковании органом конституционного нормоконтроля.

Ключевые слова: уголовная ответственность, экономическое преступление, должностное лицо, реестр акционеров, акционерное общество, корпоративный контроль, косвенный контроль, объективное вменение

Для цитирования: Болдырев В. А. Должностные преступления работников хозяйственных обществ: перспектива конституционного нормоконтроля // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 200–204.

White-Collar Crimes of Employees of Business Companies: Perspective of Constitutional Norm Control

Vladimir A. Boldyrev

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of Civil Law¹,

Professor at the chair of Legal Maintenance of Market Economy²,

✉ vabold@mail.ru

¹ Russian State University of Justice named after Lebedev V.M., North-Western branch (St. Petersburg, Russia),

² Novosibirsk State University, Department of Economics (Novosibirsk, Russia)

Bringing to criminal liability of employees of joint-stock companies for committing white-collar crimes in conditions when these persons do not have legal access to information about the exercise of control over the employer by a public-law entity is evidence of objective incrimination. The liability established by the criminal law for committing white-collar crimes for employees of economic companies in this case does not conform to the content of the Constitution of the Russian Federation as interpreted by the body of constitutional norm control.

Keywords: criminal responsibility, economic crime, official, shareholder register, joint-stock company, corporate control, indirect control, objective incrimination

Citation: Boldyrev V. A. White-Collar Crimes of Employees of Business Companies: Perspective of Constitutional Norm Control. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 200–204 (In Russ.).

Действующая редакция пункта 1 примечаний к ст. 285 УК РФ включает в число должностных лиц, могущих нести уголовную ответственность по правилам главы 30 УК РФ «Преступления против го-

сударственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», граждан, выполняющих трудовую функцию в хозяйственных обществах, при условии, что они

контролируются Российской Федерацией, ее субъектом или муниципальным образованием. К качеству соответствующей дефиниции были вопросы еще до момента принятия действующей редакции нормы, поскольку цивилистическая модель корпоративного контроля в ней была воспринята неверно [1]. Идея использовать зарубежный опыт при разработке норм, призванных противостоять беловороничковой преступности, высказывались в литературе [2]. Но не только сходная с российской практика делегирования за рубежом публично-властной компетенции структурам, не имеющим статуса государственного органа, подталкивала к заимствованию этой идеи. В советской системе также существовал собственный опыт включения работников хозяйствующих субъектов в число должностных лиц. Пространство для проведения аналогий и поиска причин происшедших изменений в определении должностного лица является широким, дающим повод использовать различную методологию. Формально-догматический метод, поиск на основе системного анализа и наблюдений за судебной практикой видятся нам более эффективными для демонстрации качества проделанной правотворческой работы.

О различном понимании правовых процессов и юридических категорий исследователями, специализирующимися на проблематике гражданского и уголовного права, неоднократно сообщалось в публикациях последних лет, посвященных проблематике межотраслевого взаимодействия норм [3; 4]. Неудивительно, ведь область исследований задает стиль мышления и определяет характер решений, принимаемых далеко за рамками профессиональной стороны жизни юристов [5, с. 149]. То, о чем мы думаем, влияет на то, как мы мыслим, к какой методологии прибегаем [6, с. 140].

Стартовая точка в исследованиях уголовно-правовой тематики часто находится далеко за пределами нужного отправного пункта: вопрос о том, следовало ли вообще вводить уголовную ответственность за то или иное деяние, подменяется обоснованием того, почему она нужна [7]. Рационализация научным сообществом решений законодателя, связанных с дополнением уголовного закона новыми составами преступлений, является, по сути, их сакрализацией.

В области исследований ответственности за должностные преступления существуют важные, но очень осторожные попытки сказать, что работ-

ник акционерного общества, совершая должностное преступление, может ошибаться: не осознавать, что является должностным лицом [8, с. 42] и что уголовно-правовой статус работника акционерного общества очень подвижен [9, с. 29]. Мы будем более категоричны и скажем, что действующее содержание легального определения должностного лица создает повод для объективного вменения более тяжелого преступления, чем то, которое осмысленно совершается работником акционерного общества.

Общим названием «хозяйственные общества» объединены две организационно-правовые формы юридических лиц: акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью (п. 4 ст. 66 ГК РФ).

Правовое положение акционерного общества, права и обязанности акционеров определяются ГК РФ и Законом об акционерных обществах (п. 4 ст. 96 ГК РФ). Компетенция органов управления акционерных обществ наиболее общим образом описана в нормах Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»¹ (далее — Закон об АО). Содержание позитивного права позволяет утверждать, что в случае, когда оценивается возможность привлечения гражданина к уголовной ответственности за должностное преступление, должна даваться оценка содержанию реестра акционеров общества на момент (моменты) совершения инкриминируемых деяний². В силу п. 4 ст. 97 ГК РФ обязанности по ведению реестра акционеров публичного акционерного общества осуществляются организацией, имеющей предусмотренную законом лицензию. Если ставится вопрос о косвенной принадлежности голосов, то предметом исследования должны быть реестры акционеров всех обществ, контролируемых публично-правовым образованием, входящих в цепь связей, обеспечивающих корпоративный контроль.

Сведения о публично-правовых образованиях не указываются в списках аффилированных лиц акционерных обществ³. Более того, на основании п. 1 ст. 91 Закона об АО к спискам аффилированных лиц общество обязано обеспечить доступ только акционерам и только по их требованию.

Специальной нормой п. 3.13 ст. 8 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» устанавливается правило: лицо, которое осуществляло ведение реестра, предоставляет сведения

¹ Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Закон об АО (п. 1 ст. 49, п. 1 ст. 51); Об общих собраниях акционеров: положение Банка России от 16 ноября 2018 г. № 660-П (п. 3.2).

³ О некоторых вопросах, связанных с раскрытием информации об аффилированных лицах: письмо ФАС России № СП/102596/20, Банка России № ИН-06-28/163 от 24 ноября 2020 г.

и имеющиеся у него документы, связанные с ведением им этого реестра, эмитенту (лицу, обязанному по ценным бумагам) по его требованию, Банку России, судам и арбитражным судам (судьям), при наличии согласия руководителя следственного органа — органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве, а также органам внутренних дел при осуществлении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений в сфере экономики при наличии согласия руководителя указанных органов.

Таким образом, из законодательства следует, что работнику акционерного общества (кроме физического лица, выполняющего функции единоличного исполнительного органа), не должно и не может быть известно о том, какие лица контролируют данное хозяйственное общество и относится ли к числу таких лиц публично-правовое образование.

Данные об акциях работодателя не открыты для сведения работников, а значит, работники не могут знать, что они являются специальными субъектами должностных преступлений, для которых установлена повышенная ответственность за совершение коррупционных правонарушений. В частности, отличаются санкции статей, предусматривающих уголовную ответственность за коррупционные нарушения, образующие составы коммерческого подкупа (получения имущества) и получения взятки (табл.). Очевидно, что состав коммерческого подкупа предполагает применение менее строгих уголовно-правовых санкций, чем состав получения взятки.

Отраженная в легальном определении должностного лица возможность осуществления функции в хозяйственном обществе, находящемся по контролю Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, создает правовую ситуацию, в которой для работника хозяйственного общества отсутствует правовая определенность в вопросе о том, является ли он

субъектом преступлений, для которых уголовная ответственность за коррупционные правонарушения наступает на основании норм главы 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» или норм главы 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Это означает, что норма п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ противоречит ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации, устанавливающей: «Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон».

Норма п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ не согласуется с принципом «*nullum crimen, nulla poena, sine lege*» («нет преступления, нет наказания без указания на то в законе»). Конституционный Суд Российской Федерации указывает: «Уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния, а его составообразующие признаки, наличие которых в совершенном деянии, будучи основанием уголовной ответственности, позволяет ограничивать его от иных противоправных, а тем более законных действий, точно и недвусмысленно определены в уголовном законе, непротиворечиво вписывающемся в общую систему правового регулирования»⁴.

К настоящему времени в судебной практике сложился подход к толкованию нормы-дефиниции должностного лица как охватывающей лиц, являющихся специалистами и руководителями среднего звена в акционерных обществах, не имеющих и не могущих иметь доступа к информации о принадлежности акций, эмитированных работодателем: начальника вагонного депо⁵ или заместителя⁶, начальника пункта технического обслуживания

Таблица. Лишение свободы, назначаемое при получении имущества в процессе коммерческого подкупа и при получении взятки

Квалифицирующий признак	Срок лишения свободы	
	Коммерческий подкуп (чч. 6, 7 и 8 ст. 204 УК РФ)	Получение взятки (чч. 2, 5 и 6 ст. 290 УК РФ)
Значительный размер (свыше 25 тыс. руб)	До 5 лет	До 6 лет
Крупный размер (свыше 150 тыс. руб)	От 5 до 9 лет	От 7 до 12 лет
Особо крупный размер (свыше 1 млн руб)	От 7 до 12 лет	От 8 до 15 лет

⁴ По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке : постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 2024 г. № 2-П.

⁵ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23 января 2025 г. № 77-99/2025.

⁶ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 4 апреля 2022 г. по делу №22-363/2022.

вагонов⁷, начальника службы наружных газопроводов⁸, инспектора⁹, специалиста отдела снабжения¹⁰. Правоприменительная ситуация все больше напоминает период действия кодифицированного уголовного закона, принятого сразу после Октябрьской революции, в котором впервые появилась легальная дефиниция должностного лица¹¹. Тогда должностными лицами могли быть признаны даже сторож, курьер или секретарь, работавшие на государственных предприятиях [10].

Практика признания неконституционными примечаний к статье УК РФ существует: пункт 1 примечаний к ст. 158 УК РФ признан не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее ст. ст. 19 (ч. 1), 54 (ч. 2) и 55 (ч. 3), в той мере, в какой ввиду своей неопределенности он допускает в правоприменительной практике различную оценку размера похищенного при хищениях, совершаемых путем обмана о наличии оснований для начисления или увеличения заработной платы (денежного довольствия) применительно к отнесению или неотнесению к этому размеру суммы налога, удержанной и уплаченной налоговым агентом с начисленной под воз-

действием обмана части заработной платы (денежного довольствия)¹².

На сегодняшний день отказ в принятии к рассмотрению жалоб на неконституционность нормы дефиниции должностного лица осуществлен в целом ряде случаев: по жалобам граждан, выполнявших трудовую функцию в государственном¹³ и муниципальном учреждении¹⁴, МЧС России¹⁵, в муниципальном унитарном предприятии¹⁶. В то же время содержание норм российского права и складывающаяся судебная практика дают основание для правового прогноза: предметом конституционного нормоконтроля в ближайшее время станет норма п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ. Очевидно, что она противоречит ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации в той мере, в которой содержащееся в нем определение должностного лица позволяет относить к числу субъектов должностных преступлений работников хозяйственных обществ, не имеющих на законных основаниях права доступа к сведениям, подтверждающим наличие прямого или косвенного контроля публично-правового образования в отношении данного хозяйственного общества.

Список источников

1. Есаков Г. А., Шиткина И. С., Кудрявцев В. В. Должностные лица в акционерных обществах: уголовно-правовое и корпоративное понимание признаков специального субъекта // Уголовное право. 2018. № 6.
2. Румянцева Ю. Н., Середа И. М. Должностное лицо как специальный субъект преступления в законодательстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2018. № 1.

⁷ Апелляционное определение Вологодского областного суда от 23 ноября 2021 г. № 22-2185/2021 ; кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23 января 2025 г. № 77-99/2025.

⁸ Приговор Ленинского районного суда города Саратова, вынесенный 4 апреля 2024 г. по делу № 1-127/2024.

⁹ Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 17 июня 2021 г. по делу № 1-185/2021 (1-1311/2020).

¹⁰ Приговор Сыктывкарского городского суд Республики Коми от 21 февраля 2023 г. по делу № 1-7/2023.

¹¹ Примечание к ст. 105 УК РСФСР 1922 г. (Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР»).

¹² По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2022 г. № 53-П.

¹³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мальцева Евгения Павловича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 примечаний к статье 285 и частью третьей статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2024 г. № 2987-О.

¹⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шаклеина Александра Павловича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 примечаний к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2024 г. № 2986-О.

¹⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Качева Игоря Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 примечаний к статье 285, частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьей 54, частью седьмой статьи 241, частью третьей статьи 303 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2024 г. № 2046-О.

¹⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Маркарян Елены Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 примечаний к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 г. № 2232-О.

3. Белецкий И. А., Миронова Г. Н. Криминализация фактического контроля юридического лица: от идеи к ее реализации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 2(93).
4. Богдан В. В., Урда М. Н. Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58.
5. Болдырев В. А., Кузбагаров А. Н., Максимов В. А. Укрупнение научных специальностей по юриспруденции: аналитика и прогностика // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13, № 3.
6. Болдырев В. А. Дисбаланс количественного соотношения юридических исследований: причины и следствия // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 8.
7. Белецкий И. А. Общественная опасность преступления: о чем нужно писать в кандидатских диссертациях? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1(97).
8. Борков В. Н. Новое определение должностного лица: проблемы толкования // Закон. 2022. № 4.
9. Есаков Г. А., Шиткина И. С. Должностные лица в хозяйственных обществах: новый подход // Уголовное право. 2022. № 1.
10. Вихрянова А. Е., Тарбагаев А. Н. История выделения должностного лица как специального субъекта должностных преступлений // Научный электронный журнал «Меридиан». 2022. № 1(63).

УДК 340.1

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-205-209

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Экспериментальные правовые нормы как инструмент адаптации и модернизации законодательства

Артур Артурович Леднев

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров¹,

✉ arturlednev@list.ru

¹ Академия управления МВД России (Москва, Россия)

В статье рассматриваются экспериментальные правовые нормы как особый механизм, позволяющий без лишних рисков апробировать новые способы регулирования общественных отношений. Автор подчеркивает их ограниченный и временный характер, а также способность вводить инновационные принципы и институты в «пилотном» формате. Анализируется роль экспериментов в повышении гибкости законодательства, раскрывается их функция в развитии правового сознания и укреплении обратной связи между законодателем и гражданами. Показано, что подобный инструмент способствует селективному выявлению правовых пробелов, упрощает корректировку неэффективных положений и помогает научно обосновать масштабные реформы. Делается вывод, что экспериментальные нормы, обладая рядом уникальных черт, представляют собой ключевой фактор адаптации и модернизации правовой системы в контексте современных вызовов.

Ключевые слова: экспериментальные правовые нормы, специальное правовое регулирование, правовая система, модернизация законодательства, правовые эксперименты, пилотные проекты, правотворческий эксперимент

Для цитирования: Леднев А. А. Экспериментальные правовые нормы как инструмент адаптации и модернизации законодательства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 205–209.

Experimental Legal Norms as a Tool for Adaptation and Modernization of Legislation

Artur A. Lednev

post-graduate student of the faculty of scientific and pedagogical personnel training¹,

✉ arturlednev@list.ru

¹ the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The article considers experimental legal norms as a special mechanism that ensures testing new ways of regulating social relations without unnecessary risks. The author emphasizes their limited and temporary nature, as well as the ability to introduce innovative principles and institutions in a 'pilot' format, and analyzes the role of experiments in increasing the flexibility of legislation, reveals their function in the development of legal consciousness and strengthening the feedback between the legislator and citizens. It is shown that such a tool facilitates the selective identification of legal gaps, simplifies the correction of ineffective provisions and helps to scientifically justify large-scale reforms. It is concluded that experimental norms, having a number of unique features, represent a key factor of adaptation and modernization of the legal system in the context of modern challenges.

Keywords: experimental legal norms, special legal regulation, legal system, modernization of the legislation, legal experiments, pilot projects, lawmaking experiment

Citation: Lednev A. A. Experimental Legal Norms as a Tool for Adaptation and Modernization of Legislation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 2(97). Pp. 205–209 (In Russ.).

Право — это многослойная система взаимосвязанных элементов, которые, будучи особым образом упорядочены, порождают уникальную «правовую реальность». Первичной и определяющей единицей такого «организма» является норма права, именно она, по образному сравнению Т. Н. Радько, выступает «клеточкой», из которой складывается вся конструкция правовой системы [1, с. 400]. При этом важней-

шей чертой права остается его динамичность: как живой организм, оно непрестанно развивается вместе с обществом, отражая новые потребности и вызовы времени.

По замечанию С. С. Алексеева, именно системность, наряду с нормативностью и формальной определенностью, во многом определяет социальную ценность права [2, с. 35]. Благодаря этому свойству пра-

вовая система сохраняет единство: отдельно взятая норма, вырванная из общего контекста, не способна существенным образом преобразовать общественную жизнь. Чтобы обеспечить качественное регулирование самых разных сторон действительности, нормы права должны отражать множественность и неоднородность явлений, и эта неоднородность лишь подчеркивает системный характер правового регулирования [2, с. 37].

Правовые нормы можно разделить на общие и специальные. Общие нормы задают базис, который распространяется на типовые ситуации, они формируют фундаментальные принципы регулирования и обеспечивают единство правовой системы. Такие правила универсальны и обращены к неопределенному кругу адресатов: гражданам, органам государственной власти, организациям. При этом специальные нормы необходимы там, где требуется детальная регламентация, обусловленная своеобразием отрасли или конкретной сферы: от порядка лицензирования отдельных видов деятельности до особых условий работы государственных служащих. Эти специализированные предписания нередко уточняют или видоизменяют действие общеобязательных норм, не разрушая при этом систему права в целом, а наоборот, способствуя ее развитию к разнообразным общественным потребностям. В результате создается иерархия, позволяющая учесть как наиболее широкие, фундаментальные требования, так и точечные нюансы специфических ситуаций. Сочетание общих и специальных норм создает многоуровневую архитектуру правового регулирования, при которой в случае коллизии приоритет обычно получает конкретизированное предписание, поскольку оно учитывает специфику обстоятельств и помогает избежать недостаточно точного применения обобщенных положений.

Специализация права — одно из проявлений его непосредственного развития. В правовой сфере происходит своеобразное «разделение труда» между нормами, при котором определенные нормы все больше сосредоточиваются на выполнении конкретных функций. В результате этого содержание норм становится более конкретным и одновременно происходит интеграция в регулировании общественных отношений [3].

Одним из современных проявлений специализации законодательства выступает использование экспериментального правового регулирования. Средством его воплощения в реальные общественные отношения выступает такая разновидность специальной правовой нормы, как экспериментальная.

Экспериментальные нормы действуют в конкретном, заранее очерченном правовом поле и не распространяются на широкую совокупность субъектов, что роднит их со специальными нормами. В отличие от общих правил поведения, рассчитанных на массовое применение, экспериментальные нормы создаются для проверки новых механизмов регулирования в ограниченных условиях [4, с. 37]. Подобная «адресная» специфика объясняет их принадлежность к категории специальных норм: они не пытаются охватить все возможные случаи, а нацелены лишь на определенную сферу, где проверка потенциально полезных решений проходит под пристальным вниманием законодателя и правоприменителя. При этом сам экспериментальный характер таких норм предполагает, что они могут быть отменены или преобразованы по итогам анализа накопленного опыта, если цель апробации достигнута либо результаты оказались неэффективными. Именно такая прицельная направленность и адаптируемость позволяют классифицировать их как разновидность специальных норм, ведь они создаются не для универсальной регламентации, а для точечных, временных и часто новаторских условий.

Экспериментальные правовые нормы представляют собой временные и целенаправленно ограниченные предписания, которые позволяют законодателю проверять эффективность новых механизмов регулирования на практике, не рискуя при этом нарушить стройность всей правовой системы. Например, эксперимент о внедрении беспилотных транспортных средств и создании «Беспилотных логистических коридоров», направлен на развитие транспортных перевозок¹.

Подобные проверки обычно сопровождаются систематическим сбором данных и последующим анализом результатов, по итогам которого принимается решение о дальнейшем развитии новой модели: возможно ее полное включение в постоянное законодательство², частичная корректировка³ либо

¹ Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы «Беспилотные логистические коридоры» на автомобильной дороге общего пользования федерального значения М-11 «Нева»: постановление Правительства РФ от 17 октября 2022 г. № 1849. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»: постановление ВС РФ от 16 июля 1993 г. № 5451/1-1.

³ Об утверждении Положения о порядке организации экспериментов, направленных на развитие федеральной государственной гражданской службы: указ Президента РФ от 31 августа 2020 г. № 536.

полный отказ в случае неудовлетворительных итогов. При этом экспериментальный характер норм не противоречит уже существующим общим и специальным предписаниям, а лишь временно отступает от традиционных установок в пользу поиска более эффективных или гибких способов правового регулирования. Важная особенность заключается в том, что подобные «пилотные» нормы чаще всего содержат механизм мониторинга и обратной связи, что помогает своевременно скорректировать ход эксперимента, если какие-то аспекты требуют доработки или создают риск непредвиденных негативных последствий.

Хотя экспериментальные нормы и относятся к специальным, у них есть ряд уникальных свойств, заслуживающих особого внимания.

Во-первых, они имеют ограниченный характер: действие таких норм может быть четко лимитировано во времени, распространяться лишь на конкретную территорию и затрагивать строго определенный круг лиц, о чем прямо говорится в правовом акте [5, с. 47].

Во-вторых, в отличие от прочих специальных норм, экспериментальные не столько детализируют уже существующие предписания, сколько пробуют ввести новые правовые механизмы в тестовом формате [6, с. 230]. При этом они либо создают новые формы правоотношений⁴, либо меняют привычные принципы регулирования работающих институтов⁵.

В-третьих, важной чертой экспериментальных норм выступает возможность их оперативной корректировки: законодатель, как правило, закладывает в сам текст нормы инструменты быстрой правки или досрочного прекращения, если некоторые положения оказываются малоэффективными на практике. Такой подход обеспечивает устойчивую обратную связь между правоприменителями и правотворческими органами, помогая оптимально приспособить новые регулятивные решения к реальным условиям. Наконец, экспериментальные нормы нередко способствуют развитию правового сознания благодаря тому, что граждане, непосредственно участвуя в оценке их эффективности, получают важную информацию о том, как именно правовые механизмы влияют на общественную жизнь. В результате, когда по итогам эксперимента законодатель закрепляет часть протестированных норм, они уже успевают получить определенное признание и поддержку со стороны общества. Это повышает легитимность но-

вовведений и способствует их более широкому принятию, поскольку такие нормы лучше отражают реальные потребности и интересы граждан.

Говоря о прямом сравнении общеобязательной нормы права с экспериментальной, стоит отметить, что норма права в своем традиционном понимании обладает несколькими базовыми признаками, такими как формальная определенность, общеобязательность, системность, связь с государством и общий характер.

Экспериментальные нормы в общем сохраняют признаки формальной определенности и государственной санкции, а также системности. Однако их общий характер и общеобязательность чаще всего сужаются до конкретных обстоятельств или территорий, где идет проверка новых правил. Кроме того, экспериментальные нормы изначально задумываются как временный инструмент, что отличает их от классических норм права, ориентированных на долгосрочное действие. В то же время они могут иметь более узкий круг адресатов, ведь цель эксперимента — апробация нестандартных решений. Итоги такого «пилотного» регулирования затем анализируются, и если результаты доказывают целесообразность нововведения, экспериментальные установки получают шанс перейти в статус постоянных правовых норм с расширенной сферой применения.

Еще одной характерной чертой экспериментальных норм становится их своеобразный статус по отношению к уже действующим правилам: для запуска эксперимента может потребоваться временное приостановление или ограниченное отступление от некоторых общих положений, причем такой порядок закрепляется прямо в тексте нововведения (часто вместе с законом принимаются поправки в иные федеральные законы).

Следующий существенный признак — предусмотренный механизм взаимодействия с органами контроля, где иногда создается отдельная экспертная комиссия или рабочая группа, наделенная правом оперативно вносить коррективы в нормы в ходе эксперимента. Другой важный момент связан с документальным оформлением: поскольку введение подобных норм всегда сопряжено с риском, законодатель или уполномоченные органы включают в акт об эксперименте перечень условий, при которых эксперимент может быть досрочно завершен или признан несостоявшимся. Наконец, часто практикуется публикация специального отчета о реализации и итогах эксперимента, причем он подается не просто как

⁴ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ: федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ.

⁵ О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве: федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ.

свод фактов и цифр, а как развернутое обоснование выводов, что делает процедуру принятия решения о дальнейшей судьбе экспериментальной нормы более прозрачной и научно обоснованной⁶.

В отличие от общих правовых норм, рассчитанных на долгосрочное функционирование и массовое применение, экспериментальные нормативные положения могут вводить либо частично ослаблять дозволения, предписания и запреты в конкретной сфере, тем самым проверяя, насколько измененный режим регулирования достигает своей цели. Например, предоставление специального льготного налогового режима — налог на профессиональный доход⁷, целью которого было оценить эффект от снижения административного контроля за малым бизнесом. Или установление дополнительных правил и условий въезда в Российскую Федерацию: теперь иностранные граждане или лица без гражданства при пересечении таможенного контроля в аэропортах города Москвы будут в обязательном порядке сдавать биометрические данные (изображение лица и следы папиллярных узоров)⁸.

При этом сами механизмы дозволений, предписаний и запретов в рамках эксперимента обычно сформулированы гибче: предусматривается возможность корректировки или досрочной отмены, если выявится, что введенные послабления приводят к негативным последствиям или, напротив, излишние ограничения мешают эффективной деятельности. Общие правовые нормы, как правило, не предполагают столь быстрой и адресной ревизии, поскольку их базовое назначение — закреплять устоявшийся порядок, а не испытывать гипотезы о том, какие правила могут дать наилучший социально-экономический эффект.

Экспериментальные нормы оказывают на правовую систему многоуровневое воздействие, поскольку они одновременно выступают источником обновления законодательства и своеобразным полигоном для проверки нестандартных решений. Прежде всего такие «пилотные» установки позволяют выявлять реальные потребности или проблемы, которые не всегда очевидны в масштабах традиционного правового регулирования: когда эксперимент проходит в ограниченном сегменте (например, на территории отдельного региона), законодатель получает возможность проследить конкретные экономические, социальные и правоприменительные последствия

новых правил. Если итоги эксперимента оказываются успешными, отработанные модели становятся точкой опоры для широкой реформы или даже для замены малоэффективных норм на более эффективные и гибкие. При этом сама процедура проведения эксперимента часто вскрывает уязвимые места в сопредельных отраслях.

Экспериментальные нормы способны стать драйвером для критических дискуссий в правовой доктрине и правоприменении, поскольку они нередко формулируют альтернативные подходы к уже закрепленным принципам, что заставляет юристов и ученых-правоведов заново оценивать эффективность базовых институтов. Такое точечное и временное преобразование способствует эволюции всей правовой системы, не разрушая ее основы, но побуждая вносить коррективы там, где статичность прежних норм уже не отвечает запросам общества или научно-техническому прогрессу. В результате возникает своеобразный цикл: эксперимент зарождается как ответ на конкретный вызов, проходит проверку в узком сегменте, по итогам «обрастает» системными выводами, которые затем включаются в постоянное законодательство или, напротив, приводят к его корректировке, если результат оказался неожиданным или малоэффективным. Именно благодаря этой диалектической спирали восполняются пробелы, повышается гибкость правовой системы в условиях быстрого изменения общественных и технологических реалий, и при этом сохраняется гарантия, что массовая перестройка ведется только на основании проверенных, подтвержденных практикой решений.

Перспективы развития правового регулирования за счет экспериментальных норм тесно связаны с растущей сложностью общественных отношений и стремительной технологической модернизацией. Так, одной из ключевых сфер экспериментов может стать цифровизация госуправления или цифровое правительство: в отдельных муниципалитетах или ведомствах возможно временно допускать электронные формы взаимодействия чиновников и граждан, тестируя новые способы подачи обращений, выдачи разрешений или даже рассмотрения судебных дел. Сходный потенциал наблюдается в здравоохранении, где пилотные нормы могут апробировать удаленный мониторинг пациентов, учитывая не только вопросы конфиденциальности, но и необходимость

⁶ О туристическом сборе и внесении изменения в Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»: пояснительная записка к проекту федерального закона.

⁷ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ.

⁸ О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: постановление Правительства РФ от 7 ноября 2024 г. № 1510.

быстрого реагирования на изменение состояния больного. В образовании экспериментальные правила могут тестировать инновационные методики обучения, которые будут весьма необходимы, учитывая постоянные разговоры об отмене ЕГЭ. Не менее актуальными становятся правовые эксперименты в сфере искусственного интеллекта и обработки больших данных: временное разрешение алгоритмам самостоятельно формировать юридически значимые решения (например, при сортировке заявок на портале «Госуслуги») способно выявить скрытые риски автоматизации до того, как подобные механизмы будут приняты повсеместно. При этом итоговое расширение и закрепление экспериментально проверенных положений в универсальном законодательстве не только совершенствует систему в плане ее гибкости и актуальности, но и позволяет избежать необратимых последствий, поскольку любая новая норма сперва проходит опробирования в ограниченных условиях, давая возможность законодателю своевременно внести корректировки или вовсе отказаться от неэффективных мер.

Следует также помнить, что экспериментальные нормы не могут быть универсальным решением всех проблем. Чрезмерная частота их внедрения способна вызвать неоправданную изменчивость и нестабильность в правовой системе, из-за чего гражданам и организациям становится труднее планировать свою деятельность на длительный период. В результате происходит дестабилизация инклюзивных институтов власти и, как следствие, замедление темпов экономического роста государства [7, с. 103]. Еще один аспект связан с возрастанием нагрузки на

правоприменителей, вынужденных оперативно приспособливаться к экспериментальным механизмам. Кроме того, подобная политика может привести к «распылению» ресурсов: вместо выверенной законодательной политики появляются многочисленные временные решения, каждое из которых требует административных мер реализации. В итоге, если эксперименты проводятся без достаточных оснований и анализа последствий, система права может утратить свою целостность, а общество — уверенность в стабильности общественных отношений, фундаментальных методах деятельности органов законодательной власти.

Вместе с тем даже при регулярном внесении поправок в законодательство возникают ситуации, когда неясно, насколько новые положения окажутся действенными и не вызовут ли они непредвиденных осложнений в смежных отраслях. Экспериментальные же нормы благодаря целенаправленному и ограниченному во времени характеру позволяют протестировать конкретный правовой механизм в «локальном режиме» и проанализировать результаты до того, как нововведение охватит всю страну. Это снижает риски масштабных ошибок, ведь любое изменение проходит проверку на практике: выявляются потенциальные пробелы, непредусмотренные последствия или, напротив, позитивные эффекты, которые подтверждают, что инициатива заслуживает более широкого применения. Подобная экспериментальная модель дает возможность развивать правовую систему поступательно, сохраняя при этом ее устойчивость и открывая путь к более гибкому и научно обоснованному реформированию.

Список источников

1. Радько Т. Н. Проблемы теории государства и права : учебник. М., 2023.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2.
3. Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства (Проблемы теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1993.
4. Репьев А. Г., Сенякин И. Н. Экспертное значение экспериментальной нормы российского права // Юридическая техника: ежегодник. 2022. № 16.
5. Репьев А. Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1(97).
6. Репьев А. Г. Экспериментальная правовая норма: доктринальная концепция и принципы конструирования (в память о профессоре И. Н. Сенякине) // Юридическая техника. 2025. № 19.
7. Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2015.

УДК 130.121:141.32

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-210-214

5.7.7. Социальная и политическая философия

Феноменологическая редукция идеи служения Отечеству в философии Хайдеггера

Валерий Валерьевич Плотников

кандидат философских наук, доцент кафедры философии¹, ✉ antidoxiya84@mail.ru

Александр Юрьевич Тумин

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры философии², ✉ tumin-msk@mail.ru

¹ Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия)

² Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Россия)

Служение Отечеству представляет собой сложный социокультурный феномен. Привлечение феноменологического контекста, а также применение феноменологической редукции позволяет лучше понять идею служения Отечеству. Феноменология продолжает сохранять позиции ведущего направления современной философии, в котором представлена методология онтологического и гносеологического анализа. Мартин Хайдеггер интересен не только тем, что разработал феноменологический метод, заложив основы экзистенциальной феноменологии, но и тем, что подготовил феноменологический контекст рассмотрения идеи служения Отечеству. Феноменология Хайдеггера позволяет понять служение Отечеству как особую форму экзистенции. Служение Отечеству может быть понято как форма Dasein. Выводы философа относительно экзистенциальной структуры служения Отечеству могут быть вынесены на всеобщий и универсальный уровень, тем самым они интересны и актуальны, в том числе и для нашей культуры.

Ключевые слова: феноменологическая редукция, экзистенция, служение Отечеству, Dasein, забота, Хайдеггер

Для цитирования: Плотников В. В., Тумин А. Ю. Феноменологическая редукция идеи служения Отечеству в философии Хайдеггера // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 210–214.

Phenomenological Reduction of the Idea of Serving the Fatherland in Heidegger's Philosophy

Valerii V. Plotnikov

Candidate of Science (in Philosophy), Associate-Professor at the chair of Philosophy¹, ✉ antidoxiya84@mail.ru

Aleksandr Yu. Tumin

Candidate of Science (in Law), deputy-chief of the chair of Philosophy², ✉ tumin-msk@mail.ru

¹ Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russia)

² V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

Serving the Fatherland is a complex socio-cultural phenomenon. Involvement of phenomenological context, as well as the application of phenomenological reduction contributes to better understanding of the idea of serving the Fatherland. Phenomenology continues to retain the position of the dominant area in modern philosophy, which presents the methodology of ontological and epistemological analysis. Martin Heidegger is interesting not only because he developed the phenomenological method, laying the foundations of existential phenomenology, but also because he prepared a phenomenological context for considering the idea of serving the Fatherland. Heidegger's phenomenology allows us to understand serving the Fatherland as a special form of existentiality. Serving the Fatherland can be understood as a form of Dasein. The philosopher's conclusions

regarding the existential structure of serving the Fatherland can be brought to an overall and universal level, thus, they are interesting and relevant, for our culture as well.

Keywords: phenomenological reduction, existence, serving the Fatherland, Dasein, care, Heidegger

Citation: Plotnikov V. V., Tumin A. Yu. Phenomenological Reduction of the Idea of Serving the Fatherland in Heidegger's Philosophy. *Ethics. Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No. 2(97). Pp. 210–214 (In Russ.).

Философия Мартина Хайдеггера занимает особое место в истории философии XX в. Вопросы, связанные с бытием, экзистенцией и историчностью, лежат в основе его мысли. Однако важным аспектом его философии является и вопрос о служении Отечеству, который требует тщательного анализа с позиции феноменологической редукции — метода, разработанного Эдмундом Гуссерлем и адаптированного Хайдеггером для своих целей. В этой статье мы исследуем, как Хайдеггер осмысливает идею служения Отечеству, применяя методологические принципы феноменологической редукции.

Феноменологический анализ, разработанный Гуссерлем, направлен на «снятие» предвзятостей и предвосхищений, которые затмевают наше восприятие явлений [1, с. 84]. Первоначально феноменологическая редукция направлена на преодоление естественной, или натуралистической, установки сознания. Данная установка сознания свойственна человеку, вовлеченному в предметно-практическую деятельность, и заключается в придании смысла объективного существования всей эмпирической реальности. Начиная с новоевропейской философии (Декарт, Беркли) и далее, у Канта последовательно проводится идея, что эмпирическая реальность, взятая в гносеологическом аспекте, существует прежде всего как реальность для субъекта, тогда как придание ей статуса самостоятельного существования, независимого от субъекта, не может быть обосновано.

Феноменологическая редукция предполагает смысловой акцент на том факте, что эмпирическая реальность существует в качестве мира феноменов, т. е. в контексте сознания. Рассмотренные таким образом явления обнаруживают трансцендентный коррелят, определяющий и определяемый через принцип интенциональности сознания. Этот метод предполагает, что философ должен отстраниться от всех внешних и внутренних предпосылок, чтобы добраться до «сущего в себе», того, что проявляется в чистом виде. Для Эдмунда Гуссерля феноменологическая редукция позволяет сделать возможным сам вопрос о структуре смыслообразования в процессе восприятия реальности. Благодаря феноменологической редукции получается различить акт мышления, ноэзис, и предметное содержание мышления, ноэму, которая выступает трансцендентным коррелятом по отношению к ноэзису. Тем самым феноменологиче-

ский подход призван, с одной стороны, преодолеть естественную установку сознания, без чего невозможно философское познание в принципе, а с другой стороны, намечает выход из солипсизма или агностицизма, к которым приводит последовательная разработка концепции субъект-объектного познавательного процесса, в которой проводится разграничение между феноменальной и ноуменальной составляющей акта познания.

Мартин Хайдеггер, используя феноменологическую редукцию в своей философии, адаптировал ее для исследования бытия. В отличие от Гуссерля, Хайдеггер сосредоточивается не на чистом сознании, а на экзистенциальной структуре человеческого бытия. Разграничивая «бытие наличное» и «бытие сподручное», Хайдеггер замечает, что ближайшей и непосредственной формой реальности для нас самих выступает вовсе не разум, как полагали представители рационалистической традиции (отсюда картезианская концепция когито: «мыслю, следовательно, существую»), или чистое сознание, как полагал Гуссерль, а «экзистенция», в которой преодолевается дихотомия субъекта и объекта, а также обнаруживается единство переживания и самоосуществления. Для Хайдеггера феноменологическая редукция означает снятие предвзятостей, которые мешают осознанию подлинного бытия, раскрываемого непосредственно, через экзистенцию: «лишь собственная временность, которая вместе с тем конечна, делает возможным нечто подобное судьбе, т. е. собственную историчность» [2, с. 19].

Следует заметить, что метод феноменологической редукции в том виде, в котором его рассматривает Гуссерль, применим не к идеям, в их собственном смысле, а к феноменам. Феноменологическая редукция подготавливает возможность перехода от феномена к идее, переопределяя эпистемологический статус эмпирического содержания сознания. В философии Хайдеггера феноменологическая редукция обогащается экзистенциальным подходом, позволяя совершить переход с преимущественно гносеологического предметного поля на онтологическое поле, не нарушая требования беспредпосылочного познания.

Классический для феноменологии переход от гносеологического контекста к онтологическому и одновременно экзистенциальному контексту исторически представлен развитием самой феномено-

логии от Гуссерля к Хайдеггеру. На наш взгляд, он может быть рассмотрен в качестве основания для универсальной модели исследования не только фундаментальных философских вопросов, но и сложных социокультурных феноменов, требующих всестороннего исследования, в том числе с привлечением философии.

Применение феноменологического метода к исследованию проблемы служения Отечеству также позволяет разграничить гносеологический и онтологический контекст. В первом случае достигается переход от феномена служения Отечеству к его идее, которая является для него смыслообразующей структурой и одновременно интенциональным коррелятом сознания. Во втором случае обнаруживается экзистенциальное содержание феномена служения Отечеству.

Рассмотрим гносеологический аспект подробнее. Традиционно считается, что служение Отечеству — это социокультурный феномен, основу которого задает идея служения Отечеству, проявляющаяся на уровне общественного и индивидуального сознания. Поэтому фокус исследования в структуре философского дискурса, как правило, переносится на идею служения Отечеству с форм представленности на уровне социальной практики. Задачи исследования второго аспекта отводятся частным наукам. При этом забывается или не всегда учитывается характер отношения между идеей и формой ее воплощения. В ряде случаев эта смысловая пара берется в упрощенной схеме, где к идее относится все то, что имеет ментальную природу, а к формам воплощения — все то, что имеет материальную природу. Феноменологический подход позволяет показать ограниченность подобной схемы и предлагает дифференцированный подход к категории воплощения идеи, а также уточнение понятия самой идеи. В частности, с позиции феноменологии, идея может воплощаться как на уровне эмпирических феноменов (то, что мы относим к «реальной» практике, материальному миру), так и на уровне феноменов общественного и индивидуального сознания. Это значит, что служение Отечеству существует не на двух уровнях организации реальности — на уровне практики общественного развития в форме системы конкретных социальных действий и на уровне идеи служения Отечеству, носителями которой являются граждане — а уже на трех уровнях.

Первый уровень все тот же — система социальных действий в реальной практике общественного развития. Этот уровень характеризуется как социальный феномен служения Отечеству, так или иначе доступный эмпирической фиксации. Второй уровень — это феномен служения Отечеству как мировоззренческая составляющая общества и ин-

дивида. Служение Отечеству существует на уровне «феномена идеи» в структуре общественного и индивидуального сознания. Здесь еще рано говорить о чистой идее. Феноменальный аспект проявляется в том, что смысловое содержание, взятое в чистом виде, которое и составляет идею служения Отечеству, никогда не отражается в индивидуальном и общественном сознании в неизменном виде, но всегда испытывает на себе влияние со стороны сознания. Таким образом, то, что в ряде случаев определяется как идея служения Отечеству, налично присутствующая в системе общественного и индивидуального сознания, с феноменологической точки зрения корректно назвать феноменом, или явлением. Идея служения Отечеству определенным образом отразилась, воплотилась и раскрылась на уровне сознания отдельных граждан и общественных групп. Отсюда частные формы раскрытия, отражения и воплощения идеи никак нельзя назвать самой идеей, пусть даже речь идет не о предметном и материальном воплощении, а исключительно ментальном или идеологическом.

Теперь обратимся к онтологическому аспекту. Данный аспект раскрывается благодаря привлечению экзистенциального контекста. Служение Отечеству можно рассматривать внешним образом, в качестве социокультурного феномена, имеющего объективное значение, а можно с экзистенциальной, внутренней по своей сути позиции. Экзистенциальный слой служения Отечеству, с позиции Хайдеггера, невозможно определить объективно, используя методологию частных наук. Именно феноменологическая редукция помогает обнаружить и понять скрытые слои бытия, которые не очевидны в обыденном опыте. Она позволяет выйти за рамки поверхностных интерпретаций и приблизиться к пониманию того, что значит «быть» в самом глубоком и фундаментальном смысле [3, с. 426].

Хайдеггер адаптировал феноменологический метод для исследования бытия. В его понимании феноменологическая редукция не только снимает предвзятости, но и открывает путь к истинному пониманию бытия как такового. Для Хайдеггера феноменологическая редукция была не столько методом, сколько способом бытийного раскрытия, который позволяет увидеть, как явления показывают себя в своей подлинности. Это означает, что феноменологическая редукция также выступает экзистенциальным событием для человека, который ее осуществляет.

В работе «Бытие и время» Хайдеггер рассматривает вопрос экзистенции и «бытия-в-мире». Служение Отечеству может быть понято как форма экзистенции, через которую Dasein (человеческое бытие) проявляется в своей историчности и коллективно-

сти. В этом контексте служение не является просто набором действий во имя государства, а представляет собой способ обретения аутентичности через соотнесение себя с историческим контекстом, общностью и судьбой [4, с. 385]. В «Бытии и времени» Хайдеггер утверждает, что *Dasein* всегда существует «в мире» — это не просто абстрактное существо, но конкретное бытие, погруженное в определенный контекст и вовлеченное в отношения с другими. Быть *Dasein* — значит, существовать в конкретных обстоятельствах, иметь дело с миром вокруг, с его материальными, социальными и культурными аспектами.

Экзистенция в философии Хайдеггера не является простой категорией, которую можно отделить от контекста, в котором находится человек. В этом смысле экзистенциальный контекст невозможно адекватно определить, если попытаться объективировать экзистенцию. Экзистенция как концепт означает не просто существование, но первичность существования по отношению ко всякой сущности. У этой идеи колоссальное значение, поскольку она соотносится с фундаментальными проблемами философского дискурса, такими как соотношение свободы и необходимости, бытия и времени, живого и неживого.

Осознание экзистенции затрудняется тем, что в обычном состоянии она скрывается за неподлинными формами существования. Экзистенция — это всегда «бытие-в-мире», что предполагает вовлеченность *Dasein* в конкретные исторические, культурные и социальные условия [5, с. 132]. Бытие в мире означает всегда «внутреннюю позицию» от первого лица, в живом непосредственном акте самоосуществления. В этом смысле понятие служения Отечеству можно рассматривать как одну из форм этой вовлеченности — как способ существования *Dasein* в рамках определенной исторической и коллективной ситуации. Однако экзистенциальный смысл категории служения Отечеству позволяет говорить о разграничении служения подлинного и неподлинного. Подлинное служение Отечеству предполагает «внутреннюю позицию», при которой это служение становится формой самоосуществления *Dasein*. Экзистенция служения отечеству становится первичным слоем реальности для человека по отношению ко всякой форме объективации в качестве социокультурного феномена или категории социального познания.

Феноменологическая редукция, дополненная экзистенциальным контекстом, позволяет освободить идею служения Отечеству от политических и социальных коннотаций, чтобы рассмотреть ее как экзистенциальное явление. Поскольку для Хайдеггера «бытие-в-мире есть всегда также со-бытие с Другим» [6, с. 24], это дает возможность увидеть, что служение Отечеству — это не просто выполнение обязан-

ностей перед государством, а способ существования, в котором проявляется забота о коллективном бытии и исторической судьбе народа.

Идея служения Отечеству в философии Хайдеггера через призму «Бытия и времени» [2] раскрывается как форма экзистенции, в которой *Dasein* проявляется в своей историчности и коллективности. Служение Отечеству — это не просто выполнение обязанностей перед государством, а способ существования, через который человек осознает свою связь с историей и общностью, принимает ответственность за продолжение традиций и укрепление коллективного бытия. Экзистенциальная феноменология Хайдеггера затрагивает сверхиндивидуальный аспект человеческого бытия, который не может быть объективирован привычным образом [7, с. 160].

Таким образом, служение Отечеству в понимании Хайдеггера становится экзистенциальным актом, который неразрывно связан с вопросами аутентичности, историчности и коллективности [8, с. 15]. Это осознанный выбор, через который *Dasein* реализует свое подлинное бытие, участвуя в судьбе своего народа и поддерживая его историческую идентичность.

Для Хайдеггера история — это не просто хронология событий, а процесс раскрытия бытия. В этом смысле служение Отечеству приобретает особое значение как форма участия в историческом бытии. Хайдеггер считал, что историческое сознание — это нечто большее, чем знание истории, это осознание своей принадлежности к народу, культуре и земле, которые определяют наше бытие.

Применяя феноменологическую редукцию, Хайдеггер анализирует идею служения Отечеству как нечто, что выходит за рамки территориальных и политических понятий. Для него Отечество — это пространство, где происходит раскрытие бытия в его историчности. Служение данному пространству — это способ поддержания и продолжения этого процесса, форма ответственного участия в судьбе своего народа.

Одним из ключевых аспектов феноменологической редукции в философии Хайдеггера является снятие индивидуалистических предпосылок в пользу коллективного бытия. Вопрос о служении Отечеству связан с понятием коллективного бытия, где индивид осознает себя частью большего целого. Через феноменологическую редукцию Хайдеггер исследует, как индивидуальное бытие соотносится с коллективной историей и судьбой.

Служение Отечеству в этом контексте можно рассматривать как акт, который выходит за рамки личных интересов и направлен на сохранение и укрепление национальной идентичности. Хайдеггер под-

черкивает, что это служение не должно основываться на слепом патриотизме, а должно быть осмысленным и ответственным. Индивид, осознающий свою связь с историей и культурой своего народа, служит Отечеству, понимая это как реализацию своего подлинного бытия.

Феноменологическая редукция в философии Хайдеггера позволяет глубже понять идею служения Отечеству, освободив ее от внешних коннотаций и стереотипов. Благодаря феноменологической редукции, представляется возможным рассматривать идеи Хайдеггера в предельно общем и универсальном контексте. Это делает актуальными идеи

философа, в том числе и для нашей культуры. Хайдеггер показывает, что служение — это не просто социальная или политическая обязанность, а экзистенциальный выбор, через который Dasein осознает свою историческую и коллективную принадлежность [9, с. 20].

Такое понимание служения Отечеству открывает новые горизонты для интерпретации этого понятия в современном контексте. Через феноменологическую редукцию Хайдеггер позволяет нам увидеть, что служение — это способ существования, направленный на поддержание и продолжение бытия в его исторической и коллективной формах.

Список источников

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. Ч. 1 : Исследования по феноменологии и теории познания / пер. с нем. В. И. Молчанова. М., 2005.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006.
3. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность (проблема времени в европейской философии и науке). М., 2007.
4. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М., 1997.
5. Пилюшенко А. В. «Dasein» или «поток переживаний»: онтологические основания человека через призму феноменологического и психоаналитического подходов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500.
6. Борисов Е. В. Эволюция трансцендентально-феноменологических оснований онтологии в работах Э. Гуссерля и экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1997.
7. Плотников В. В. Надындивидуальный субъект как категория социально-гуманитарного познания // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность : межвуз. сб. науч. тр. Т. 15. Краснодар, 2018.
8. Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М., 1988.
9. Рикер П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М., 1995.

УДК 1

doi: 10.24412/1999-625X-2025-297-215-221

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.4. Этика

Конфигурации единого и многого в современном этическом и философско-правовом дискурсе.

Часть II. Философия права¹

Георгий Чонгарович Синченко

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии¹,

✉ gsinchenko@rambler.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Фундаментальной философской проблемой является поставленная в Древней Греции проблема единого и многого. Разрушение их гармонии приводит к кризису множественности, кризису единства или их сочетанию. К типу кризисов единства относится кризис современного разума. Однако обусловленная им фрагментация принципов, норм, концептов сталкивается с коренящимися в самой природе права серьезными трудностями. Поэтому в философии права кризис разума принимает более мягкую по сравнению с этикой форму и тяготеет к вариациям на тему постметафизического мышления. Интеллектуальное движение, демонстрирующее отдельные симптомы соскальзывания с постмодерного трека, воспринимается в философско-правовом дискурсе как в контексте изобличения глубокой дисгармонии единого и многого, так и в качестве обнадеживающего антикризисного ресурса и возможной точки сборки раздробленного материала в новое целое.

Ключевые слова: право, философия права, единое и многое, кризис, разум, постметафизика, метамодерн, нормативность, регулирование

Для цитирования: Синченко Г. Ч. Конфигурации единого и многого в современном этическом и философско-правовом дискурсе. Часть II. Философия права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 215–221.

Configurations of the One and the Many in Contemporary Ethical and Philosophical-Legal Discourse. Part II. Philosophy of Law

Georgii Ch. Sinchenko

Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Science (in Philosophy), Professor, Professor at the chair of Philosophy and Political Studies¹,

✉ gsinchenko@rambler.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The fundamental philosophical problem is the problem of the One and the Many posed in ancient Greece. The destruction of their harmony leads to the crisis of multiplicity, the crisis of unity or their mixed form. The crisis of modern reason belongs to the type of crises of unity. However, the resulting fragmentation of principles, norms, and concepts faces serious difficulties rooted in the nature of law itself. Therefore, in the philosophy of law, the crisis of reason takes a milder form than in ethics and tends towards variations on the theme of post-metaphysical thinking. The intellectual movement, which shows some symptoms of slipping off the postmodern track, is perceived in philosophical and legal discourse both in the context of exposing the deep disharmony of the One and the Many, and as a hopeful anti-crisis resource and a possible point of reassembly of the fragmented material into a new whole.

Keywords: law, philosophy of law, the One and the Many, crisis, reason, post-metaphysics, metamodern, normativeness, regulation

Citation: Sinchenko G. Ch. Configurations of the One and the Many in Contemporary Ethical and Philosophical-Legal Discourse. Part II. Philosophy of Law. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No. 2(97). Pp. 215–221 (In Russ.).

¹ Данная статья является продолжением статьи: Синченко Г. Ч. Конфигурации единого и многого в современном этическом и философско-правовом дискурсе. Часть I. Этика // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96).

В отборе инструментов для наших целей мы можем добиться и добиваемся успеха везде при всем несовершенстве определений того, чего мы стараемся достичь.

Лон Фуллер

Еще в античной философии была поставлена фундаментальная проблема единого и многого, разрушение гармонии которых приводит к кризису множественности (кризис первого рода), кризису единства (кризис второго рода) или их комбинации. Кризис современного разума, относящегося к кризисам второго рода, протекает в различных формах. В мягкой форме критика разума основывается на историческом подходе к рациональности и строится вокруг идеи постметафизического мышления. В жесткой форме статус разума как решающего регулятора поведения отрицается, а логика единства подчиняется императиву множественности, что влияет в том числе на такие исследовательские программы, которым не чужд интерес к общим моральным принципам. В первой части статьи было предложено описание свойственной современному этическому дискурсу жесткой формы. В рамках метода сравнительного анализа перейдем к философской рефлексии права.

Проблема единого и многого в современной философии права. Пределы дробления

Открытость, необеспеченность, низкая предсказуемость будущего, зыбкость статуса разума и самой реальности, ее перманентная изменчивость и рекомбинируемость обуславливают современные взгляды в том числе и на правовые институции. В теории права разрабатывается сетевая модель [1]. «Случайность в праве» — в соединении с «Синергетикой в праве» либо без такового — поднялась на уровень проблематики если не «мейнстримной», то, во всяком случае, популярной². Диссоциация рациональности права в ее классическом понимании и релятивистско-постмодернистский философско-правовой дискурс неоднократно проанализированы в литературе [см., напр.: 2, с. 283–290; 3, с. 35–58]. Тем не менее тождества с положением дел в нравственной философии нет.

Первая причина коренится в материальной форме клеточки права, т. е. поступке, на юридическом языке именуемом деянием, и не потеряет силу до тех

пор, пока в отличие от морали, которая отзывается на поступки в связи с побуждениями, право, прежде всего в его охранительной функции, будет прицельно реагировать на побуждения в связи с деяниями согласно принципу «помимо своих действий я совершенно не существую для закона» [4, с. 14]. В результате объективации в деяниях интенции приобретают дискретную материальную оболочку, допускающую эмпирическую фиксацию и измерение. Отсюда возможность регулирования общественных отношений методом приложения единой меры к возникающим в обществе единичным проблемным ситуациям строго в границах их идентичности. Ввиду неочевидности таковых границ «проблемой права является следующее: при каких условиях будет справедливым относиться к различным ситуациям как к одинаковым?» [5, с. 11].

Процитированное суждение принадлежит представителю англосаксонской правовой системы, где ведущим источником права традиционно выступает не основной тип нормативных документов, т. е. закон, а судебный прецедент (впрочем, по мнению специалистов, сейчас разница между системами не является столь уж значительной). Категория нормы удержалась даже в так называемой командной теории английского правоведа XIX в. Дж. Остина с характерным для нее вниманием к концептам другого порядка («приказ», «желание», «угроза», «суверен»...) [6]. А что касается его критика и соотечественника Г. Харта, то в знаменитом «Понятии права» он по извлечении урока из просчетов Остина представил право в виде двухуровневой системы правил [7]. В целом же без идеи нормативности не обходятся известнейшие теоретики права ни по ту сторону Атлантики, ни тем более в принадлежащей к романо-германской правовой семье зарубежной Европе и России. Ряд представителей обеих категорий освещают принцип правовой нормативности сразу в аналитической и ценностной плоскостях [напр.: 8, с. 45–57, 121–132; 9, с. 30–48, 84–89; 10, с. 324–379; 11, с. 19, 47–65], а, скажем, С. С. Алексеев — и в «мирозданческой», метафизической [12, с. 313–318, 423–438].

² Бегло перечислю посвященные ей российские научные труды, появившиеся после 2000 г.: «О правовой случайности и правовом хаосе» (Ю. Ю. Ветютнев, 2003); «Необходимость и случайность как выражение закономерностей правовой действительности» (Е. В. Свинин, 2006); «Фактор случайности в правовой жизни» и «Синергетический подход к правоведению» (К. В. Шундилов, 2013); «Модель развития права: от „Эволюции“ к „Взрыву“» (М. А. Беляев, 2016); «Проблема случайности в праве („черные лебеди“ правовой науки)» (В. В. Малахов, 2017); «Синергетический подход в современных юридических исследованиях» (А. В. Петров, А. В. Зырянов, 2017); «Закономерность и случайность в уголовно-правовом регулировании» (К. К. Андрианов, 2019); «Философские детерминанты интерпретации категории „случай“ в праве» и «Юридический факт и случай: соотносимость в правовых отношениях» (Н. А. Плахтий, 2020, 2021); «Правовой хаос как антагонист правового порядка» (Краснова С. И., 2022).

Об автоматически гарантируемой «умудренности» нормативного правового регулирования говорить не приходится. Имеется в виду повышенная потребность в рациональном его наполнении, ибо чем важнее и сложнее общественная функция или институциональная подсистема (не говоря уже о подсистеме властной), чем опаснее последствия ее сбоя, тем актуальнее ее внутренняя и внешняя *foolproof*, устойчивость к несанкционированным и некомпетентным вмешательствам. В то же время довольствоваться образом разума как периодически посещающего правовую сферу консультанта с заранее приобретенными умениями по профилю законотворчества и правореализации значило бы поставить упрощение на грань искажения. Во избежание этого перейдем ко второй причине.

Второй причиной «врожденной» рациональности правового регулирования выступает его имманентная аргументативность. В то время как бездоказательный моральный выбор остается моральным выбором, за бездоказательным юридическим решением остаются разве что формальные атрибуты права, а за нарочито бездоказательным — вызов самой его идее. Потребность в праве рождается не от избытка силы, но скорее от избытка конфронтации сил. Исторически *vae victis* (горе побежденным), т. е. юридически оформленное насилие победителя над побежденным и, беря шире, сильного над слабым, практиковалось, страховкой от очередных попыток заручиться невозможно, однако на регулярной основе оно угрожает общественному союзу людей не меньше, чем массовый выпуск медленнодействующего яда под видом продукта здорового питания угрожал бы им самим.

Нормативность и доказательность в роли стимулов рациональности права как способности установления баланса единого и множественного общеизвестны в отличие от современной концепции, гласящей, что собственно мораль возникла на базе, так сказать, предморальной эмоциональной структуры сопереживания посредством переноса в нее из права рационального регулирования и способности выбора [13, с. 64–65]. Главный ее (концепции) мыслительный ход родственен оценке В. С. Нерсесянцем трактовки нравственности у И. Канта в качестве «юридизации морали» [9, с. 624], понятию коммуникативной рациональности у Ю. Хабермаса [14, с. 34–35], герменевтической интерпретации права как торжества языка над насилием у П. Рикера [15]. В контексте древнегреческой истории объединяющее их начало емко выражено Ж.-П. Вернаном в положении о первичности политической функции логоса, начавшего движение в риторику и философию с общественных и судебных дебатов. Их средствами публичный разум искал практическое решение той

самой проблемы проблем, социально-философскую постановку которой ученый возводит к орфикам: «как в общественном плане единое может произойти от многого, а многое от единого» [16, с. 65, 69]. Усматривая за эллинской спецификой общую закономерность, приходим к заключению, что политико-правовая сфера есть родной дом разума, подобно тому как согласно крылатой фразе М. Хайдеггера «язык есть дом бытия» [17, с. 192]. Вопрос, в течение какого срока повзрослевший отпрыск может позволить себе отсутствовать без особого риска по возвращении обнаружить руины, остается открытым.

Проблема единого и многого в современной философии права. Мотив метамодерна

Поскольку ввиду отмеченных выше обстоятельств фрагментация и иррациональная редукция наталкиваются в философско-правовом дискурсе на более труднопроходимые препятствия, чем в этике, постольку резонансные в российской науке неклассические правовые концепции А. В. Полякова [18, с. 106–116] и И. Л. Честнова неслучайно вписаны в топику постметафизической *рациональности*, т. е. относятся к мягкой форме протекания кризиса современного разума. Примечательно, что последний автор ставит основной вопрос философии права в формулировке, созвучной коренной проблеме единого и многого в редакции К. Свасьяна (см. ч. I настоящей статьи): «Проблему соединения (и разъединения) „экспрессии“ <...> отдельной личности и социального института, бытие которого объективно, так как проявляется в типизированных взаимодействиях <...> можно назвать „основным вопросом социальной философии“ и, соответственно, „основным вопросом философии права“, если речь идет о правовых, юридически значимых взаимодействиях» [3, с. 636].

Поскольку в фокусе постклассического анализа социокультурные объекты предстают многомерными и гетероморфными, постольку воспринятая от структурализма установка на логику их порождения, строения и функционирования закономерно привела к осмыслению иррациональных аспектов права. В российской науке масштабным проникновением в скрытые под современной юридической оболочкой древние духовные пласты стал цикл трудов И. А. Исаева [19–22 и др.], перекликающийся с широким спектром исследований в сфере теории и истории политико-правовой культуры: работами Г. Дж. Бермана о связи западноевропейского права с религиозным мировоззрением и политикой католической церкви [23; 24], культурной концептологией Э. Бенвениста [25], юридической антропологией Н. Рулана [26] и т. д.

Из того, что «археология права» подрывает его репутацию *ratio scripta*, т. е. писаного разума, не вытекает адекватность его же ущемления в мнимом качестве изустного безумия. Напротив, преодоление «амбициозной убежденности современной правовой науки в чистом рационализме своих категорий» [20, с. 8] может способствовать прогрессивному сдвигу — преобразованию вопроса о рациональности *права* в вопрос о рациональности *в праве*, т. е. о месте и формах проявления разумного начала, его пересечении с другими компонентами в составе более сложной системы. Информативная характеристика постметафизической трансформации правовопонимания дана в статье И. Л. Честнова [27]. Мы же остановимся на вопросе, укладывается ли в это русло тема метамодернизма, которая с момента публикации в 2010 г. «Заметок о метамодернизме» Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера получила разнообразные продолжения и, в частности, проникла в философско-правовую область.

В своей конструктивной модальности исходный текст нес ощущение того, что «история продолжается уже после ее поспешно объявленного конца» [28]. В критической модальности установка на реконструкцию смыслов вводилась в статусе неизбежной фикции. Если по Декарту существование Бога доказывается постольку, поскольку «я мыслю», а по Канту — поскольку человек свободен и морально вменяем, то в метамодерне бытие приходится мнить «пролонгированно» осмысленным ввиду того, что деконструировать принцип бинарных оппозиций, не становясь в оппозицию к нему самому, оказалось так же трудно, как держать под самоконтролем выполнение задания не думать о желтой обезьяне. Ирония не выпала из противостояния с серьезностью, а скорее оккупировала место доминанты; то же самое произошло с метонимией в отношении метафоры, поверхностью в отношении глубины, наконец, с изменчивостью в отношении устойчивости и многим в отношении единого. Внутри же бинарности единственно доступным модусом свободы от ее полюсов служит, образно говоря, тактика Колобка из русской сказки, а в отвлеченных терминах — колебание, осцилляция, «нахождение одновременно здесь, там и нигде» [28]. Смысл нужен, чтобы не застыть улыбкой в бездумной (безумной?) иронии, осознание его иллюзорности — чтобы не морщить лоб в нелепом умничанье. Поэтому «метамодерн должен пониматься как пространство-время, которое одновременно ни в порядке, ни в беспорядке» [28].

Отдельно подчеркивалась ошибочность понимания метамодернистской осцилляции в терминах баланса; это «скорее маятник, колеблющийся между

<...> бесчисленным количеством разных положений» [28]. Таким образом, ревизии подверглась не матрица Ж. Бодрийяра, на первой странице «Фатальных стратегий» возвестившего: «Вселенная не диалектична — она обречена на крайности, а не на равновесие» [29, с. 7], а характер ее восприятия.

Обе модальности нашли поддержку в «Манифесте метамодерниста» Л. Тернера: с одной стороны, «дискурс о сущности метамодернизма будет охватывать процесс возрождения искренности, надежды, романтизма, влечения и возврата к общим концепциям и универсальным истинам», с другой, «метамодернизм следует определить как переменчивое состояние между и за пределами иронии и искренности, наивности и осведомленности, релятивизма и истины, оптимизма и сомнения, в поисках множественности несоизмеримых и неуловимых горизонтов» [30]. Противоречивость сочетания первого со вторым, конечно, замечалась. Однако дело в том, что если по логике модерна ошибка раньше или позже порождает ошибку, то по металогики метамодерна «ошибка порождает смысл» [30].

В 2017 г. вышел в свет и спустя два года был издан в русском переводе сборник трудов по метамодернизму под редакцией авторов «Заметок» и Э. Гиббонс [31]. В публикациях инициаторов проекта, подытоживающих истекший период его существования, «лайфхак» Колобка сохранился, а трансформация фукуямовского «конца Истории» в «исторический Поворот (Толчок, Возврат)» в явочном порядке перешла из разряда продуктивного мерцающего заблуждения в «структуру чувствительности», равнозначную «доминантной культурной логике западных капиталистических обществ» [32; 33], которая, в свою очередь, практически равнозначна не названной собственными словами социально-онтологической (историософской) детерминанте ментальной перенастройки с деконструкции на реконструкцию.

Эстетическому мировосприятию, жгучему чувству творческого протеста артистической натуры против тирании чужих шедевров алеаторный³ аттитюд подходит как нельзя более и потому легко подхватывается в среде людей искусства; так, вышеназванный автор «Манифеста» Тёрнер является профессиональным художником. Фронтмены метамодерна как раз и декларируют намерение «провести первоначальную разметку, перекодирование и позиционирование современной эстетики и культуры через искусство» [31, с. 33]. Однако в данном случае познание целого по отдельной части обернулось подведением первого под вторую, на основании чего А. В. Павлов выносит заключение: «Пока

³ В цивилистике известно понятие алеаторной сделки — сделки, отличающейся риском неисполнения ввиду неизвестности в момент ее заключения тех условий, которые могут наступить в будущем.

метамодерн не скажет что-то об эпохе в ее тотальности, причем на должном уровне теоретических и социально-философских обобщений, об окончательной гегемонии среди концепций „постпостмодернизма“ он может даже не думать» [34, с. 15]. Тот же исследователь во вступительной статье к сборнику неоднократно указывает, что метамодернизм понимает культуру слишком узко и в сущности остается эстетической концепцией [35].

Право тоже искусство, но специфическое — искусство добра и справедливости, согласно крылатым словам Цельса. Здесь справедливость, которую, по формуле Г. Радбруха, в особой ситуации следует предпочесть законности⁴, подчас должна потесниться перед милосердием, милосердие — перед целесообразностью, а оно — снова перед законностью, но никак не перед беззаконием. Поскольку драматизм такого обращения заключается в непростом выборе между разнопорядковыми плюсами, а не показной вибрации от плюса к минусу и обратно, постольку перспективы философско-правовой метамодернизации, с ее наследственной аллергией к аксиологическим и прочим иерархиям и фиксациям, по меньшей мере неочевидны.

В российском философско-правовом дискурсе тема метамодерна появилась в 2018–2021 гг. на страницах серии публикаций М. В. Бавсуна и Д. В. Попова «Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти» [37–39], докладе В. Д. Зорькина «Право метамодерна: постановка проблемы» на IX Петербургском международном юридическом форуме [40] и последовавшей за ним статье В. В. Ершова «Право в контексте парадигмы метамодерна» [41].

Авторы «Точки Канетти», о которых нельзя сказать, что они совершенно проходят мимо конструктивной модальности⁵, все же делают упор на критичности, что позволяет подключить словарь метамодернизма к описанию соответствующего ему метакризиса, т. е. взаимоналожения кризиса множественности и кризиса единства. «На данный момент разум в праве, — пишут они, — находится в состоянии осцилляции... В сочетании с отсутствием центральной идеи движения вперед (или куда-либо) это влечет столкновение неопределенности и одновременно гиперопределенности, каждое из которых не является нормой» [38, с. 61–62].

На этом базисе анализируются крах системности в праве, деградация рациональности, экспансия чрезвычайного законодательства, амбивалентность биополитики.

Наоборот, В. Д. Зорькин и В. В. Ершов во главу угла ставят конструктивный момент. Осцилляция интерпретируется в качестве столь нужного правовой мысли расшатывания догматов и прелюдии к неосинтезу: «Концепт права метамодерна, поднимающийся и над правом модерна, и над постмодернистскими типами правопонимания, предлагает более емкое осмысление правовых ценностей. Он, конечно же, должен вобрать в себя представления о человеке как о высшей ценности. Но это должен быть не абстрактный индивид как носитель абстрактных идей свободы, равенства и братства, а живой конкретный человек, являющийся представителем конкретного социума, члены которого соединены общей судьбой на своей земле» [40], — заявляет В. Д. Зорькин. Тот же мотив преодоления упрощений и крайностей на платформе метамодерной «реинкарнации» диалектики единого и многого звучит в статье В. В. Ершова. Оба автора по умолчанию признают за метамодернизмом парадигмальный статус вопреки тому, что «речь идет пока что не о теории метамодерна, а скорее, о концепте, т. е. об идее, содержащей некий замысел нового взгляда на мир» [40].

В связи с этим приходится вернуться к тому факту, что сами лидеры метамодернистского проекта программно настроены не уравнивать и восходить, но вибрировать и скользить, предпочитают быть не *над*, а *с*, *между* и *за*, везде сразу и нигде конкретно. Тем не менее «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется» (Ф. И. Тютчев). Цитированный выше А. В. Павлов выделил любопытную черту концепции метамодерна: несмотря на первоначальную содержательную бесплодность, она активно развивается и является «мощным интеллектуальным движением с большим количеством участников» [34, с. 8–9, 13]. А что способно внести свежесть в застоявшуюся атмосферу фрагментации, если не снежный заряд концентрации? Поскольку данный вопрос представляется риторическим, постольку метамодернизм, в том числе рассматриваемый как почва философско-правовых построений, имеет точки соприкосновения с постметафизическим мышлением

⁴ Известный как формула Радбруха тезис гласит: «Невозможно разграничить случаи „законодательного неправа“ и закона, действующего вопреки своему несправедливому содержанию. Зато можно четко определить: когда к справедливости даже не стремятся, и когда равенство, составляющее ее основу, сознательно отрицается в правотворческом процессе, тогда закон не является лишь „несправедливым правом“, но даже более того — он является неправовым по своей природе, ибо право, включая и позитивное, нельзя определить иначе, чем порядок и совокупность законов, призванных по сути своей служить справедливости» [36, с. 234].

⁵ Метамодерн «оставляет надежду на будущее, которое заключается не в содержании ответов, а в самой возможности их получения, что уже успех» [38, с. 60]; ср.: «Он символизирует собою главное — потребность оставить теорию постмодернизма и начать говорить о чем-то новом» [35, с. 28].

и, главное, совпадает с ним по стремлению за рамки постмодерного перформанса. И это служит косвенным свидетельством в пользу проводимого в первой части статьи суждения об исчерпании запаса ментальных и культурных «энергоресурсов», растрачиваемых в ходе кризиса единства.

Выводы и дискуссия

Сравнительный анализ этического и философско-правового дискурса вывел на различия в характере протекания кризиса современного разума как современного случая резкого дисбаланса мотивов единства и многообразия в человеческой культуре. В этике триединый процесс дерационализации, де-субстанциализации и деуниверсализации морали не ограничился свойственными еще экзистенциализму и персонализму откровенными протестами против нравственной диктатуры всеобщее-нормативного и продолжает оказывать влияние в том числе на такие исследовательские программы, в которых предпринимаются попытки движения в направлении общих моральных принципов. Та же тенденция прослеживается в сфере философско- и теоретико-правового мышления. Однако, сталкиваясь с коренящимися в самой природе права трудностями, здесь она принимает смягченную форму вариаций на тему постметафизического мышления. В его атмосфере интеллектуальное движение, демонстрирующее отдельные симптомы соскальзывания с постмодерного трека, воспринимается как в контексте изобличения поразившей право глубокой дисгармонии единого и многого, так и в качестве обнадеживающего антикризисного ресурса и возможной точки сборки раздробленного материала в новое целое.

В статье оба дискурсивных поля, этическое и философско-правовое, были заужены до отдель-

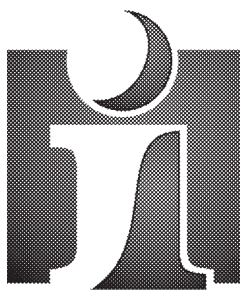
ных течений — вагонеткологии в первом случае и метамодернизма, точнее, его юридиико-философского «тест-драйва», во втором. А надо ли говорить, что в активном фонде и архивах нашей непрерывно, век за веком думающей и пишущей культуры каждой философской теории, любому ее утверждению и всякой точке зрения отыщется отрицание? Однако скрупулезный обзор всей концептуальной панорамы, да еще в двух родственных, но не совпадающих дисциплинах, — гигантская работа, которой иррелевантен статейный формат. Остается надеяться, что достоверно изображены хотя бы общие конфигурации этических и философско-правовых смыслов.

Коль скоро тема прорисована эскизно, ее детали еще ждут цепкого взгляда и твердой руки. Скажем, специфика большей, сравнительно с этикой, юридической привязанности к рациональному и общему не была раскрыта в социально-психологическом ключе. Между тем если в дерационализации и фрагментации нравственности легко увидеть свободу самоопределения, то аналогичная метаморфоза правового регулирования наряду с преимуществом гибкости и подвижности чревата ощущением государственного произвола или, что не лучше, государственной же растерянности. Сидя в академической аудитории или работая над научной статьей, мы можем анализировать поведение правотворца и правоблестителя по-разному, но «когда надеваешь черную мантию, сидишь на возвышении и к тебе обращаются „Ваша честь“, приходится верить, что ты действуешь согласно некоему объективному образцу» [24, с. 19]. Ввиду особенностей правосознания судьи и затем профессора, которому принадлежат эти слова, ему они дали с трудом. Тем больше предпосылок не сводить их к голой пафосной фразе.

Список источников

1. Голоскоков Л. В., Голоскокова Т. И., Оделл М. А. Сетевые аспекты развития права, государства, общества. СПб., 2019.
2. Павлов В. И. От классического к неклассическому юридическому дискурсу. Очерки общей теории и философии права. Минск, 2011.
3. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.
4. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1.
5. Леви Э. Введение в правовое мышление / отв. ред. И. А. Исаев ; пер. А. С. Мамуляна и Л. Ф. Пирожковой. М., 1995.
6. Остин Дж. Определение области юриспруденции. Часть первая. О пользе изучения юриспруденции / под науч. ред. А. М. Михайлова. СПб., 2022.
7. Харт Г. Л. А. Понятие права / под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб., 2007.
8. Дворкин Р. О правах всерьез / ред. Л. Б. Макеева. М., 2004.
9. Нерсесянц В. С. Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
10. Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004.

11. Фуллер Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой ; под ред. А. Куряева. М., 2007.
12. Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
13. Шалютин Б. С., Кисель И. В. Происхождение и сущность права и государства. Екатеринбург, 2012.
14. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. М., 2022.
15. Рикёр П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4.
16. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / общ. ред. Ф. Х. Кессиди, А. П. Юшкевича. М., 1988.
17. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
18. Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004.
19. Исаев И. А. Метафизика власти и закона: У истоков политико-правового сознания. М., 1998.
20. Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006.
21. Исаев И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. М., 2013.
22. Исаев И. А. Мифологемы закона: право и литература. М., 2015.
23. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998.
24. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 2008.
25. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
26. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.
27. Честнов И. Л. Философия права в эпоху постметафизики // Известия вузов. Правоведение. 2017. № 1.
28. Вермюлен Т., Аккер Р. ван ден. Заметки о метамодернизме. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodern> (дата обращения: 10.03.2024).
29. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М., 2017.
30. Тёрнер Л. Метамодернизм: краткое введение. Манифест метамодерниста. URL: <https://vk.com/denisuliss-metamodernizm-kratkoe-vvedenie> (дата обращения: 12.03.2024).
31. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М., 2019.
32. Аккер Р. ван ден, Вермюлен Т. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М., 2019.
33. Аккер Р. ван ден. Историчность метамодерна // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М., 2019.
34. Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. Т. 28, № 6.
35. Павлов А. Метамодернизм: критическое введение // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М., 2019. 494 с.
36. Радбрух Г. Законное неправо и надзаконное право // Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
37. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4(71).
38. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II. Право на задворках духовности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1(72).
39. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья III. Амбивалентность права в контексте биополитической стратегии государства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27, № 1(80).
40. Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=86> (дата обращения: 12.02.2024).
41. Ершов В. В. Право в контексте парадигмы метамодерна // Правосудие. 2019. Т. 1, № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

- рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

- рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

- материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

- исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

- материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://elibrary.ru>). Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

- manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

- manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

- materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

- researches covering foreign scientific juridical thought;

- materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)31-34-83 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)31-34-83 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- вина и ее отражение на уровне общественной опасности преступления
- анализ преступных посягательств в сфере современной работорговли и меры их предупреждения

Право и государство

- медиация как уникальная форма реализации права в будущем
- основания реализации права

Юридические ретроспективы

- история Министерства внутренних дел Российской империи в трудах второй половины XIX — начала XX вв.

Философский и методологический инструментарий

- изучение жизненного мира: социальные исследования между феноменологией и философской антропологией

Религия и общество

- греко-католическая интерпретация «теологии Майдана»

а также

- органы государственной власти с особым правовым статусом в российской системе разделения властей
- поисково-спасательные работы при безвестном исчезновении граждан
- пределы юридизации оперативно-розыскной деятельности
- другие материалы

